

ПАМЯТИ
XX
ВЕКА

СВОИ

РУТА ВАНАГАЙТЕ
ЭФРАИМ ЗУРОФФ

Один еврей, другой убийца, а правда в том, что оба наши

РУТА ВАНАГАЙТЕ, ЭФРАИМ ЗУРОФФ

СВОИ

CoRpus

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВРАГОМ

СВОИ

РУТА ВАНАГАЙТЕ
ЭФРАИМ ЗУРОФФ

СВОИ

ПУТЕШЕСТВИЕ
С ВРАГОМ

Перевод с литовского
Александры Васильковой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622
В17

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ванагайте, Рута

- В17 Свои. Путешествие с врагом / Рута Ванагайте, Эфраим Зурофф; пер. с лит. А. Васильковой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 416 с. (Памяти XX века).

ISBN 978-5-17-107177-6

Книга литовской писательницы и журналистки Руты Ванагайте, написанная при участии Эфраима Зуроффа, вышла в 2016 году, в год 75-летия трагических событий 1941 года, когда в Литве были уничтожены практически все евреи. Всего в 1941–44 годах в Литве погибло около 200 тысяч евреев. В литовских лесах насчитывают 227 мест массовых убийств. В книге приведены документы того времени, показания людей, участвовавших в расстрелах. Ванагайте с известным охотником за нацистами Эфраимом Зуроффом отправляется в путь по местам, где убивали евреев, и общается с оставшимися в живых очевидцами тех событий.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-17-107177-6

- © 2017 Ruta Vanagaite and Efraim Zuroff
- © А. Василькова, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО "Издательство АСТ", 2018
Издательство CORPUS ®

חֲרֻשׁוֹת לַקְּלִיטָה עֲלֵיהָ בַּחִיפָה
ר' ח' י. ל. פּרָץ 20, חִיפָה
סִיפְרִייה
11982
מס' 11 681 / 1

Содержание

<i>Светлана Алексиевич. Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом</i>	9
<i>Кристоф Дикман. Как относиться к преступлениям “своих”?</i>	11

Часть первая Путешествие во тьму

I. “ОПЯТЬ ПРО ЕВРЕЕВ?”	
Как все начиналось	25
Моя родня — жертвы или нет?	31
“Быть евреем” — игра с последствиями	35
Евреи — кто они такие?	41
Очная ставка с врагом	51
Несем ли мы ответственность за свою историю?	57
II. СВОИ. ДЕТИ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ	
Лаймонас Норейка	61
Юлюс Шмулькштис	63
Антанас Кмеляускас	64
Марцелиус Мартинайтис	66
III. СВОИ. ПОЛИТИКИ	69
Литовские активисты	73
Восстание	81
Временное правительство	85
Советники	97

IV. СВОИ. РАССТРЕЛЬЩИКИ ЕВРЕЕВ	
Национальный трудовой охранный батальон	105
Зубной техник и Компания	108
Летучие убийцы	116
Особые мужчины	121
Панеряй: портреты свидетелей	122
Портрет ученика	128
Портрет письмоносца	131
Тридцать лет спустя: сны убийцы	137
Портреты убитых	141
Несгоревшие в аду: свидетельство сжигавшего	147
Судьбы бойцов Особого отряда	150
Командированные убивать	153
Убийцы с человеческим лицом	169
V. ЛИТВА РАЗБОГАТЕЛА	177
VI. СВОИ. СПАСИТЕЛИ	183
VII. ВЗГЛЯД ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	
Интервью с историком	187
ПОСТСКРИПТУМ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ	199

Часть вторая
Путешествие с врагом

ПО ЛИТВЕ С ЭФРАИМОМ ЗУРОФФОМ	205
Эфраим Зурофф. Литва в моей жизни	207
Миссия выполняема? Разговор перед дорогой	215

ПУТЕШЕСТВИЕ

Линкменис / Лингмян	229
Швянчёнис / Свенцян	239
Каварскас / Коварск	251
Укмерге / Вилкомир	263
Шедува / Шадеве	275
Тельшай / Тельш	289
Плунге / Плунгян	295
Плателяй / Плотель	301
Таураге / Тавриг	309
Бутримонис / Бутриманц	315
Паневежис / Понивеж	323
Каунас / Ковне	335
Вильнюс / Вильне	343
Беларусь / Райсн	349
ПРОЩАНИЕ С ВРАГОМ	357

Послесловие Где был Бог?

Разговор с Томасом Шярнасом	367
Разговор с ксендзом Ричардасом Довейкой	375
ЭПИЛОГ	385
<i>Эфраим Зурофф. Литва и Холокост</i>	<i>395</i>
Источники и литература	412

Светлана Алексиевич

Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом

Перед нами книга, которая должна была быть написана в девяностые годы, когда мы были больше открыты правде, но она появилась только сейчас. И все равно вовремя. Страшная книга. Хотя сказать, что книга о Холокосте страшная, ничего не сказать, но тут приближаешься к невозможному для слова. В маленькой Литве 227 мест — ям, рвов, где расстреливали евреев, где-то есть знаки, где-то нет, а где-то уже земля перешла к частному собственнику. Расстреляли 200 тысяч евреев. Почти всех евреев страны! Об этом хотели бы забыть — и военное поколение, а теперь и их внуки: среди убийц литовцев было больше, чем немцев, немцев сотни, литовцев тысячи. Были там простые деревенские парни, но не только, учителя, пасторы тоже были, потому что убийце надо не просто дать автомат в руки, но и вбить несколько идей в голову. “Откуда у нас в простых деревенских домах хорошая мебель и дорогие вещи, откуда золотые коронки?” — спрашивала писательница. Везде следы преступления... Немногие свидетели, которых она нашла, рассказывали шепотом. “Почему вы говорите шепотом?” — “Убьют”. — “Кто убьет?” — “Литовцы”.

Руте Ванайгайте тоже угрожают. Ненавидят многие: родные, знакомые, политики... Все хотят быть жертвами, ни-

кто не хочет быть палачом. Мифы нравятся людям больше правды.

Вы будете плакать над этой книгой — плачьте, но плакать мало, надо думать. Думать о том, как быстро расчеловечивается человек, человека в человеке немного, тонкий слой культуры легко смахнуть. Никто из нас, из тех, кто двадцать лет назад радостно кричал на площадях: “Свобода! Свобода!”, не мог представить себе, что на месте коммунистической тирании вырастет много разных тираний. Опять убивать станет работой. Оглянитесь вокруг — отбоя нет от тех, кто готов делать эту работу. И уже делает.

Я не знаю, как спасти человека. Рута Ванагайте отчаянно хочет его спасти...

Кристоф Дикман,

Бернский университет

Как относиться к преступлениям “своих”?

Мне, немецкому историку, изучающему массовое насилие в Европе в годы Второй мировой войны, приходится время от времени возвращаться к одним и тем же характерным переживаниям. Книга Руты Ванагайте о них напомнила. Если всмотреться в историю Катастрофы, везде — в целых странах, в больших и малых городах, в частных судьбах — мы увидим одно и то же: невероятную жестокость, чудовищное насилие, немыслимые зверства, страдания огромного множества людей. У всех, переживших Вторую мировую войну и Катастрофу на оккупированных территориях Восточной Европы (да и не только там), остались глубокие раны и шрамы. Сегодня мы точно знаем: все причастны, так или иначе вовлечены были все. Власть и выбор — ключевые понятия этого времени. Поэтому так важно взять на себя ответственность за историю своего народа, не ту, какой нам бы хотелось ее видеть, но за невымышленную историю, насколько мы можем ее знать. Часто память нас подводит; задача истории — исправить ее ошибки. Непредвзятый, открытый новому знанию взгляд на исторические события создает куда более надежную основу для собственной жизни и сосуществования друг с другом, чем законсервированные примитивные мифы,

в которых мы восхищаемся славными героями, оплакиваем их самоотверженную гибель, скорбим о жертвах и осуждаем злодеев. Реальная история гораздо сложнее и противоречивей, поскольку в ней мы имеем дело с живыми людьми, а не с упрощенной мифологией. Однако это единственная история, какая у нас есть, и она никогда не бывает сплошь черной или белой. Само по себе обстоятельное исследование мифов не ведет к кровопролитию; только когда ложно воспринятый миф побуждает демонизировать непохожих, в результате люди начинают убивать друг друга.

Смысл книги Руты Ванагайте предельно четко обобщен в ее названии — “Свои”. Одна часть населения Литвы уничтожила другую часть. Несколько тысяч литовцев лично причастны к убийству около двухсот тысяч литовских евреев, которые жили на этой земле. Не “они” убили “их”, а “мы” убили “нас”. Да, такое открытие ошарашивает, поскольку посягает на наше представление о себе. Мы ставим себя под вопрос, выходим из “зоны комфорта”.

Многие немцы, родившиеся через несколько лет после окончания войны, росли с убеждением: “Мой дедушка не был нацистом”. Злодеями были другие, но не мы. У Руты Ванагайте — такой же опыт. Узнать о том, что твоя родня причастна к убийствам литовских евреев, — огромное потрясение! История иногда причиняет боль, память ранит до крови. Катастрофа уничтожила не абстрактное “население”, она происходила не где-то, а совсем рядом с нами. Около трех миллионов литваков были убиты неподалеку от их домов. Сейчас в Литве — более двухсот двадцати мемориальных кладбищ, массовых захоронений и отмеченных памятными знаками расстрельных ям и рвов, а всего в Восточной Европе как минимум пять тысяч мест, в которых уничтожали евреев. Города, деревни, местечки — пространство этих событий, жившие поблизости крестьяне, соседи — их действующие лица, и они

испытывают вполне реальную, конкретную вину, стыд или гордость. Здесь история перестает быть прерогативой группы исследователей; она обращена ко всем, кто готов ее услышать, задавать ей вопросы, в постоянном размышлении и диалоге искать ответ.

Никто не обладает единоличным правом решать, кому подобает рассказывать. Конечно, потом мы можем спорить об источниках, точках зрения, интерпретациях, но каждую такую дискуссию надо рассматривать в более общем потоке других работ о литовском Холокосте — не только научных, но и публицистических, написанных как в Литве, так и за ее пределами. В противном случае нам грозят “религиозные войны”, в которых разумные аргументы только подливают масла в огонь.

Немецкая история памяти пережила немало горячих споров. Воспоминания, исторические интерпретации никогда не бывают статичными, но постоянно развиваются как ответ на предшествующие утверждения. Задающие формы и определяющие выражение межличностных связей и конфликтов “тексты памяти” постоянно меняются под воздействием социальных, культурных и политических контекстов, в которых мы живем. Они динамичны, многочисленны и многоголосны, разнятся в каждом социуме и в каждой группе. Как и что мы хотим помнить, что хотим забыть, как воспринимаем собственное прошлое, определяется нашим нынешним выбором. Так происходит всегда, независимо от того, какую позицию выбираем и каких политических воззрений придерживаемся.

Катастрофа — страница европейской истории, хотя остальной мир к этой трагедии тоже причастен. Девяносто семь процентов жертв Холокоста не были “немецкими евреями”. Большинство из них уничтожены не в Германии, а на оккупированных или союзнических территориях. Совершенно очевидно, что любой националистический или этниче-

ский подход к пониманию происходившего сослужит, скорее, дурную службу. Осмысливать Холокост необходимо в общеевропейском контексте, поскольку упрощенные национально-этнические нарративы обнаружили свою несостоятельность. От исследователя требуется понимание разных языков и культур; представления о действующих лицах, причинах и следствиях предстоит переосмыслить в рамках открывшейся более сложной структуры отношений между оккупантами и оккупируемыми. Уже сейчас очевидно, что это не только история отношений между немцами и евреями, но в ней участвовали и другие народы. Объяснить ее одной-единственной причиной невозможно. Объемную картину того, что побудило разных людей уничтожать своих соседей, может дать только целостное изучение политической, социальной, культурной истории, тогда как любая узко-этническая трактовка трагедии приведет только к нелепому соперничеству, к соблазну меряться бедой. Кто больше всех страдал? Кого сильнее всех мучили? У кого больше палачей, а у кого — жертв? В ответ на эти бессмысленные вопросы, как правило, называют целый народ: “эти немцы”, “эти евреи”, “эти литовцы”, “эти русские”, “эти украинцы, румыны, венгры”. Но что дают такие споры? Эта циничная тяжба нужна разве что тем, кто делает ставку на политику национальной идентичности, поэтому не хочет иметь дело с настоящей историей, но всеми силами пытается превратить ее в “недра”, из которых можно добывать лишь то, что служит нынешним целям. Прошлое, таким образом, превращается в средство, ему не задают честных вопросов, не пытаются услышать правдивый ответ.

Политике идентичности нужны “зоны комфорта” и счастливые развязки. Открытые вопросы, уязвимость, пространственные, неоднозначные ответы не укрепляют “национальную гордость”, а напротив, угрожают ей. Повсеместно, где принята такая политика, можно видеть, как за “своими” за-

крепляется роль жертвы, тогда как палач — всегда “другой”, и это оборачивается жесткой нетерпимостью. Всякий, кто выходит из “зоны комфорта” и ставит трудные вопросы, посягает на невинность “своих” и, по сути, воспринимается как предатель. “Предатель” всегда на кого-то работает. Следовательно, если Рута Ванагайте осмеливается спрашивать “о неприятном”, она, вероятней всего, служит российским, еврейским, польским, немецким, но только не литовским интересам. Это довольно простой способ перебросить на другого стыд и вину, а заодно возложить на него труд ответа на неудобные вопросы. Популярность такой позиции свидетельствует о том, что свободу исторического исследования по-прежнему нужно защищать.

Призыв к открытому, самокритичному размышлению об истории не означает, что каждое слово, каждую мысль в книге Руты Ванагайте надо принимать на веру. Думаю, она и сама с этим не согласится. Книга написана человеком, который не воспринимает историю с ограниченно-этнических позиций, а скорее, переживает ее как гражданин, который верен своей стране, хочет, чтобы ее любили, и понимает, насколько полезно для общества непредвзятое отношение к собственной истории.

Взгляд на историю, который предлагается в этой книге, явно преодолевает ограничения традиционного национального подхода, поэтому очень важно, что появляются ее переводы. Нам дается возможность услышать тех, чей язык мы не понимаем, людей иной культуры, а это очень ценный и продуктивный опыт. Пусть эта книга найдет своих многочисленных читателей и побудит их обратиться к собственной истории главный вопрос, который задает Рута Ванагайте: как относиться к преступлениям “своих”?

Перевод с английского С. Панич

ИСААК АНОЛИК

Родился в 1903 году.

Убит в 1943 году в Каунасе, в IX форте.

Один из самых талантливых еврейских спортсменов Литвы, велосипедист, в 1925 и 1926 годах — чемпион Литвы по гонкам на шоссе.

Представлял Литву на летних Олимпийских играх в Париже в 1924 году и на Олимпийских играх в Амстердаме в 1928 году.

Репортаж с Олимпиады 1924 года в Париже

Журнал “Спорт”

Сошел с дистанции из-за семи проколов и наш велосипедист И. Анолик. Выезжая со старта, он так сильно накачал шины, что знатоки дороги, французы и англичане, ему удивлялись. И в самом деле, в пути камешки очень быстро проткнули ему шины, и, несмотря на отличное физическое здоровье и огромное желание, он не мог ехать дальше, потому что на дороге даже слышать не хотел о том, чтобы взять шины взаймы или даже купить за деньги. Гонщики из других государств были всем обеспечены и на каждом контрольном пункте могли получить еду, шины и все необходимое, поскольку их сопровождали свои автомобили и оставляли все на этих пунктах.

БАЛИС НОРВАЙША

Родился в 1908 году.

Лейтенант, командир Особого отряда,
в 1941–1943 годах руководил карательными операциями
во многих местах Литвы.

В Панеряе Особый отряд уничтожил около 70 тысяч человек.
В 1943 году Балис Норвайша перешел в батальон самообороны.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Предполагается, что Норвайша в 1944 году эмигрировал
в США или Англию. По другим сведениям —
погиб во время бомбардировок Дрездена.

Источники иллюстраций:

слева: фотография из собрания Михаила Душкеса

справа: Центральный государственный архив Литвы

СВОИ

Мы, Александрас, или Витаутас, Божьей милостью Великий князь Литвы, [...] дали права и свободы всем евреям, живущим в нашем государстве [...] если какой-нибудь еврей, принужденный к тому крайней необходимостью, стал бы в ночное время кричать, а христианин не поспешил бы ему на помощь, так все соседи, и евреи тоже, должны заплатить по тридцать шиллингов [...].

*Из привилегий, дарованных Витаутасом Великим
в 1388 году Брастской еврейской общине¹*

Часть первая
**Путешествие
ВО ТЬМУ**

I. “ОПЯТЬ ПРО ЕВРЕЕВ?”

Ну, Гитлер терпеть не мог евреев и вывез их в Германию. Тогда их, типа, загнали в ямы и пустили газ. Вот их больше и нет.

Мой друг Дайнюкас, 15 лет

Как все начиналось

Я — типичная обычная литовка. Всю жизнь жила, зная о Холокосте столько, сколько знает большинство из нас, типичных обычных. Может, побольше, чем Дайнюкас, чьими словами я начинаю эту главу, но ненамного. Я — типичный продукт лжи советской власти и молчания свободной Литвы. *Homo sovieticus lituanus*.

Когда-то, работая в газете, я узнала, какая новость для читателя самая неинтересная. Самый неинтересный заголовок выглядел бы так: “Небольшое землетрясение в Чили. Погибших немного”. Все признаки скучной новости: далеко, случилось с чужими, жертв немного.

Разве не так же обстоит дело и с гибелью евреев? Было давно, случилось с чужими, а жертв, может, и много, но что мы о них знаем? Шесть миллионов погибших в мире, две тысячи в Литве — это всего лишь статистика, много нолей, а ноли ничего не говорят ни нашему сердцу, ни уму. Как

там у Сталина сказано? “Смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — статистика”.

Пятнадцать лет назад — в то время я была директором фестиваля LIFE — в моей жизни произошло событие вроде бы и незначительное, но оно меня довольно сильно встряхнуло. От сталинской статистики и литовского равнодушия я сделала один шагок в сторону человечности. Всего один, никто потом его не поддержал, и тема Холокоста меня, как и других, больше не занимала.

В 1998 году я написала первый в своей жизни текст о евреях, его напечатал еженедельник *Ekstra žinios*.

Вот он.

ОПАСНОСТЬ ИНФЕКЦИИ В ЛИТВЕ СОХРАНЯЕТСЯ

“Может, съездим в Понары?” — спрашивает меня гость, французский художник Кристоф Бертонно (всемирно известный пиротехник, чье огненное шоу на открытии фестиваля LIFE собрало сто тысяч зрителей). Двенадцать километров от Вильнюса, место гибели евреев, сто тысяч погибших (по сведениям из путеводителя *Vilnius in your pocket*). Хорошо, отвечаю я, но так его туда и не везу. Дороги не знаю. На другой день уклоняюсь от прогулки по Вильнюсскому гетто. Не знаю, где проходят его границы. Еврейское кладбище в парке Калну? А разве у нас, литовцев, нет своих трагедий и мемориалов, почему он про них не спрашивает? А может — переглядываемся мы, небольшая группа, — он вовсе не француз, может, он и сам еврей?

Нет, он просто западный человек, умеющий читать.

Наше поколение воспитано в здоровом советском духе. О еврейской Катастрофе, о еврейской истории мы не знали ничего, зато знали много отличных анекдотов про евреев

и умели их, затаившихся евреев, мгновенно распознавать. наших детей мы воспитываем тоже в здоровом — то есть литовском — духе. Трагедия литовского народа — величайшая трагедия, его страдания — вот что главное, потому что это — наше. Массовому истреблению евреев в 1941 году посвящена коротенькая глава в учебнике для пятого класса. И довольно с них — они ведь даже по-литовски не говорили.

У меня есть культурные знакомые — им известно больше. В их глазах разгорается священный огонь ненависти, стоит только произнести слово “еврей”. Знаменитые актеры Молодежного театра, вынужденные играть в спектакле с еврейскими мотивами, все же не смогли заставить себя пойти в музей Модильяни в Париже, потому что у входа узнали, что... Знаменитый литовский путешественник и защитник вымирающих народов во время разговора неожиданно разбушевался: а, эти, да они правят миром, да я их... И как же наши интеллигенты намучились в поисках свежих впечатлений — даже в кино не пойдешь, там Чаплин, Хоффман и Спилберг. На воротах Вильнюсского гетто было написано: “Осторожно: евреи. Опасность инфекции”.

Интересно, что в Литве за двадцать шесть лет независимости изменилось все, лишь в отношениях с евреями со времен статьи Томаса Венцловы “Евреи и литовцы”, написанной в 1978 году, не изменилось ничего. Только евреев не осталось — почти.

Во время крупнейшего в Европе истребления евреев были уничтожены девяносто пять процентов людей, до войны составлявших почти треть населения Вильнюса. Позже — огромная волна эмиграции. В Литве осталось три тысячи евреев. Кого будем обвинять, кого презирать через несколько десятилетий? Что, братья, дезинфицировать будем?

В Вильнюсе не жили ни мои предки, ни мои родители. Я здесь за несколько лет три раза переезжала — и все три

квартиры покупала у евреев, которые отсюда бежали. Покупала дешево. Я воспользовалась их паникой и построила на ней свое благосостояние. И кто из нас жид?

“Литовское правительство — не антисемитское”, — сказал в одной телепередаче писатель Григорий Канович. Нет, оно и правда не антисемитское. И на юбилей Гаона¹ денег дали, и президент Бразаускас в Израиле покаянную речь произнес, а вице-мэр Вильнюса согласился дать разрешение перенести еврейские могилы с территории Дворца спорта в более спокойное место, если это будет сделано не на городские средства.

Политики должны вести себя разумно, то есть так, чтобы избиратели их еще раз избрали. Как бы мы ни выглядели при этом со стороны. А выглядим мы вот как: ни одного военного преступника, участвовавшего в истреблении евреев, в Литве еще не судили, и потому Центр Симона Визенталя предлагает бойкотировать юбилейные торжества в честь Гаона. Семьсот тускуленских жертв² для Литвы значат больше, чем сто тысяч погибших в Панеряе, пишет *US News*.

В Вашингтоне была устроена выставка “Тайная история Каунасского гетто” — двести фотографий Джорджа Кадиса, он снимал через дырочку в пуговице пальто. фотоаппаратом собственного изготовления. Кто заплатит за то, чтобы привезти эту выставку в Литву? Кто подтолкнет образовательный проект, посвященный Холокосту, издать тиражом

Элияху бен Шломо Залман (1720–1797), известен как Виленский Гаон — раввин, талмудист и общественный деятель, один из крупнейших духовных авторитетов ортодоксального еврейства. Слово “гаон” в переводе с иврита означает “гений”.
(Прим. пер.)

В Тускуленском парке в 1944–1947 годах тайно хоронили заключенных. Большинство из них были осуждены по 58-й статье — “предательство родины”. Перед казнью их жестоко пытали, смертные приговоры приводила в исполнение специальная группа, составленная из сотрудников НКГБ — МГБ. Во время археологических раскопок в 1994–1996 гг. и в 2003 году были найдены останки 724 человек
(Прим. пер.)

в 15 тысяч экземпляров “Дневник Анны Франк” и учебники еврейской истории, предназначенные для литовских школ? Кому нужны три тысячи слабеющих голосов?

А если посмотреть на это, не думая ни про избирателей, ни даже про общечеловеческие ценности, только с прагматической точки зрения: какая была бы польза для государства, если бы мы сделали больше, чем обязаны и чем от нас ждут, и, может, по-другому, чем желает большинство избирателей... Если бы перенесли останки евреев на городские средства. Ведь они правят миром, разве не так? И тысячи этих правящих родом из Литвы. Даже в ЮАР восемьдесят пять процентов евреев — литваки. Нет, ответит мне истинный литовец, образ Литвы мы будем создавать репродукциями Чюрлениса и удачными бросками баскетболистов. И подумает про себя: а может, и ты сама, так сказать, если уж поднимаешь этот вопрос?

Да. Мой прадед по материнской линии был рижский сапожник Серадзинский. (К сожалению, как я потом выяснила в архивах, он — поляк).

Моя родня — жертвы или нет?

Должна разочаровать подозрительных читателей — я обыкновенная литовка, у меня нет еврейской крови. И я не просто литовка, а улучшенная литовка, потому что отец моего отца Йонаса Ванагаса, старый Йонас Ванагас, — политзаключенный, осужденный за антисоветскую деятельность и полгода спустя насмерть замерзший в Карлаге. Вся его семья — ссыльные, отбывавшие ссылку в Красноярском крае. Я всегда гордилась дедом, который в Каварскасе спилил дерево, чтобы преградить путь отступающей Красной армии. И сорвал портрет Сталина со школьной стены. Соседи-литовцы, конечно, на него донесли, и он был арестован.

В Литовском особом архиве я прочитала секретное дело своего деда на 96 страницах, его показания и показания

соседа, арестованного Советами вместе с ним, протоколы допросов и очных ставок. Подвиг Йонаса Ванагаса несколько померк в моих глазах, когда я нашла в деле сведения о том, что в годы немецкой оккупации он входил в комиссию, которая составляла списки евреев. Он в убийствах евреев не участвовал, на их добро не зарился, поскольку был достаточно богат. Свидетели на допросах говорили, что все десять евреев из Каварскаса, включенные в список, были в августе 1941 года отправлены в Укмерге. Сосед Балис, которого арестовали и допрашивали вместе с моим дедом, конвоировал этих евреев к месту казни, а в награду за это получил еврейский дом и 4,5 гектара земли. Так записано в деле. Мой дед получил от немцев двух советских военнопленных — работать на его участке. Вот такая небольшая полуживая награда.

Я не просто литовка, я — литовка, пострадавшая при советской власти. В глухие годы зрелого социализма нам, четверем двоюродным сестрам, молодым барышням, хотелось наряжаться и слушать битлов, а у нас не было ни джинсов, ни пластинок. Но у нас в Америке была тетя, папина сестра, а у нее — несказанно добрый муж Антанас. Мы отправляли им письма, перечисляя в них все, чего нам хотелось. Тетя была очень занята, она работала зубным врачом, а ее муж все советские годы ящиками присылал нам джинсы, пластинки и даже пломбы для зубов. И писал нам чудесные теплые письма. Подписывался почему-то не “Антанас”, а “Анто-селе”. Родители нам сказали, что Советы ищут дядю Антанаса, и потому ему лучше своего имени и фамилии нигде не упоминать (ведь письма из-за границы читала советская госбезопасность). Моя тетя была счастлива, ее муж был прекрасным и честным человеком, истинным офицером, полковником армии независимой Литвы, потом, при немцах, начальником полиции в Паневежисе.

Вот оно что. Теперь, когда все присланные Антоселе джинсы давно сносились, когда нет уже ни его, ни тети, ни советской власти, теперь, когда пишу эту книгу, я уже знаю, чем занималась в годы немецкой оккупации литовская полиция в Паневежисе и других городах и почему советская власть так старательно его искала. Не нашла. Антоселе умер во Флориде, на берегу океана, в красивом доме, окруженном садом, где растет огромное манговое дерево. В одном из литовских городков ему поставлен памятник. К сожалению, его имя упоминается и в составленном евреями знаменитом списке пяти тысяч литовских палачей.

Так кто я такая, Рута Ванайте? Славный потомок славных литовских героев или представитель народа презренных убийц, истреблявших евреев, и моя родня запятнала себя преступлениями перед человечеством?

Но ведь у меня была и мама. Она родилась и выросла в Паневежисе, в большом красивом доме с квартирантами, где ее воспитывала не только строгая мама, но и снимавшая у них комнату тетя Циля, которая преподавала немецкий язык в женской гимназии. Циля была немецкой еврейкой. Она бежала в Литву от нацистов? Скорее всего, да. Маме было четырнадцать лет, когда началась война, в Литву вошли немцы, и Танте, как любовно звала ее мама, спешно бежала из Литвы. Куда? Никогда, никогда, как ни разыскивала ее мама по прежним адресам, так и не удалось найти ее следов. В какую яму вас бросили, Танте Циля, в какую печь?

Моя мама потеряла не только тетю Цилю. В Паневежисе, на улице Антанаса Сметоны, и сейчас стоит дом под номером 47, мамин дом. А рядом, в соседнем доме, жила интеллигентная еврейская семья с единственным ребенком. Ицик был на год младше мамы. Все детство они играли вдвоем в мамином саду. Потом настал 1941 год, началась немецкая оккупация, и однажды соседская семья исчезла. В тот день люди

видели, как из гетто гнали евреев, в тот день в лесу вблизи Паневежиса были расстреляны восемь тысяч евреев. Детей укладывали и расстреливали (или расстреливали и укладывали?) в отдельной яме. Там, совсем неглубоко, среди останков 1700 детей из Паневежиса, лежат и косточки Ицика.

Так кто же я? Может, тоже в каком-то смысле жертва, если моя мама во время Холокоста потеряла двух близких людей?

Я просто литовка, чьи деды и родители пережили и советскую, и нацистскую оккупацию. И я принимаю все трагедии своего народа, не разделяя их на свои и чужие, большие и меньшие. Принимаю вину и утраты своей родни, не обвиняя и не приукрашивая того, что было. Хочу понять, что произошло, почему это произошло и с ними, и со всем моим народом. С моими литовцами и моими евреями в моей Литве. Хочу, чтобы это поняли, знали и помнили мои дети.

Мои милые соотечественники, если никто из ваших родных ни в чем таком не участвовал и даже не знал никаких евреев, подумайте вот о какой статистике: за время войны было уничтожено больше двухсот тысяч литовских евреев. Это пятьдесят тысяч домов, а еще — магазины, синагоги, школы и библиотеки, аптеки и больницы... Немцы забирали еврейское золото, выдирали зубы. А сколько по всей Литве в домах убитых евреев осталось другого добра: шкафов, кроватей, часов, простыней и подушек, ботинок и блузок, — все это, разумеется, не ваши деды хватали и везли возами, когда вещи выбрасывали в окна или по дешевке продавали на площадях местечек. Конечно, не ваши деды, а деды других литовцев, похуже. Но, может, вы, хорошие литовцы, знаете, где теперь эти антикварные кровати убитых? Кто на них спит? Какие видит сны?

“Быть евреем” — игра с последствиями

В возрасте пятидесяти семи лет и я впервые в жизни заработала деньги на Холокосте. Заработала немного — минимальную зарплату, 450 евро в месяц, за полгода. А сделала много. Проект “Панеряйская колыбельная” получил финансирование от Европейской комиссии, и это позволило нам провести в Вильнюсе десять удивительнейших мероприятий. Идея проста: собрать группу из сорока человек и дать им на один день почувствовать себя евреями: в синагоге узнать, что такое иудаизм (ведь мало кто из жителей Вильнюса побывал в синагоге), пройти по гетто, провести какое-то время в тайных убежищах, послушать еврейскую музыку, выучить еврейскую песню и танец, поесть то, что едят евреи. И только потом, когда пройдет добрых полдня, когда они всё это прочувствуют,

повеселятся, наедятся и напляшутся, сесть в автобусы и отправиться туда, где евреи погибли. В Панеряй. И это еще не все: по дороге в Панеряй мы выучили песню, “Панеряйскую колыбельную”, сочиненную Тамиллом, одиннадцатилетним мальчиком из гетто. Тамил участвовал в песенном конкурсе, устроенном в гетто в 1942 году, и стал победителем.

В 2012 году я впервые читала, говорила и пела на идише вместе с четырьмя десятками других таких же людей.

ТИХО-ТИХО

Тихо, тихо – здесь повсюду мертвые лежат.
 Где тиран зарыл их в землю, вырос целый сад.
 В Панеряй ведут все тропки, ни одной – домой.
 Наш отец погиб, и счастье он унес с собой.
 Тихо, тихо, мой любимый, горьких слез не лей.
 Дела нет жестоким людям до беды твоей.
 Нет конца у океана, есть конец у тьмы и плена,
 Но вдали не видно огней.¹

В Панеряйском лесу, куда многие из нас пришли впервые, нам рассказали о том, как убивали людей. Мы стояли с розами и камнями и слушали. Потом пели. А после этого молча положили розы на снег, аккуратно укрывший яму — одну из шести, самую большую. На снегу — следы, видно, только что над тысячами раздробленных черепов проскакал панеряйский заяц.

И это еще не все. Обратный путь до Вильнюса стал смелым экспериментом. Должны ли мы были возвращаться в Вильнюс молча после того, что видели и испытали в Панеряе, или, напротив — вдохновленными, объединенными

1 Перевод В. Лавкиной.

ми? На обратном пути, после очной ставки с Холокостом, мы в автобусе откупили кошерное вино, полученное из Израиля, разделили между собой домашние *имберлах*, и Михаил, музыкант из еврейского ансамбля, сыграл нам “Тумбалалайку”. Какое это было невероятное ощущение — ранним воскресным вечером ехать через Северный Иерусалим, пустой город без евреев и без литовцев, и орать во все горло: “Тумбала, тумбала, тумбалалайка!” или “Лехайм!” — “За жизнь!” Драть глотку вместе с четырьмя десятками других глоток. Сорок литовцев, которые еще утром не знали о евреях практически ничего, а теперь, к вечеру, взволнованы, вдохновлены, печальны и бесконечно счастливы...

Добравшись до Вильнюса, участники этой поездки долго не могли расстаться, терзали вопросами нашего гида Симона, просили, чтобы в следующее воскресенье разрешили прийти кьему-то брату, чьей-то маме, тете, подруге... А потом пересказывали домашним то, что услышали про евреев, рассказывали об увиденном. И не у одного из них домашние подозрительно крутили головами: ну, околдовали они тебя, говоришь, как сектант какой. Видишь, как надо их остерегаться... Им только мизинчик протяни — всего утащат...

Прошел год. Проект “Быть евреем” перебрался в Каунас и другие европейские города, где, к сожалению, все сделали казенно, “осваивая европейские средства”. Однако Каунас — Каунас стал для меня потрясением. Стал потрясением час, проведенный в Слободке, нынешнем Вилиямполе.

Вот вам картинка из бывшего гетто, одного из самых больших в Литве — там жили десятки тысяч каунасских евреев, и во время нескольких “акций” (одна из них — детская) все были убиты.

Тридцать каунасских учителей, окружив еврея Симона, стоят посреди бывшего гетто. Дома, погреб, дровяные сараи, где во время войны теснились тысячи евреев, согнанных туда нацистами, дворы, где играли их дети, — а потом всех их вывели на площадь или увели в какой-нибудь из фортов Каунаса и расстреляли. Дома и погреб перестроены, обновлены, там живут каунасцы, которые не знают, где живут и что там делалось до них. Откуда им знать — ничего ведь не написано, ничего не сохранилось, только камень у въезда. Перестроен и этот дом — бывший магазин, в окне которого была выставлена отрубленная голова раввина. Раввину отрубили голову, когда он молился, и положили ее на Талмуд.

Рядом с нами останавливается “ауди”. Открыв окно, бритоголовый водитель орет: “Ну что, жида? Куда лезете? Чего ищете?” Получив вежливый ответ — почти извинение за то, что мы здесь, — от нашего гида, он катит по улочке гетто дальше, но несколько минут спустя разворачивается и на полной скорости мчится в нашу сторону. Визжат тормоза, машина останавливается, едва не врезавшись в нашу группу. Вижу, дело оборачивается плохо, иду к машине и пытаюсь смягчить положение. На сиденье — недопитая бутылка пива. Говорю водителю: “Не сердитесь, понимаете, мы не евреи, это экскурсия, ведь здесь было гетто, вы не знали?” Вижу — для него это новость, он не знает, что такое гетто. “Может, вам не стоит вести машину, — говорю я бритоголовому, — вы же выпивши, попадете в полицию”. — “Я сам полицейский”, — резко отвечает он и наконец уезжает, не сделав нам ничего плохого.

А самой, наверное, удивительной частью проекта “Быть евреем” стала лекция Симона об иудаизме в Вильнюсской хоральной синагоге, где почти все участники этого проекта оказались впервые в жизни.

Скорее всего, многие читатели тоже в синагоге не бывали и мало что знают о евреях и об иудаизме, не слышали остроумного и печального, мудрого и ироничного рассказа Симона, настоящего литвака. Мы с ним вдвоем этот рассказ воспроизвели.

Евреи — кто они такие?

СИМОН: По еврейскому календарю сейчас 5776 год. Почему? Наш календарь указывает на определенные ценности. Мы отсчитываем время не от рождения Иисуса, как христиане, а от первого человека, Адама. Мы — народ Книги, и потому, внимательно читая Книгу, Тору, то есть Ветхий Завет, узнали, в каком году родился Адам. У нас все очень просто. Отсчитывая годы от появления первого человека, а не первого еврея — пророка Авраама, мы словно бы показываем тем самым, что самое главное — человек, а уж потом его религия и прочее.

Для христиан день Господень — воскресенье, день воскресения Иисуса. Для нас седьмой день — суббота, это старый вариант, он есть в Ветхом Завете. Нового Завета мы не читаем.

Почему вы, евреи, не признаете Иисуса?

Нельзя сказать, что евреи не приняли Иисуса. Его ученики были евреями, они приняли Иисуса, назвали себя христианами и обособились. Но мы читаем Тору, а там написано, что Мессия — тот, кто войдет в Иерусалим, а за ним будут идти живые и умершие. За Иисусом шли живые, его ученики, но умершие не шли... А самая главная причина, по которой мы не признаем Иисуса, это его слова: “Веруйте в меня, я — сын Божий”. Евреи верят в Бога, а не в кого-то другого. Если бы Иисус сказал: “Веруйте в Бога, ибо я сын Божий”, — мы бы это, наверное, поняли. И еще из-за рождения Иисуса. В древнем арамейском языке слова “невинный” и “молодой” пишутся одинаково. Мы можем истолковать предложение двояко: “молодая женщина Мария родила младенца” и “невинная женщина Мария родила младенца”. Вторая интерпретация, которую приняли христиане, кажется нам странной...

Что такое шабат?

Наш шабат начинается в пятницу вечером, после захода солнца, и заканчивается после захода солнца в субботу вечером. Это еще раз показывает, что означает быть народом Книги. Надо внимательно читать первую страницу Торы, там написано, когда был первый день при сотворении мира: “И был вечер, и было утро”, и про второй день — “и был вечер, и было утро”. Что это означает? Означает, что и в нашем календаре каждый день начинается с вечера и заканчивается следующим вечером.

К праздничному ужину все в семье одеваются в самые лучшие наряды, готовят самые вкусные блюда, ставят на стол вино, женщины зажигают свечи. Во время шабата мы не пользуемся никакими приборами, обходимся без телефонов, телевизоров и компьютеров, не водим автомобили, не готовим еду. Просто существуем, отдыхаем: разговариваем, молимся, гуляем, играем с детьми, читаем, едим, радуемся. И так всю жизнь, 24 часа каждую неделю. Чем более зависимым делается человечество от технологий, тем больше смысла в еврейском шабате...

Получается, ваш шабат — вроде нашего Рождества, только не раз в год, а каждую неделю... Так вы — избранный народ?

Многие люди думают, что евреи, называя себя избранным народом, словно бы важничают. Слово “избранный” на иврите означает “избранный сделать больше”. Это не привилегия, а долг, обязанность. Своим детям мы передаем ценности через предназначенные для этого истории. Одна история такая: когда Бог выбирал, какой народ станет его избранным народом, евреям не первым было предложено принять Тору. Люди спрашивали: а что нам будет с того, что мы примем Тору, поскольку Тора — это сборник обязанностей. Увидев, как много обязанностей записано в Торе, все отказывались. А евреи Тору приняли — поняли ее смысл. Так что евреи избраны выполнять обязанность — совершенствовать мир (*Тикун Олам*).

Тора — это универсальный сборник советов. В ней в 613 местах написано, что делать и чего не делать. Бог говорил Моисею, Бог говорил Аврааму — а мы внимательно читаем. Христиане скажут, что Божьих заповедей десять, а для нас их 613.

Почему Тора — не книга, а свиток?

Евреи вышли из Египта и скитались в пустыне в поисках отечества, а вместе с ними кочевали животные. В то время книг еще не было, и Тора написана на коже, как это делалось в те времена. Тору переписывали от руки, и если тот, кто переписывал Тору, делал одну ошибку, переписывался огромный свиток. Во время молитвы в синагоге один человек читает Тору, а двое стоят рядом и следят, чтобы он читал правильно.

Как вы искупаете свои грехи?

Иудаизм — не религия, а скорее, выполнение того, что написано. Это в первую очередь образ жизни. Классическим примером здесь могло бы быть понимание греха. Если спросишь христианина, как искупить грех, он ответит, что надо пойти к священнику на исповедь, может, пожертвовать на церковь, может, прочитать сколько-то раз “Аве, Мария” и получить отпущение грехов. В иудаизме все по-другому, никто тебе не дает никакого отпущения грехов. Раввин — не посредник между Богом и человеком. Он, скорее, учитель. Если я согрешил — сам должен понять, что поступил плохо, и тогда пойти, попросить прощения, загладить обиду, возместить моральный ущерб, а четвертая вещь, которую я должен сделать, — пообещать, что это больше никогда не повторится, больше я такого греха не совершу.

Почему евреи раскачиваются, когда молятся?

В Книге сказано, что во время молитвы человек должен быть предельно сосредоточен и молиться всем телом.

Евреи не становятся на колени. Для того чтобы молиться в синагоге, необходим кворум — десять мужчин, это называется миньян. Мы молимся вместе, чувствуя один другого. Мы даже учимся не поодиночке, а хотя бы вдвоем. Еще одна важная вещь, касающаяся еврейского обучения: мы учимся не только читая ответы, но и задавая вопросы сами.

А правда ли, что евреи учатся не так, как наши дети, а по-другому, то есть не стараясь запоминать, а постоянно споря и задавая вопросы?

Действительно, есть большая разница между тем, как христианство учит смотреть на авторитеты, и тем, чему учит иудаизм. Обратите внимание на то, что все наши пророки спорили с Богом. Мы спорим не потому, что нам это нравится, а потому, что в споре рождается истина. Евреи составляют всего три процента человечества, а среди лауреатов Нобелевской премии больше двадцати процентов — евреи. Одного нобелевского лауреата, между прочим, выходца из Литвы, спросили, почему он такой умный. Это заслуга моей мамы, ответил он. Когда я возвращался из школы, моя мама спрашивала совсем про другое, чем мамы других детей. Она не спрашивала, как мои успехи, какую отметку я получил, она спрашивала: ты задал хоть один хороший вопрос? Хотя всем известно, что два плюс два — четыре, мы можем подумать, что есть два котенка и два мышонка, и тогда у нас появится вопрос: в самом ли деле два и два — четыре. Эйнштейн говорил: если нормальному человеку велишь искать иголку в стоге сена, он искать не станет, потому что прекрасно знает поговорку. Однако удача сопровождает

тех людей, которые ищут иголку в стоге сена. И находят. По словам Эйнштейна, если я нахожу одну иголку, то знаю, что будут еще иголки. И продолжаю искать. Нахожу и вторую, и третью. Тем я и отличаюсь от большинства людей. Иудаизм учит неустанно искать истину.

Расскажите, откуда взялась эта традиция — делать мальчикам обрезание.

Она взялась из той же самой Книги. У Авраама, первого еврея, и его жены Сарры долго не было детей. Бог сказал ему: ребенок может родиться только в союзе с Богом. Эта часть мужского тела отвечает за рождение ребенка, и потому ребенок должен быть зачат в союзе с Богом. Каждого еврейского мальчика обрезают на восьмой день его жизни. Теперь все понимают, что это делается и из гигиенических соображений.

Какую еду вы считаете кошерной?

Одна из 613 заповедей, которые мы находим в Торе, звучит так: “Не вари козленка в молоке матери его”. Скажем, караимы, у которых нет Талмуда, когда толкуют Тору, это высказывание понимают буквально, а для евреев запрет варить козленка в молоке матери означает, что нельзя смешивать мясные продукты с молочными. Другой вопрос — какое мясо нам есть запрещено. Мы можем есть мясо парнокопытных жвачных животных. Говорят, что евреи не едят свинину, потому что свинья — грязное животное. Свинья несколько не грязнее других животных. Однако современная наука доказывает, что свинина для чело-

века — нездоровая пища. Для того чтобы мясо было кошерным, животное должно быть заколото или зарезано таким способом, чтобы причинить ему как можно меньше боли. Это делает особый человек, ритуальный резник. То, что мы прочли в Торе, теперь, через столько лет, подтверждает наука — если животное мучается, в его мясо попадают токсины. В Торе есть много непонятного для нас, но теперь наука доказала, что это хорошо.

А миф про мацу? Якобы вы добавляете в нее кровь христианских младенцев.

Этот миф был распространен еще в Средневековье, во времена инквизиции и охоты на ведьм. В нашей еде вообще не может быть крови. Маца — это лепешки религиозного предназначения, мы едим их все восемь дней праздника Песах. Когда евреи бежали из Египта, они не успели положить в тесто для хлеба закваску, и получились лепешки — из муки с водой, испеченные на солнце. Во время праздника Песах все — и богач, и бедняк, — вспоминая своих предков, вышедших из Египта, не едят ничего мучного, только мацу.

Почему евреи носят шапочку — кипу?

Есть детское объяснение, и есть серьезные. Мама говорила мне, что кипу мы надеваем для того, чтобы Богу сверху было видно, кто из людей — евреи. В раннем христианстве все священники покрывали голову, а теперь головные уборы носят только высшие иерархи христианской церкви. А евреи — все их носят. Покры-

вать голову для нас — знак уважения, в отличие от христианского мира, где из уважения или в святых местах мужчины снимают шапки.

Как вы провожаете своих умерших?

Умершего человека хоронят в тот же, самое позднее — на следующий день. Его не одевают в костюм или красивое платье. Тело заворачивают в обычную простыню. Кем бы ни был человек в этом мире, в другой мир мы все отправляемся одинаковыми. После похорон — семидневный траур, семья скорбит дома, а друзья и близкие приходят их навестить. В современном мире семья готовит поминальный обед, а в иудаизме все наоборот — друзья и близкие во время траура приносят еду семье умершего. Через тридцать дней принято ставить памятный камень, памятник. На кладбища мы приносим не цветы, а камень, как символ вечности и вместе с тем — печали. Это словно частичка разрушенного Иерусалимского храма, нас печалит напоминание о том, что он был уничтожен. Мы верим, что, когда придет Мессия, Святилище будет заново отстроено, и тогда вместе с живыми туда войдут и воскресшие умершие.

Как иудеи представляют себе Бога? Это старик на небесах или это сила — кто или что это?

Войдя в синагогу, не ищите никаких изображений — ни Бога, ни каких-нибудь святых. Бог — всеобъемлющий, Сущий. Мы не думаем о нем, как о чем-то материальном. Я бы предложил вот какое сравнение: мы — словно муравьишки, суетящиеся на земле и вдруг увидевшие

пролетающий над ними огромный боинг. Наше постижение Бога в точности на таком же уровне: что могут понять муравьишки, глядя на пролетающий боинг? Они видели пролетающих птиц, так что некоторые муравьишки могут сказать: это летит очень большая птица. Другие скажут, что это будто гром, третьи — что много лампочек, а еще кто-то вообще не поймет, что это было. Это примитивное, но верное сравнение. Мы должны делать то, что нам по силам, но вместе с тем понимать, насколько ограничено наше понимание.

В конце разговора Симон рассказал две коротких истории.

МОТЫЛЕК

Дети вздумали посмеяться над раввином, который будто бы знает все. Один из них спрятал в кулаке мотылька. Они решили спросить раввина, жив ли мотылек или нет. Если раввин скажет, что жив, ребенок сожмет кулак, и мотылька не будет. А если скажет, что нет, — раскроет ладонь, и мотылек улетит. Раввину никак не угадать.

Они подошли к раввину и спросили, жив ли мотылек в руке или нет, а раввин ответил: “Не знаю, жив он или нет. Знаю одно: все в ваших руках”.

ДВА ЗВЕРЯ

В каждом из нас живут два зверя: один злой, другой добрый. Злой — это ненависть, ложь, зависть, жестокость. Добрый — это все хорошие качества: щедрость, благородство, любовь.

Юноша спросил у человека постарше, какой из этих зверей побеждает, и тот ответил: “Я не знаю, который из зверей побеждает в каждом человеке. Знаю одно: побеждает тот зверь, которого ты кормишь”.

Какого зверя кормили в себе наши в 1941 году? Те, что составляли списки евреев, конвоировали их, сторожили... И те, что стреляли. Или они сами превратились в зверей?

Очная ставка с врагом

После завершения проекта “Быть евреем” должна была состояться посвященная Холокосту просветительская конференция.

Ненавижу слово “конференция”. И слово “проект”. И слово “просветительский”. Я еще не организовала ни одной конференции, а сбежала с многих. Что меня ждет? Надо делать приглашения, собирать участников, готовить материалы для раздачи, обеспечивать перевод докладов, потом выступают скучные типы, публика зевает, а мне еще и роль модератора достается... Бррр... Ну, может, еврейский обед с музыкой в перерыве сделает унылое мероприятие чуть повеселее? Может, надо бы и кошерным вином запастись?

Кого пригласить выступить? Придется довериться знаатокам — я то и дело пью кофе с разнообразными специалистами по Холокосту... Они предлагают кроме литовских историков пригласить на конференцию двух заморских ли-

товцев — Саулюса Сужеделиса (первый раз о таком слышу) и Томаса Венцлову (ого! только согласится ли он?) — и еще кого-нибудь из нового еврейского музея в Варшаве. А вот кого — боже сохрани! — не приглашать, так это очернителя Литвы Довида Каца и охотника за нацистами Эфраима Зуроффа. Если уж я непременно хочу пригласить кого-нибудь “спорного” — так только не Зуроффа. Он недавно в Иерусалиме заставил расплакаться прибывшую из Литвы учительскую делегацию — обозвал теток убийцами евреев. Хм... Нехорошо. А если будут те двое или кто-то один из них — не дойдет ли до драки? Нет, говорят, не должно. Может, договоришься с Зуроффом, чтобы не доводил всех до слез, он ведь разумный человек. Но если будут Кац и Зурофф — представители академического сообщества в твоей конференции точно участвовать не станут, потому что эти двое оба работают на Путина, он их финансирует.

Ну, думаю, это уж совсем никуда не годится. Не хочу я в Литве агентов Путина, если их приглашу, скажут, что я и сама такая. Только переспрашиваю для верности: а откуда консультанты знают про путинские деньги, которые получают эти двое бессовестных? Одному об этом сказал кто-то из американского посольства. Другой тоже несколько не сомневается, потому что среди друзей Зуроффа в Фейсбуке нашел сторонников Путина...

Мне уже становится весело... Вернувшись домой, нахожу литовскую информацию про этих врагов Литвы. Да, они из года в год чернят нас во всем мире, не иначе как Путиным подкуплены... Они всё велят нам привлечь к ответственности палачей, а еще указывают, чтобы мы не допускали шестивий ультраправых ни в центре Каунаса, ни в центре Вильнюса. Зурофф, видимо, особенно воинственный: пишут, что он своими грязными руками роется в наших архивах. Загляну тогда уж и в нелитовские источники: оказывается, это-

го самого чудовищного Зуроффа приглашают читать лекции по всему миру, он написал три книги, и их перевели на восемнадцать языков. За усилия, приложенные им для поимки нацистов в Сербии, был выдвинут на Нобелевскую премию. Не получил — в тот раз ее присудили Бараку Обаме.

Итак, в тот же вечер я пишу электронные письма обоим очернителям Литвы. Все интереснее будет — и вина покупать не придется. Да и какая конференция без евреев? На следующий день получаю ответы — и тот, и другой спрашивают, на каких условиях их приглашают на конференцию. Условия те же, что для всех докладчиков: оплата перелетов и гостиницы, и предлагаем гонорар в пятьсот евро.

Только потом я узнала, что для обоих очернителей это был шок — еще никто в независимой Литве не приглашал их ни на какие более или менее официальные мероприятия, да еще в Вильнюсском самоуправлении, да еще чтобы все было оплачено, да еще чтобы приличный гонорар заплатили. Эх, слишком поздно узнала, все равно пригласила бы, но гонорара бы не предлагала. Эфраим Зурофф сообщил, что скоро приедет в Литву, будет наблюдать за шествием неонацистов 11 марта, и тогда мы можем ненадолго встретиться. Я подумала, что, может, в общественном месте он меня не побьет, но, скорее всего, традиционно и меня прибьет к кресту как литовку за все прегрешения Литвы. Выдержу, не разревусь, как те учительницы.

Войдя в кафе, я увидела это страшилище и сразу поняла, почему его так боятся, и не только в Литве. Мы привыкли к тому, что евреи невысокие, часто тщедушные или толстенькие (да сколько мы тех евреев видели?), а тут передо мной — великан, заполняющий собой все пространство. (Позже я прочла в одной южноафриканской газете, что Зурофф похож на мамонта.) Хочется сесть как можно дальше от него. Мы устраиваемся за самым большим столом. Синие глаза

сверлят меня взглядом, с нескрываемым недоверием изучают представительницу народа-убийцы. Первый же вопрос Зурофф задает прямо в лоб: “Почему вы взялись за этот проект? Из-за денег, который заплатит Евросоюз?” — “Нет, — так же напрямик режу я, — взялась, потому что среди моей родни обнаружили люди, которые, скорее всего, участвовали в Холокосте. Я чувствую, что, вспомнив об этом и почтив память убитых евреев, хоть немного искуплю их возможную вину”. И рассказываю про тетиного мужа и про своего деда.

“Вы, пожалуй, первый человек в Литве, от которого слышу признание вины его родственников, — говорит Зурофф. — За двадцать пять лет своей деятельности в Литве не встретил ни одного, кто бы так сказал. Литва — самая тяжелая, самая неблагодарная страна, здесь правду особенно тщательно скрывают”. Теперь моя очередь нанести удар: “Скажите, а правда, что вы работаете на Путина? Ведь Путину выгодно, чтобы литовцев во всем мире считали нацистами. Вы это и утверждаете. Сколько Путин вам платит?”

Зурофф не удивляется. Долго рассказывает о своей антисоветской деятельности, о своих отношениях с путинскими русскими, которые пытались его использовать в своих целях. И вот, после нападок с обеих сторон, мы наконец начинаем разговаривать как нормальные люди. Зурофф говорит, что очень хотел бы участвовать в конференции, но, к сожалению, в это время должен читать цикл лекций в США. Называет мне еще несколько имен. А о чем, любопытно, вы говорили бы, если бы выступали на конференции?

“О том, как нелегко Литве и всей Восточной Европе открыто говорить о Холокосте. По двум причинам. Одна — только в Восточной Европе сотрудничество с нацистами означает активное участие местных жителей в убийствах евреев. В Западной Европе евреев изолировали, но не убива-

ли. Западноевропейских евреев возили убивать в Восточную Европу — в первую очередь в польские концентрационные лагеря, но и в Литву тоже. Другая причина — после Второй мировой войны страны Восточной Европы либо были оккупированы, либо оказались в сфере влияния советского режима. В советские времена правду о Холокосте замалчивали или она доходила в искаженном виде. Я не такой идиот и фанатик, чтобы думать, будто Литва за несколько лет независимости может настолько созреть, что смело взглянет на самые черные пятна своей истории. Франция это сделала только через пятьдесят лет после войны. Но все равно рано или поздно это придется сделать и литовцам”.

Ну, думаю, нет в этом Зуроффе ничего страшного, даже жалко, что этого мамонта на нашей конференции не будет. Предлагаю ему обычное в таких случаях решение — сейчас, пока он в Литве, сделать видеозапись его доклада и показать ее во время конференции. Польза от этого была бы тройная: мы бы и мамонта заполучили, и литовские историки не стали бы нас бойкотировать, и драки мы бы избежали.

Вот так и началось мое знакомство с очернителем Литвы и злодеем, доводящим до слез учительниц. С человеком, который несколько десятилетий упорно преследует нацистов по всему миру, охотится на них практически в одиночку, получая хоть какое-то финансирование для своего мелкого предприятия от Соединенных Штатов, но без поддержки со стороны Государства Израиль. Когда Зурофф был в Вильнюсе, израильский посол в Литве его, можно сказать, “послал”, потому что он только разъезжает повсюду и портит людям настроение.

Видеозапись доклада охотника за нацистами мы делали в гостинице рядом с вокзалом, в холле, на фоне громко разговаривающих русских туристов. После записи распрощались. Крепко пожали друг другу руки. “А знаете, о чем я меч-

таю? — спросила я Зуроффа. — О том, чтобы когда-нибудь на такой вот конференции, посвященной Холокосту, я смогла бы попросить вас и господина Каца выйти из зала и закрыть за собой дверь с той стороны. Пришло время, сказала бы я вам, когда мы, литовцы, сами, без вашей помощи, разберемся с черными или серыми пятнами своего прошлого”. — “Превосходно, — ответил он, — и я мечтаю о том же”.

По дороге домой я думала о том, что говорил Эфраим Зурофф, о том, какая доля правды в его словах об убийствах евреев в Восточной Европе, о том, что будут говорить о вине населения Литвы на нашей конференции докладчики-литовцы. И еще одна мысль пришла мне в голову: наверное, интересно было бы вместе с Эфраимом Зуроффом проехать по Литве, по местам истребления евреев, в поисках еще живых свидетелей, в поисках правды. Начали бы мы с Линкмениса, где жили его прадеды, павшие под пулями в Панеряе. Мог бы получиться документальный фильм с отличным названием — “Путешествие с врагом”. Что нашли бы в этом путешествии мы, враги, литовка и еврей? Чья версия Холокоста в Литве подтвердилась бы: правда литовских учебников или совсем другая, страшная, которую потому и замалчивают? А что, если Зурофф не чудовище? Кто тогда чудовище?

Несем ли мы ответственность за свою историю?

Удивительный вопрос, вы согласны? Невероятно, но правда: так называется глава о Холокосте в учебнике, рекомендованном министерством просвещения и науки. Итак, *Laikas* (“Время”), учебник истории для десятого класса, издательство *Briedis*, 2007 год.
Внимательно читаю.

Жертвами нацистов и их пособников, *некоторых литовских подонков*, стали более 130 тысяч человек (с. 118).

Глава “Несем ли мы ответственность за свою историю?”

В наше время литовцам на Западе часто приклеивают ярлык *zydšaudžiu* — расстрельщиков, убийц евреев, — утвер-

жда, что литовский антисемитизм имеет глубокие исторические корни, что местные жители охотно участвовали в истреблении евреев. На самом деле было не так. [...] Сначала народы рассорили большевики, потом — нацисты. Во время Второй мировой войны преследование и уничтожение евреев организовала и осуществляла нацистская Германия, которая оккупировала Литву. Очевидно и то, что без поддержки сотрудничавших с нацистами литовских властей *не удалось бы истребить так много наших евреев*. Из-за нескольких тысяч участников массовой расправы на Литве осталось несмываемое кровавое пятно.

Несет ли литовский народ ответственность за Холокост? Бывший узник Каунасского гетто профессор Александр Штромас утверждает: “Может быть, худшее наследие Холокоста — обоюдная склонность взвалить ответственность на народы и группы людей и растущее — также обоюдное — нежелание *отделить виновных от невиновных и от лучших, благороднейших людей*, какие были среди представителей всех народов”. [...] В 1994 году Сейм Литовской республики объявил 23 сентября — день ликвидации Вильнюсского гетто — днем памяти геноцида литовских евреев (с. 121).

На этом глава заканчивается.

Читаю — и у меня концы с концами не сходятся. То ли евреев убивали “некоторые литовские подонки”, как утверждается на странице 118, то ли все же “сотрудничавшие с нацистами литовские власти” содействовали массовым убийствам, как утверждается на странице 121, кроме того, даже “из-за нескольких тысяч участников массовой расправы на Литве осталось несмываемое кровавое пятно”? Так правильно ли я понимаю, что тогдашняя литовская власть поддерживала подонков, а значит, сама была такая же? А подонков было несколько тысяч? Мно-

говато... А может, эти несколько тысяч, опиравшиеся на поддержку литовской власти, были не подонками, а... Кем они были? И поскольку учебник предлагает отделить виновных от невиновных и от лучших, благороднейших людей — так отделим.

В гибели 96 процентов литовских евреев виновны (кроме нацистов) ... Есть три варианта:

Подонки.

Литовские власти.

Тысячи литовцев.

Какой из вариантов правильный? Или все три?

Так я начала поиски ответов. Меня вдохновляла и статья историка Нериюса Шепетиса, которую после проекта “Быть евреем” разместили у себя целых три литовских портала. Историк размышляет о том, не был ли этот проект всего лишь “шоу полезных идиотов”¹.

Те, кто участвовал в Литве в истреблении наших евреев, — большей частью литовцы. И что? Давайте составим их списки, еще лучше — напишем их биографии, понемногу выявляя (если получится) типичные черты, но так просто не отдадим наших евреев тем, кто уподобляется охотникам

1 Авторство термина “полезные идиоты” обычно приписывается Ленину, иногда — Радеку. Раньше так называли граждан западных стран, симпатизировавших СССР и считавших себя его союзниками, которых советское правительство использовало в своих целях. Сейчас термин применяется более широко для обозначения человека, который оказывается марионеткой политического движения, террористической группы или враждебного правительства, иногда под полезным идиотом подразумевают невежду, которого легко заставить действовать против собственных интересов или во имя “высшего блага”. (Прим. пер.)

на нацистов (таким, как Зурофф) или защитникам истории (таким, как Кац). Потому что для них жившие среди нас и убитые евреи — только орудие¹.

Слова “И что?” побудили меня начать книгу — одинокий путь одной женщины в сторону истины. Главное правило, которого я придерживалась в этом моем путешествии, — углубляться только в то, что написано, издано или сказано в Литве, написано или сказано своими, литовскими людьми. А не теми, кто живет в США или Израиле. Никаких свидетельств с той стороны.

С чего, с кого начать? Может быть, с детей — свидетелей Холокоста?

1 Nerijus Šepetys. “«Būti žydu» Lietuvoje: Šoa atminimo stiprinimas, pilietinio sąmoningumo ugdymas, o gal... naudingų idiotų šou?” 15 min. lt, 30 мая 2015 г.

II. СВОИ. ДЕТИ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ

В Вашингтонском музее Холокоста хранятся несколько сотен видеозаписей — интервью¹ с людьми из Литвы, которые видели события 1941 года. Или с теми, кто участвовал в Холокосте.

Лаймонас Нореика

Актер, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Лаймонасу было 14 лет.

В июне 1941 года, когда началась война, мы с братом работали в переплетной мастерской. Возвращаясь домой, мы увидели, что на повороте с проспекта Витаутаса стоит толпа. Небольшая толпа, человек, может, пятьдесят. Мы с братом подошли. Мне тогда шел пятнадцатый год, а брату было уже восемнадцать. Я притиснулся к ограде, там была такая плетеная проволочная ограда. Притиснулся совсем близ-

¹ Все четыре интервью — из фондов Вашингтонского музея Холокоста. Коллекция Джеффа и Тоби Хэрт.

ко. Это был гараж “Летукуса”¹. Три двери, ведущие в гараж, были распахнуты, а двор полон конского навоза. Его было так много — наверное, в этом гараже или немцы, или русские перед отступлением держали коней, и собралось много этого навоза.

У меня прямо перед глазами стоит мужчина, одетый в черное, интеллигентный такой, а другой падает на колени и сгребает этот навоз. А тот интеллигентный лупит его по спине железной штангой и орет: “Норма! Норма! Норма!” А человек собирает этот навоз, навоз у него из рук валится, и тот опять бьет его по спине железной штангой и опять орет: “Норма!”

Я увидел две группы. Один одну забивает, другой другую. Ужас кромешный. Я больше никуда и не смотрел даже... И тот человек потом упал и уже не поднялся. Тогда этот взял шланг там, где машины моют, и льет на него воду, и тот начал шевелиться, подниматься... Тогда опять битье, опять навоз и опять: “Норма, норма!”

Гаражные ворота открыты, на земле видны неподвижные люди. А дальше там внутри темно, ничего не видно. У ворот одни люди стоят, другие лежат. Живые? Неживые? Не шевелятся. У меня осталось впечатление, что все они там — и те, кто избивал, и те, кого избивали, — были интеллигентные люди в костюмах, не какие-нибудь рабочие. Крови не видел, только навоз и потоки воды.

В толпе не было ни одобряющих, ни протестующих, все только смотрели, прижавшись к этой ограде. Любопытные. Мы там пробыли, может, десять минут, может, больше... Потом брат взял меня за плечи, оттащил от ограды, и мы пошли домой.

Lietūkis можно было бы буквально перевести как “Литхоз”, это сокращение от *Lietuvos žemės ūkio kooperatyvų sąjunga* (Литовский сельскохозяйственный кооперативный союз). Гараж принадлежал сельскохозяйственному кооперативу, существовавшему с 1923 по 1940 год. *Прим. пер.*)

А в то время по другую сторону проспекта Витаутаса было Каунасское центральное городское кладбище, и там шли похороны погибших белоповязочников. Играли траурные марши. Ужас. Тут убийства, а тут марши.

Возвращаясь домой, мы услышали крики. Это белоповязочники хватали евреев, чтобы те убрали трупы со взорванного Алексотского моста. Трупы эти были везде: и в воде, придавленные обломками. На другой день трупов уже не было. То ли их увезли куда, то ли отцепили от обломков и пустили по течению Немана.

[7 октября 2004 года, Вильнюс]

27 июня 1941 года в гараже “Летукиса” были забиты ломами 52 каунасских еврея.

Юлюс Шмулькштис

Доктор философии, в прошлом — советник президента Валдаса Адамкуса

Летом 1941 года Юлюсу было 11 лет.

Мы купались в Немане, на пляже в Кулаутуве¹. Вдруг мы услышали выстрелы и поняли, что звуки доносятся с другого берега Немана. Подошла группа людей, мы снова услышали выстрелы, и эта группа людей пропала, наверное, они упали в яму. Мы залезли в ивняк на берегу Немана и смотрели, наверное, с полчаса или дольше, но потом заметили, что над тем местом поднялся столб пара или дыма.

¹ Кулаутува — местечко неподалеку от Каунаса, в то время — курортный поселок. (Прим. пер.)

Мы вернулись обратно в поселок. Там собрались люди и что-то с жаром обсуждали. Остановились послушать. От некоторых я услышал, что расстреляли евреев из Запишкиса¹ и что нас это не касается, не наше дело. Но были и такие, кто говорил: но это наши друзья, наши знакомые. Даже имена называли. У меня осталось впечатление, что эти люди поделились на две половины: одни были потрясены тем, что людей расстреляли, а других это нисколько не потрясло, и они приводили различные аргументы, доказывая, что ничего страшного не происходит.

Позже я узнал, что в тот день действительно расстреляли евреев из Запишкиса, и еще я узнал, что, как делалось во многих местах, на закопанные трупы расстрелянных, сваленные в яму, сыпали известь, а на известь лили воду, и оттого кверху поднимался пар.

[9 мая 2001 года]

Антанас Кмеляускас

Художник, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Антанасу было 9 лет.

В Бутримонисе, где мы жили, было много евреев. Дом к дому лепился, и везде лавки. А в них всего полно, люди из костела шли, заходили в эти лавки.

Потом евреев начали регистрировать и прицепили им спереди на лацканы желтые звезды. Так это еще ничего, но как-то очень неприятно было, когда прицепили еще

1 Запишкис — местечко в Каунасском районе. (Прим. пер.)

и на спину, как будто бы специально пометили, куда целиться.

В тот день расстрела я услышал от отца, что всех евреев согнали на площадь и велели раздеться. Это для всех был такой ужас. Мы, дети, поняли, что будет что-то страшное. А потом, вечером, их били, потому что стоны слышались. Мы хотели пойти посмотреть, но детей не пустили. Уже в лесу были ямы вырыты, и все знали, что евреев будут расстреливать, и ждали этого.

Мы, дети, на другой день под вечер пошли к лесу, в сторону Клиджёниса. Небо над Бутримонисом с западной стороны было такое красное, а может, мне только так запомнилось от этого ужаса... Мы пришли, за домом спрятались и стали смотреть. Их пригнали, почти ничем не прикрытых, голые были, без одежды. Разве что в трусах. Было их, наверное, человек десять. Они стояли у самого края ямы. Выстрелили, и они все упали. Стреляли в спину, и руки у этих людей тоже были за спину заложены. Тех, которые стреляли, тоже было, наверное, десять, все они были в зеленой форме.

Людей приводили из местечка партиями. Им ничего не говорили, и ждать им тоже не приходилось. Больше вели женщин и старых людей, потому что тех, кто помоложе, еще раньше увезли в Алитус расстреливать. Может, сопротивления боялись. Приводят, расстреливают и других гонят. Потом мне после этих расстрелов кошмары снились. Ямы. Может, всем детям кошмары снятся? Кто видел эти расстрелы, у тех на всю жизнь след остался. Справедливости нет ни капли.

Родители сказали, что потом одежду евреев свалили на втором этаже одного дома, связали в узлы и через окно со второго этажа спускали вниз. Были люди, которые ее брали. Вот какие мерзкие дела.

Те, кто там участвовал в расправе над евреями, потом старались убедить, что евреи людей эксплуатировали. Те же самые потом помогали Советам, когда людей в Сибирь увозили. Чаще всего это были пожилые люди, которых легко было убедить, что они бедно живут, потому что их евреи эксплуатируют. Думали, возьмут у евреев что-нибудь, когда тех расстреляют. Потом те же самые говорили, что их эксплуатировали богачи, литовцы. И этих эксплуататоров везли в Сибирь. И немцы, и русские одинаково действовали. Был один такой, который возил зерно еврею в Каунас. Еврей давал ему заработать. А тот говорил, что он еврею служит и что еврей его эксплуатирует. Есть такие люди, которые в кого угодно могут стрелять, хотя бы и в ребенка. Если бы потом пришли какие-нибудь китайцы и сказали, что надо расстреливать художников, поскольку те не работают, а эксплуатируют, нашлось бы достаточно людей — таких, кто стал бы стрелять. Только надо, чтобы нашлась такая власть, такие организаторы. Есть такой тип людей — с низким интеллектом и образованием — их нетрудно убедить...
[19 апреля 1998 года]

арцелиус Мартинайтис

Поэт, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Марцелиусу было 5 лет.

Я два раза видел, как убивали евреев. Воспоминания глубоко врезались мне в память.

Мы с отцом возвращались с рынка, из Расейняя. На пастбище было еврейское гетто, и евреев строем гнали по Юр-

баркскому шоссе. Мы ехали на телеге и обогнали вереницы людей, которых вели расстреливать. Было очень странно, что так много людей гонят, а по бокам только четверо с автоматами. Я тогда был ребенком и удивлялся, почему они не бегут.

В другой раз, когда мы возвращались из Расейняя, нас остановили на дороге у поворота. Пригнали группу. Им велели раздеться. И женщины были голые. Почему-то их не выстроили, чтобы расстрелять. Двое мужчин взяли жердь, опустили в яму у края, расхаживали по ней и стреляли.

Был август, время жатвы, начинали убирать рожь. Ясные, теплые дни. Было очень много расстрелов. Каждый день по несколько раз. Слышались крики из-за горы, очень далеко разносились. И мы знали, что сейчас начнут расстреливать. Жнецы, услышав выстрелы, переставали работать. Женщины, когда слышали выстрелы, молились, опускались на колени. Потом слышны были автоматы. Потом тишина, тишина, тишина.

Когда расстреливали, засыпали землей, потом следующая партия, следующая. Оставались живые. Так они ночью, выбравшись из-под земли, выкопавшись, приходили в нашу деревню. Мне их судьба неизвестна, потому что от детей все очень скрывали, дети пробалтывались. Те люди оставались, их не выдавали. Я видел, как один приполз окровавленный, и потом он исчез. Может, переночевал у родителей, может, кто другой к себе взял, не знаю.

И еще рассказывали страшное. Сам не видел, но говорили, что детей не расстреливали, детей забивали. Били о дерево, череп раскалывался, и тогда их бросали в яму. Потому что ребенка трудно застрелить, он мелкий.

Кто стрелял? Я видел такую картину: немцы были, но они как-то поодаль держались. Стреляли местные. Из нашей де-

ревни двое было. Улецкас и Савицкис. Еще один из соседней деревни. Соседи, которые жили в нескольких сотнях метров, после расстрела заходили к нам. Подвыпившие. Одетые в форму с черепом на рукаве. Очень ею гордились и все показывали эту нашивку. Хотели выпить, так принесли одежду и другие вещи, предлагали родителям, но те не брали. Во всей деревне никто не брал. Улецкас после войны ушел в лес, но скитался один, потому что партизаны его не приняли. Потом его застрелили. Савицкис прятался, зимой его нашли в усадьбе, он бежал босиком по снегу. Подстрелили, и он оставлял кровавые следы. Там, где евреев расстреливали, после войны коров пасли. Потом стали прокладывать магистраль Каунас — Клайпеда. Прокладывали дорогу и не знали, что там могилы. Копали, и начали выворачивать черепа, кости. Потом заасфальтировали эти захоронения.

[28 сентября 1998 года]

III. СВОИ. ПОЛИТИКИ

В честь судьбы
той Литвы
единение (... без евреев)¹

После начала советской оккупации 1940 года в Литве пробудилась огромная ненависть к евреям. Почему? Да ведь они, евреи, встречали русских с цветами. Они, евреи, ссылали литовцев в Сибирь. Они, евреи, заняли все руководящие посты. Они, евреи, допрашивали, томили и пытали литовских патриотов в застенках НКВД.

Вот такая правда про евреев. Ее литовцы того времени видели, слышали и читали.

Евреи при Советах оказались у власти

Это правда. Ведь при Сметоне² евреев во власти не было. Они не имели права занимать государственные должности. При Советах во властных структурах вдруг появились евреи, и они стали очень заметными. Очень раздражающими. Неважно, что их было немного, — они были.

- 1 Переделанные последние строки гимна Литвы *Tautiška giesmė* ("Национальная песнь"). На самом деле заключительные строки гимна — "В честь судьбы той Литвы единение наше!". (Прим. пер.)
- 2 Антанас Сметона (1874–1944) — первый президент Литовской республики в 1919–1920 гг. и с 1926 по 1940 г. (Прим. пер.)

Евреи встречали Советскую Армию с цветами

Появление армии означало для них избавление от смерти. А самыми первыми Красную армию более чем дружелюбно встретили не евреи, а офицеры литовской армии, “выполняя приказ командира армии генерала Виткаускаса и начальника штаба армии генерала Пундзявичюса от 15 июня. Были случаи, когда в баках танков, кативших по дорогам Литвы, заканчивалось горючее, они застревали у обочины, и горючее в баки этих танков заливали бензовозы литовской армии”¹.

Евреи были коммунистами или им сочувствующими

Факты: “Состав Литовской коммунистической партии на 1 января 1941 года: 63,5 процента литовцев, евреев и русских — по 16 процентов”².

Имущество евреев при Советах не пострадало

Факты: “Около 83 процентов национализированных советской властью предприятий принадлежало евреям”³.

Евреев не ссылали в Сибирь. Евреи сами нас ссылали

Факты: “Не менее 20 процентов всех сосланных в 1941 году в Сибирь людей составляли евреи”⁴.

“Центральный штаб, руководивший операцией высылки людей, состоял из девяти человек, все они прибыли из Рос-

1 Liudas Truska. *Holokausto prielaidos Lietuvoje*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje. Skaitiniai*. II dalis. Sudarė Josifas Levinsonas. Vilnius, 2004, p. 137–138.

2 Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*. Vilnius, 2001, p. 137.

3 Ibid, p. 74.

4 Aleksandras Štromas. *Žydų ir nežydų patirtis*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 189.

сии: Быков, Бакулин, Герасимович, Гузеев, Холева, Иванов, Медведев, Николин, Попов”¹.

Большинство сотрудников госбезопасности были евреями

Факты: “В конце мая 1941 года русскоязычные составляли 52,2 проц., литовцы — 31,2 проц., евреи — 16,6 проц. сотрудников аппарата госбезопасности”².

В Райняйском лесу наших убивали евреи

Показания исполнителя казни Домаса Роцюса: “Расстреливали красноармейцы. Из наших там были: начальник отдела НКГБ³ Расланас Пятрас, оперативный уполномоченный Галкин и тюремный надзиратель Поцявичюс”⁴.

В 1940 году “Евреи-коммунисты не могли предчувствовать, какой козырь они дали в руки националистам и литовским антисемитам (а позже и пропаганде нацистских оккупантов)”⁵.

“Образ жидобольшевика родился не в Литве, он появился в рейхе, а оттуда его имплантировать помог Фронт литовских активистов”⁶.

Весной 1941 года в Литве стали появляться воззвания из Берлина.

- 1 Liudas Truska. *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio: antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius, 2005, p. 222.
- 2 Liudas Truska, Arvydas Anušauskas, Inga Petravičiute. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais*. Vilnius, 1999, p. 93.
- 3 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности. С марта по июль 1941 года Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР был разделен на два самостоятельных органа: НКВД СССР и НКГБ СССР, затем они вновь были слиты в единый наркомат — НКВД СССР. (Прим. пер.).
- 4 *Rainiu tragedija, 1941 m. birželio 24–25 d.* Parengė Arvydas Anušauskas ir Birutė Burauskaitė. Vilnius, 2000, p. 6–7.
- 5 Liudas Truska, Arvydas Anušauskas, Inga Petravičiute. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais*, p. 71.
- 6 Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 81.

“Приветствие активистов —
поднять вверх правую руку”¹.

*Из воззвания к народу Литовского
фронта активистов (ЛФА)*²

ЛИТОВСКИЕ АКТИВИСТЫ

Литовский фронт активистов был создан в Берлине, на квартире литовского посланника в Германии Казиса Шкирпы, всего за полгода до войны... В оккупированной Советами Литве пока затишье, литовцев еще не начали ссы- лать — вскоре начнут. Однако в эмиграции ты- сяча бывших политиков независимой Литвы, и они берут- ся за дело.

Казис Шкирпа — первый доброволец литовской армии, амбициозный политик, которого президент Антанас Сметона почему-то не захотел назначить премьер-министром. Сметона — он уже живет в США — сторонник нейтралитета Литвы. Шкирпа, который уже давно живет в Берлине, будущее Литвы видит только общим с гитлеровской Герма- нией. Он здесь свой, у него здесь много друзей. Планируя

1 LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, p. 64–16.

2 Или — Фронт литовских активистов (*Lietuvos aktivistų frontas* (LAF)). (Прим. пер.)

работу создающегося фронта активистов, Шкирпа согласовывает программу действий с представителями немецкого военного руководства. “Казис Шкирпа поддерживал связи с высшим немецким военным начальством (ОКВ), с военной разведкой (*Abwehr*), с немецкой службой безопасности (*Sicherheitsdienst*). Шкирпа был убежденным противником литовского нейтралитета, пропагандировал тесный экономический и военный союз с Германией”.¹ Проходят заседания участников ЛФА, собираются информация и пропагандистские материалы, все это вскоре пригодится, чтобы поднять литовцев на борьбу с большевиками и жидами. Борьба — только совместно с немцами. Фронт литовских активистов готовит восстание, которое, по договоренности с представителями рейха, должно начаться в тот самый день, когда немецкие войска войдут в Литву.

Один из новых членов ЛФА — молодой юрист Миколас Науйокайтис. Зимой 1940 года он с помощью гестапо перешел границу между оккупированной Советами Литвой и Германией, намереваясь отправиться к брату в Америку. Не уехал. Получил работу в Берлине, а вскоре и задание ЛФА — снова перейти границу, на этот раз с информационными материалами для Литвы. Миколас должен будет сплотить литовцев — создать отделения Литовского фронта активистов в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе и Утене. В начале июня Науйокайтиса благодаря стараниям ЛФА в Тилже² ждали немцы, подготовив все, чтобы он мог успешно перейти границу: два пистолета, патроны, а еще — химикаты для изготовления секретных чернил, их он вместе с воззваниями Литовского фронта активистов должен

1 1941 metų sukilimo baltosios dėmės. Pokalbis su Sauliumi Sužiedėliu. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 163.

2 Тилже — литовское название Советска, города в Калининградской области, до 1946 года он назывался Тильзит. (Прим. пер.)

был передать ожидавшим в Литве людям. Советский пограничник, который патрулировал свой участок с собакой, заметил Науйокайтиса и двух мужчин, пересекавших границу вместе с ним, выстрелил и ранил отважного связного Литовского фронта активистов. Убегая, тот потерял портфель со всеми подготовленными руководством ЛФА материалами.

Воззвания поднимали боевой дух литовцев перед будущим антисоветским восстанием:

Всем литовцам

Прочитав, передай другому

ЕВРЕЕВ — ДОЛОЙ

Во времена Гедиминаса Литву наводнили евреи.

В годы гнета польских дворян литовец превратился в крепостного раба, а еврей — в торговца, купца.

Когда Литву заняла царская Россия, еврейство и дальше процветало; литовец, лишенный свободы, утратил еще и печать¹.

В бурях Великой войны распались железные оковы России, но все еще терзает нас жесточайший паразит нашего народа — еврей...

Оккупировали Литву большевики — евреи все как один с красными тряпками их встретили: евреи радовались, взвалив на нас коммунистско-жидовское иго.

ЛИТОВЕЦ, сегодня твоих близких и друзей убивает сво-
ра этих выроdkов. Вся Литва залита кровью лучших своих сынов.

НЕ ЗА ТАКУЮ ЛИТВУ СЛОЖИЛИ ГОЛОВЫ МУЖИ МИНДАУГАСА, КЯСТУТИСА И ВИТАУТАСА.

¹ После польского восстания 1863–1864 года на печать литовских изданий “латинско-польскими буквами” был наложен запрет, действовавший с 1865 по 1904 г. (Прим. пер.).

НЕ НА ТО НАДЕЯЛИСЬ ПАВШИЕ В БИТВАХ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИТОВСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ.

Веками живший в рабстве ЛИТОВЕЦ, ИДИ СРАЖАТЬСЯ ЗА СВОБОДУ.

СМЕРТЬЮ ОТОМСТИМ ЖИДАМ И КОММУНИСТАМ ЗА НЕВИННО ПРОЛИТУЮ БРАТСКУЮ КРОВЬ.

Навеки уничтожим проклятый род обманщиков, эксплуататоров и убийц.

ЛИТОВЦЫ, кто только еще живой, ВЫЗВОЛИМ ОТЧИЗНУ ИЗ ЕВРЕЙСКОГО РАБСТВА¹.

Другое воззвание обращено к **ЖИДАМ ЛИТВЫ** и заканчивается словами:

Обобранная и растерзанная вами ЛИТВА УЖЕ ПРИГОТОВИЛАСЬ ВОССТАТЬ. По вашим трупам придет к нам свобода².

В потерянном Миколасом Науйокайтисом портфеле сотрудники НКВД нашли возвания:

“Долой евреев” — 69 шт.

“Жидам Литвы” — 93 шт.

“Навсегда освободим Литву” — 35 шт.

Ни в найденных в портфеле, ни в других текстах ЛФА не упоминается о возрождении существовавшего до войны независимого государства или о восстановлении независимости. В одном из текстов, которые Науйокайтис вез в портфеле в Литву, высказывалось сожаление о том, что “в независимой Литве не обуздали евреев и им подобные элементы, которые ради своего блага эксплуатировали литовцев”³.

1 ЛФА, К-1, ар. 58, б. 12949/3, т. 1, р. 63–16.

2 Ibid., р. 63–14.

3 Ibid., р. 69–15.

Несколько дней спустя схваченный в пограничной полосе и снова раненный Миколас Науйокайтис на допросе в НКВД рассказал о том, что происходило в Берлине, в штабе ЛФА, назвал фамилии руководителей Фронта литовских активистов, однако Казиса Шкирпу не упомянул. Он пробыл в заключении полтора месяца, потом началась война, и Науйокайтис вышел на свободу. В 1944 году он ушел с отступавшими немцами. В 1998 году президент Валдас Адамкус наградил Миколаса Науйокайтиса крестом Командора ордена Креста Витиса¹.

Тексты Фронта литовских активистов было составлены весной 1941 года.

Руководитель ЛФА, друг рейха и литовский патриот Казис Шкирпа согласовывал организацию восстания с немецким военным командованием. «Литовское восстание было подготовлено с ведома ОКВ», — пишет он в книге воспоминаний «Восстание»². Целью готовящегося восстания было не только показать немцам и всему миру, что Литва сопротивляется советской оккупации, но и добиваться независимости. Шкирпа надеялся, что немцы, увидев старания литовцев и их верность рейху, предоставят Литве независимость, а сам он, так усердно служивший немецкой власти, встанет у кормила государства. Немцы восстание приветствовали, участвовали в его подготовке, однако к речам Шкирпы о стремлении к независимости оставались глухи.

Рейх не считал необходимым сообщать лояльным литовцам о своих военных планах. Казис Шкирпа вспоминает, что один человек из ЛФА, работавший в берлинской типографии, ночью с 21 на 22 июня случайно увидел кипы отпечатанных

1 Одна из высших литовских государственных наград. Орденом Креста Витиса награждают тех, кто проявил героическую храбрость и стойкость, защищая свободу и независимость Литовской республики. Крест Командора — третья (из пяти) степень ордена. (Прим. пер.)

2 Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*. Vašingtonas, 1973, p. 367.

воззваний Гитлера “На Восточный фронт”. Руководители Литовского фронта активистов, зная, что Гитлеру нравится напасть в ночь с субботы на воскресенье, поняли, что 22 июня он начнет войну. В тот же день по берлинскому радио было передано воззвание ЛФА “Навсегда избавим Литву от еврейского ига”. Воззвание сразу же начали распространять в Литве.

НАВСЕГДА ИЗБАВИМ ЛИТВУ ОТ ЕВРЕЙСКОГО ИГА

Братья и сестры, литовцы. Вскоре настанет долгожданный час, когда литовский народ вновь получит свободу и восстановит независимость литовского государства.

Сегодня мы все вступаем в борьбу против общего двойного врага. Этот враг — Красная армия, российский большевизм. [...] Мы все уверены, что главным и тайным пособником этого врага был еврей. Еврей не принадлежит ни к какому народу или обществу. У него нет ни родины, ни государства. Он всегда лишь еврей. [...] Русский коммунизм и его вечный слуга еврей — это один и тот же общий враг. Устранение оккупации русского коммунизма и еврейского ига — общее и самое святое дело. [...]

Витаутас Великий предоставил евреям в Литве право убежища, надеясь, что это не выйдет за границы гостеприимства. Но для израильского клеща это была лишь первая возможность вцепиться в тело литовского народа. Вскоре после этого евреи стали все больше распространяться, все больше становилось дельцов-мошенников, ростовщиков-процентчиков, корчмарей. [...]

Самыми ярыми чекистами, доносчиками на литовцев и мучителями, истязавшими арестованных литовцев, были и остаются евреи. [...] Одним словом, повсюду евреи, эти ненасытные паразиты, — самые подлые мучители и эксплуататоры литовских рабочих, крестьян и горожан.

Литовский фронт активистов от имени всего литовского народа самым торжественным образом постановил:

1. Старое, данное евреям во времена Витаутаса Великого право убежища полностью и окончательно у них отобрано.
2. Всякому без исключения литовскому еврею настоящим определено предписано без промедления покинуть литовскую землю.
3. Все те евреи, которые особенно отличились такими действиями, как измена литовскому государству и преследование, мучительство или нанесение обиды литовским соотечественникам, будут отдельно привлечены к ответственности и понесут надлежащее наказание. Долг всех честных литовцев — принимать меры к задержанию таких евреев и, в серьезных случаях, карать их.
4. Все недвижимое имущество, которым раньше владели или продолжают владеть евреи, перейдет в собственность литовского народа.

В заново отстроенной Литве ни один еврей не будет иметь ни гражданских прав, ни возможности проживания. Таким образом, будут исправлены ошибки прошлого и совершенные евреями подлости. Таким образом, будут заложены прочные основы счастливого будущего и свершений нашего арийского народа.

Литовский фронт активистов¹

В 1973 году Казис Шкирпа, живший в США, издал книгу воспоминаний “Восстание ради возвращения суверенитета Литвы”, в которой опубликованы важнейшие документы ЛФА. Все, что в то время было написано про евреев, исчезло. Другие времена — другие документы.

1 ЛУА, К-1, ар. 58, b. 12949/3, t. 1, p. 64–18.

Восстание

22 июня 1941 года, когда началась война, Красная армия бежала из Литвы на восток, оставив полные склады оружия. 23 июня Литовский фронт активистов поднял в Каунасе восстание, желая тем самым показать Германии, что Литва — не территория СССР, и смыть позор 1940 года, когда Красную армию встретили без единого выстрела (если бы понадобилось найти героя 1940 года, мы бы его не нашли, говорят историки). В июне 1941 года все уже совсем по-другому, литовские герои восстали против оккупантов. Повстанцы освобождали заключенных, посаженных за решетку Советами, взрывали мосты, дрались с отступающими красноармейцами. Выполняя распоряжение немцев, все повстанцы носили на рукаве белую повязку с буквами TDA (*Tautinio darbo apsauga* — Национальный трудовой охранный батальон).

Кто были эти повстанцы? “Отряды вооруженных повстанцев называли по-разному: активистами, партизанами, отрядами охраны, вспомогательной полицией, Национальным трудовым охранным батальоном”¹. С кем они воевали? Несомненно, с отступающей Красной армией. Но только ли? С коммунистами в Литве? Чьи приказы они выполняли?

В Литовском особом архиве хранится дело сотрудников Вильнюсской психиатрической больницы. Им в первые дни войны на больничном собрании предложили пойти в полицейский участок и зарегистрироваться как повстанцы.

Уже 25 июня все эти мужчины — представители администрации и санитары — получили оружие и задание арестовать евреев, живущих в Вильнюсе на улице Вокечю (Немецкой) и отправить их в Лукишкскую тюрьму. Работать пришлось несколько дней — несколько десятков еврейских семей были заключены в тюрьму, их имущество конфисковали, квартиры опечатали. Евреи, попавшие в Лукишки, вскоре были “переданы Особому отряду” или “переданы немецкой службе безопасности” — так записано рядом с фамилиями в тюремных книгах (“Книга учета арестованных”, ЦВА, фонд Р 730, опись 2, дело № 35). Эти еврейские семьи были большевиками? Вся улица Вокечю — большевики? Впрочем, в книгах учета арестованных Лукишкской тюрьмы евреев начали регистрировать уже с 6 июня 1941 года.

И все же большинство литовских мужчин шли и брали оружие, веря, что сражаются за родину, и не представляя себе, что их патриотизм может быть использован для расправы над ни в чем не повинными людьми. Белые повязки должны были остаться белыми.

1 Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. 13: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 129.

Сколько было повстанцев? Казис Шкирпа пишет в своей книге, что их было сто тысяч, однако, по мнению историка Альфонсаса Эйдинтаса, число это “явно преувеличено из желания показать немцам, что созревшая для свободы Литва внесла большой вклад в уничтожение коммунизма. По подсчетам историка В. Брандишаускаса, во время июньского восстания общее число активистов ЛФА и повстанцев, называемых партизанами, не превышало двадцати тысяч, погибло около шестисот человек”¹.

Видимо, тогда же, в последние дни июня 1941 года, и мой дед Йонас Ванагас вышел из своего дома в Каварскасе, присоединился к повстанцам и получил оружие. Тогда же он надел себе на рукав белую повязку и вступил в борьбу с ненавистными Советами — так записано в его деле, в протоколах следствия, в показаниях свидетелей. Ведь Советы только что отняли у него землю и раздали ее нуждающимся. В первые дни войны, как утверждали свидетели, которых допрашивали в ходе следствия в НКВД, он вместе с другими обстреливал прятавшихся в школе красноармейцев. Тогда же с помощью соседа перегородил бревном дорогу в Каварскасе, чтобы танки не смогли пройти и немецкая армия их догнала. За все это моего деда-патриота потом, когда вернулась советская власть, осудили по 58-й статье — измена Родине. Он провел в Карлаге полгода и, как истинный патриот, умер в 1946 году накануне 16 февраля².

Так вот, гитлеровскую армию литовцы, и в первую очередь — военные, встретили радостными криками. Русскую армию провожали выстрелами. После первой волны ссылок в Сибирь люди думали, что любая перемена будет спасительной. Для литовцев приход Гитлера означал освобождение. Для

1 Ibid., p. 110.

2 16 февраля 1918 года в Вильнюсе был подписан Акт о независимости Литвы. (Прим. пер.)

евреев — гибель, и они, охваченные паникой, бежали из Литвы, но немцы заняли ее так быстро, что вглубь СССР успели уйти только около шести процентов всех литовских евреев.

За Красной армией гнались немецкие войска, и во все время немецкой оккупации в Литве находилось всего от 600 до 900 немцев.

Оказывается, президент независимой Литвы Антанас Сметона расценивал июньское восстание, организованное Казисом Шкирпой, как работу немцев¹.

1 Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 110.

ременное правительство

В большинстве случаев убийство “своих” биологически, социально и нравственно оправдать невозможно, но, когда будущая жертва начинает восприниматься как “другой”, открываются двери для будущих объяснений злодеяния. В случае с евреями еще до физической смерти наступала смерть социальная, поскольку они были исключены из жизни общества. Все публичные пространства сделались недоступными. Евреям было запрещено ходить по тротуарам, им специально было приказано носить звезду Давида на одежде, удостоверения личности были отчетливо помечены буквой J (*Jude* — еврей). Они были словно подготовленные к вырубке деревья в лесу — все еще здесь, но уже “отбракованы”, и только вопрос времени, когда от евреев останутся всего лишь тени в обществе, которое уже существовало без них¹.

Robert van Voren. *Nejsisavinta praeitis. Holokaustas Lietuvoje*. Kaunas, 2012, p. 142–143.

По инициативе Литовского фронта активистов в первые дни войны было создано Временное правительство Литвы (LLV — *Lietuvos laikinoji vyriausybė*). Премьер-министр — Казис Шкирпа. Невероятно: немцы, друзья ЛФА, соратники литовцев, тут же арестовали в Берлине нового премьер-министра Литвы — посадили его под домашний арест. Каждые два-три дня квартиру посещал немецкий чиновник — проверял, по-прежнему ли Шкирпа сидит дома. Шкирпа рассказывал, что мог попытаться выйти из дома, но не хотел дразнить своих приятелей-немцев. Вместо оказавшегося в заточении Шкирпы обязанности премьер-министра Временного правительства стал временно исполнять учитель литературы и литературный критик Юозас Амбразявичюс, до того работавший в школе.

“Почему же созданное Литовским фронтом активистов правительство объявило себя всего лишь Временным правительством?” — спрашивает Альфонсас Эйдинтас и цитирует другого литовского историка Зенонаса Рекашюса: “Потому что по заявлению, сделанному самими активистами литовскому народу, только «после того как обозначатся отношения сотрудничества с Германией, будет создано постоянное правительство» — значит, Литва будет создана не по воле ее граждан, а по воле нацистской Германии”¹.

Едва собравшись, Временное правительство тотчас отправило Гитлеру телеграмму с изъявлениями пылкой благодарности:

По Литве пронесся ураган освободительной войны, и представители общественности свободной Литвы шлют Вам, Вождю Немецкого Народа, глубочайшую и искреннюю благодарность за избавление литовской земли от все-

¹ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 117.

истребляющей жидо-большевистской оккупации и спасение литовского народа и выражают надежду на то, что Ваш гений предназначил литовскому народу участвовать в победоносном походе, который Вы поведете ради того, чтобы уничтожить иудаизм, большевизм и плутократию, отстаивать свободу человеческой личности, сохранить культуру Западной Европы и воплотить в жизнь новый европейский порядок¹.

Всего лишь годом раньше, в августе 1940 года, только что “избранная” литовская власть приветствовала другого великого вождя:

Обсуждается вопрос принятия Литвы в Советский Союз. Вот появилась и наша делегация. Впереди идет со знаменем тов. Зибертас. Края красного бархатного знамени обшиты золотыми кистями, на нем красная пятиконечная звезда и лица тех великих людей, чьими именами гордится весь мир. Это имена Ленина и Сталина. Следом за знаменем идет товарищ Мотеюс Шумаускас, который несет декларацию сейма ЛССР. Декларация написана красным на листе, украшенном золотой рамкой и белым барельефом Сталина. Следом идет Саломея Нерис, которая несет написанную ею поэму о Сталине. Эта поэма написана золотыми буквами в единственном экземпляре².

Москва бурно аплодировала литовской делегации. Руководство рейха на литовские приветствия не реагировало. Можно ли сказать, что Сталин был большим другом Литвы?

Интересно, что говорят об этом адресованном Гитлеру историческом приветствии живущие в эмиграции исто-

1 Ibid., p. 126.

2 Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*, p. 349.

рики, которые высоко оценивают Временное правительство Литвы? Директор Чикагского центра исследований истории Литвы Аугустинас Идзялис в 2010 году так прокомментировал приветствие Временного правительства:

Я ему не придаю никакого значения. Приветствия есть приветствия, они ничего не означают. Все приветствуют всех. Это скорее относится к этикету, протоколу, а не к сути. [...] Представим себе людей, которые только что вырвались из объятий смерти. Ведь большинство членов Временного правительства — Юозас Амбразявичюс-Бразайтис, Адольфас Дамушис, Пранас Падалис и другие — в последнее время ночевали каждый раз все в новых местах, на них уже охотилось НКВД. Люди столько пережили, им приходилось скрываться, они испытывали душевные и физические страдания — и вдруг почувствовали себя спасенными! Не только они, но и десятки тысяч других. Так как не благодарить силы, которые помогли им спастись от верной гибели? Это чисто эмоциональное обращение.

С другой стороны, есть в этом и немного политики — желание включиться в политическую жизнь. Попытка обратить на себя внимание. Кто они такие, кто про них знает? А тут — приветствие Гитлеру. Группа, которая стремится представлять край, куда вступает немецкая армия, заявляет о себе. Естественно, что с тем, с кем неизбежно придется встретиться, прежде всего надо поздороваться, если считаешь на какие-либо отношения¹.

Прошло всего несколько дней, и по приказу немцев литовские повстанцы были разоружены. 28 июня назначенный Временным правительством комендант Каунаса Юргис Бо-

1 Vytautas Vaitiekūnas. *Vidurnakčio dokumentai* (3 knyga). Vilnius, 1996, p.633–634.

блялис из разоруженных бывших повстанцев, партизан и новых добровольцев создал Национальный трудовой охранный батальон (TDA — *Tautinio darbo apsaugos batalionas*). За весь период оккупации в Литве было создано около двадцати таких батальонов. Считалось, что эти батальоны положат начало новой армии Литвы.

Бойцы этого батальона стерегли евреев, согнанных в первый литовский концентрационный лагерь — Каунасский VII форт. Две роты Каунасского батальона нацисты сразу заняли делом. Первая и третья роты отправились в VII форт расстреливать евреев. За один раз были убиты 2514 человек. Когда начались массовые убийства евреев, часть батальона дезертировала (с 5 по 11 июля из батальона сбежали 117 бойцов). Осталось около тысячи. Эти бойцы TDA продолжали трудиться в каунасских фортах и в других местах — они “убрали” тысячи, а потом и десятки тысяч литовских евреев. “Уборками” руководили лейтенанты Бронюс Норкус, Юозас Барзда, Анатолиус Дагис.

Временное правительство немедленно восстановило довоенные литовские административные структуры, самоуправление и полицию, издало законы о денационализации, возвращая собственность всем, кроме евреев. “Ограничения росли, евреев перед массовыми уничтожениями собирали в особых местах. В июле литовские учреждения только повторяли распоряжения немецкой администрации”¹.

Тем временем Шкирпа, по-прежнему живущий в Берлине под домашним арестом и все еще не верящий в немецкий цинизм, пишет петиции и меморандумы, обращается к Гитлеру и Риббентропу.

Красноречивая подробность: 23 июня арестованный премьер-министр Литвы пишет министру иностранных дел

1 Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*. Vilnius, 2013, p. 124, 92.

Германии Иоахиму фон Риббентропу, выражает ему и армии-освободительнице величайшую благодарность и просит разрешения вернуться на родину. Ответа нет. 29 июня письма Шкирпы были пересланы одному из чиновников с такой сопроводительной запиской: “Пересылаю Вам три письма литовца Шкирпы, которые были получены министром иностранных дел Рейха и на которые министр иностранных дел Рейха никакого ответа давать не намерен”¹. Позже Шкирпа попросил отпустить его хотя бы на похороны повстанцев в Каунасе. Немцы не отозвались. Шкирпа шлет в Литву одну инструкцию за другой, шлет программные документы, среди прочего указывая Временному правительству на то, что “очень важно популяризировать и руководителей восстания, в первую очередь лично меня, тем самым заставляя немцев больше с нами считаться”². Временное правительство Литвы тоже постоянно пишет немцам, рассказывая о своей лояльности, добиваясь признания или хотя бы внимания. Однако ни того, ни другого им не дожидаться. Премьер-министр Литвы Юозас Амбразявичюс рассказывает:

Отдельные ведомства и министерства делали все, что только могли, удовлетворяя немецкие экономические требования, мирясь с несправедливостями и т. д. Правительство надеялось, что в обмен на поддержку и лояльность немцы со временем дадут Литве желанную независимость. [...] Немецкие военные являлись в различные министерства с различными пожеланиями, и мы всегда старались удовлетворять их желания на сто процентов”³.

- 1 Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 112.
- 2 Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*, p. 351.
- 3 Ibid., p. 364.

Литовское временное правительство старалось во имя Литвы. Оно ничего не делало для того, чтобы ухудшить положение евреев, говорится теперь в воспоминаниях бывших членов этого правительства и сочинениях профессора Витаутаса Ландсбергиса, и даже напротив, комендант Каунаса Юргис Бобялис “растянул” срок переселения евреев в гетто с пяти часов до целого месяца и сам лично выпустил нескольких евреев из VII форта. Кроме того, правительство, узнав об избиениях в гараже “Летукиса” и в Вилиямполе, в тот же день решило “избегать публичных экзекуций евреев”. И еще впоследствии правительство сожалело о том, что не смогло на убийства евреев “воздействовать в положительном смысле” — это слова премьер-министра¹. Больше о Холокосте в Литве правительство не высказывалось.

Почему Временное правительство не заботилось о евреях, которые также были гражданами Литвы — Литвы, где по Конституции 1938 года все граждане были равны? Ответ прост и ясен.

Историк А. Идзялис пишет:

Мой ответ был бы таким. Это не вопрос “озабоченности”. Это вопрос возможностей. Как поступают во время войны, когда раненых людей много, когда не хватает врачей и медикаментов? Раненых делят на группы: на тех, у кого больше возможностей выжить, и тех, кого спасти иногда невозможно. Надо смотреть на положение рационально. Однако это не означает враждебного отношения к той или другой группе. Делается то, что реально с учетом возможностей и ресурсов².

1 *Rezistencijos pradžia: 1941-ųjų Birželis: dokumentai apie šešių savaičių laikinąją Lietuvos vyriausybę*. Vilnius, 2012, p. 26–27.

2 LCVA, R-496, ap. 1, b. 5, p. 4.

Другой живущий в эмиграции историк, Кястутис Скрупскялис, профессор университетов Южной Каролины и Витатаса Великого, утверждает:

Возможности спасти евреев у Временного правительства Литвы почти не было. В июне, в эту первую неделю войны, вопрос убийства евреев для них даже подниматься не мог. Идет война. Немцы расстреливают литовцев, поляков, русских, евреев. Большею частью это советские должностные лица. Хотя погибали от рук немцев и повстанцы. В свою очередь, кровавую бойню устраивали большевики — Правенишкес, Райняйский лес, Червень... Вокруг хаос. Они пытаются восстановить порядок. В тот период нет и причин говорить отдельно о евреях. Военные действия, кругом сотни погибших. В Каунасе в общей могиле хоронят повстанцев. Первая забота — стабилизировать положение, восстановить общий порядок. Тогда можно надеяться решить другие вопросы¹.

Министр финансов Временного правительства Литвы Йонас Матулёнис в разговоре с представителем евреев, бывшим офицером литовской армии Йокубасом Голдбергасом, так объяснил ситуацию в Литве:

По еврейскому вопросу литовцы к согласию не пришли. Существуют три точки зрения: в соответствии с крайними взглядами все евреи Литвы должны быть уничтожены; более умеренные требуют, чтобы были созданы концентрационные лагеря, где евреи кровью и потом должны расплатиться за свои преступления перед литовцами. Третья точка зрения? Я — практикующий католик. Я и другие

1 Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*, p. 267.

подобные мне убеждены, что у человека жизнь отнимать нельзя. Только Бог может это сделать. Я никогда ни к кому не относился враждебно, однако при советской власти я и мои друзья убедились, что общего пути с евреями нет и никогда не будет. Мы считаем, что литовцы должны быть отделены от евреев, и чем раньше, тем лучше. По этой причине гетто необходимо. Там вы будете отдельно от нас и не сможете нам навредить. Это христианское поведение¹.

Прошло всего несколько недель, и Временное правительство увидело, что рейх с ним не считается. Хотя правительство очень старалось доказать свою лояльность, немцы его игнорировали. Даже благодарственная телеграмма Гитлеру осталась без ответа. Временное правительство все равно отчаянно старалось — а вдруг? За четыре дня, оставшиеся до окончания его деятельности, до отставки, правительство опубликовало “Постановления о евреях”.

Вот несколько выдержек:

Личности еврейской национальности [...] селятся в отдельных отведенных для этой цели местах и носят на левой стороне груди круг желтого цвета размером 8 см, в середине которого должна быть буква J.

Евреям запрещено иметь:

- а) радиоприемники;
- б) типографии, пишущие машинки;
- в) автомобили, мотоциклы, велосипеды;
- г) пианино, рояли и фисгармонии;
- д) фотоаппараты².

1 Ibid., p. 293–294.

2 1941 metų sukilimo baltosios dėmės. Pokalbis su Sauliumi Sužiedėliu. Iš: Šoa (Holokaustas) Lietuvoje, p. 169.

Говорят, что эти постановления мягче по сравнению с ранее опубликованными немецкими предписаниями, в них, к примеру, евреям не запрещается гулять в парках. Позже, оказавшись в эмиграции, министры Временного правительства Литвы все как один утверждали, что этот документ — подделка. Однако подпись Ю. Амбразявичюса на нем стоит. Нет, говорит сам Амбразявичюс.

В июле 1941 года, когда Литвой управляли немцы, шла чисто литовская борьба за власть — вольдемаровцы (литовские националисты, сторонники Вольдемараса¹) подготовили путч, направленный против Временного правительства. Премьер-министр Юозас Амбразявичюс оставил интересное свидетельство, рассказывающее о борьбе националистов за власть. Много лет спустя одинокий и хворый Амбразявичюс (тогда уже Бразайтис), живший в США, написал:

Писать воспоминания? Уже слишком поздно. Да и не хочу. [...] Зачем оставлять документы, говорящие о том, что мы были взрослыми людьми, а государственной зрелости не проявили. Ведь вся эта деятельность со времен Каунаса и Вюрцбурга была не борьбой за свободу Литвы (хотя мы этим и прикрывались), а борьбой за власть, которую мы получим в Литве. Сколько непонимания, сколько бесполезных стычек, подозрительности, стремления опорочить других. Мы, наверное, слишком мало прожили независимой жизнью и не научились государственной мудрости! Пишу это не под минутным впечатлением, но прочитав эти документы. Зачем оставлять следующим поколениям свидетельства тогдашней ничтожности?²

1 Аугустинас Вольдемарас (1883–1942) — литовский политический деятель. В 1918 г. — глава правительства Литвы. В 1926 г. — организатор государственного переворота, до 1929 г. — премьер-министр и министр иностранных дел. (Прим. пер.)

2 Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*. Vilnius, 2013, p. 204.

Комментарий историка Альфонсаса Эйдинтаса: “Короче говоря, немцы обманули молодых литовских политиков, воспользовались восстанием и возрожденными институциями для осуществления своих целей. За неверную ориентацию пришлось дорого заплатить”¹.

Увековечение памяти Юозаса Амбразявичюса-Бразайтиса

Именем Юозаса Бразайтиса названы одна из улиц Каунаса и аудитория в университете Витаутаса Великого. Прах Юозаса Бразайтиса перезахоронен в Литве, рядом с костелом Воскресения Христова в Каунасе, со всеми почестями, при участии литовских воинов и президента Валдаса Адамкуса. На перезахоронение останков правительство Литвы выделило 30 тысяч литов.

Увековечение памяти Казиса Шкирпы

Улица в Вильнюсе, у подножия горы Гедиминаса, и улица в Каунасе, в микрорайоне Эйгуляй, названы именем К. Шкирпы. В центре Каунаса, на доме 25 по улице Гедимино, в его честь открыта мемориальная доска с надписью: “В этом здании в 1925–1926 годах работал добровольный создатель армии Литвы, участник борьбы за независимость, член Учредительного сейма, начальник штаба, дипломат, создатель и руководитель Литовского фронта активистов, премьер-министр Временного правительства Литвы, кавалер ордена Креста Витиса, полковник генерального штаба Казис Шкирпа (1895–1979)”.

¹ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p.118.

Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы подготовил справку о Казисе Шкирпе:

Казиса Шкирпу и организацию, которой он руководил, можно упрекнуть в том, что в деятельности берлинского ЛФА антисемитизм был поднят на политико-программный уровень, в том, что антисемитская пропаганда, которую вели участники антисоветского сопротивления среди населения Литвы, создала одну из предпосылок Холокоста. С другой стороны, надо заметить, что берлинская организация ЛФА предлагала “еврейский вопрос” решать, прибегая не к геноциду, а к изгнанию из Литвы.

Советники

Пятого августа 1941 года нацисты установили в Литве гражданскую власть, ответственным за это был присланный рейхом генеральный комиссар Теодор Адриан фон Рентельн. Временному правительству было предложено переименоваться в совет, три входивших в него министра согласились и стали немецкими подданными — генеральными советниками. Шесть из девяти советников были членами Партии националистов.

Временное правительство ушло в отставку, потому что хотело сохранить верность попоранному рейхом стремлению к независимости. И все же историки в обстоятельствах отставки правительства видят одну довольно бесславную вещь: “Прекращая свою деятельность, Временное правительство ни публично, ни каким-либо специальным циркуляром не приказало начальникам полиции, военным комендантам, командирам и солдатам литовских батальонов, работникам

созданной администрации покинуть свои места. Нацисты воспользовались этими структурами”¹. В Литве в этих структурах работало свыше двадцати тысяч человек.

Первым генеральным советником стал Пятрас Кубилиюнас. Когда власть сменилась, в нижних звеньях все осталось по-старому. Начальники округов, бургомистры, сельские старосты, начальники полицейских участков, вспомогательная полиция и суды работали по-прежнему. В Литве было около шести тысяч полицейских. Все сохранили свой оклад. Муж моей тети, подполковник Антанас Стапуленис, до середины августа продолжал работать начальником охранной полиции Паневежиса, позже перешел в структуры самоуправления, где работал до 1944 года. Когда ввели непосредственное управление, немецкий язык был объявлен служебным, литовский — допустимым.

Историк Арунас Бубнис писал: “Местное самоуправление узаконено нацистскими приказами. Суть приказов такова: немецкая администрация будет осуществлять надзор и контроль, а практическое руководство работой по немецкой инструкции возьмет на себя местная администрация”². Местное самоуправление по приказу нацистов должно обеспечивать транспортом организаторов истребления, вводить ограничения для евреев, назначать жителей, которые будут копать ямы для расстрелов, а после казней их закапывать, подготавливать имущество евреев для аукционов или сбывать его другим способом.

Генеральный секретарь Партии националистов Зенонас Блинас всю свою и коллег — советников-националистов — работу с немцами в период гражданской власти, продолжавшийся до самого окончания войны, описывал в дневнике. Вот несколько записей из дневника патриота:

1 Ibid., p. 125.

2 Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944)*. Vilnius, 1998, p. 164.

ДНЕВНИК ПАТРИОТА

13. VIII.41

Прибыл один человек из Йонишкиса. Деревенским, мол, трудно свыкнуться с истреблением евреев, там, в деревне, этот еврейский террор не так уж свирепствовал, и на деревню это производит гнетущее и тяжелое впечатление. Говорит, лучше их гнать на работу, а коммунистов расстреливать. Плохо, что слишком много расстреливаем и стреляют литовцы. Особенно если правда, что немцы эти расстрелы снимают на пленку¹.

14. VIII.41

Разговаривал с начальником Рокишкского округа. Сегодня утром в Рокишкисе должны быть расстреляны 9 тысяч евреев. Выкопали яму глубиной три метра, пригоняют 100 евреев, укладывают в ров, говорят, что кто встанет, того пристрелят, несколько человек с ручными пулеметами прошивают ряд со спины, потом насыпают 20–30 см песка и укладывают другой ряд. За один раз пригнали 100 евреев. Велели вывести их из города. Те ушли с узелками. Через пару километров велели положить узелки и снять верхнюю одежду. Евреи поняли, что их ждет. Была трагическая сцена. Подействовала на людей, на стрелявших. Еще, мол, 2 тысячи человек (старика, женщины, дети) оставлены для “второй партии”. Из гуманных соображений, чтобы не надо было заботиться о детях... теперь убирают самых здоровых, молодых мужчин².

20. VIII.41

Сейчас ситуация такая, что мы не можем требовать немедленно дать нам независимое государство. Надо смотреть реалистически. [...] Немцы ничего конкретного нам не обе-

LYA, f.3377, ap.55, p.103–104.
Ibid., p. 105.

щают, но, если мы будем уверены в себе и едины, то можем помочь и людьми, и, наверное, отборные батальоны должны это сделать. В обмен на лояльную помощь мы надеемся на полное осуществление всех наших чаяний — свое независимое государство¹.

24. VIII.41

Брунюс вчера рассказывал про бойню в Рокишкисе. Это было проделано публично. Люди должны были прыгать в яму глубиной три метра, перед тем наполовину раздевшись. В них стреляли, расхаживая вокруг ямы. Мозги и кровь брызгали. Стрелявшие были все в крови. Привели из города с узелками. У ямы велели их положить и наполовину раздеться. Женщины кричали, голосили. Собрались люди из окрестностей. Поначалу смеялись, улыбались, потом ужаснулись, арийки тоже начали кричать. Бойня. Мерзость. Иуда этот начальник округа. Я говорил, что, если уж немцы это делают нашими руками, так надо все проделывать спокойно, без огласки, без скандала. А вместо того этот выродок все сделал наоборот. Запомню я его. Мерзавец².

30. VIII.41

На днях в “Свободе”³ поместили интересное стихотворение Бразджёниса⁴ “Зову я народ”.

Заклинаю землями ваших бед,
Голосами курганов, лесов, полей —

Ibid., p. 116–117.

Ibid., p.121.

“J laisvę” (“К свободе”) — ежедневная газета, выходившая в Каунасе с 24 июня 1941 года по 31 декабря 1942 года в Каунасе, издание Литовского фронта активистов. (Прим. пер.)

Бернардас Бразджёнис (Bernardas Brazdžionis, 1907–2002) — литовский поэт и критик. (Прим. пер.)

Не мстите, чтоб этот кровавый след
Не стал проклятьем ваших детей¹.

Наверное, про еврейство².

Наша задача — продержаться. Просить-политиканствовать-говорить — тянуть время. Повторится ситуация 1918 года или нечто похожее, немцы дадут нам государство и “вооружат до зубов”. Ждать, пока немцы поймут. Поймут. Не сейчас, может быть, в следующем году³.

18. IX.41

1, 2, 3-й батальоны несут службу. Все ходят в своей одежде. Матрасов нет. Лежат на полу. Ничего не дают. Настроение у солдат-добровольцев плохое. Евреи...⁴

30. X.41

Сегодня солдаты батальона расхаживают по городу совершенно пьяные, говорят, что они (сами говорят) поедут в Ригу. Вот поживем там. А только будет ли к пятнице здесь покончено с евреями? Может, литовцы и там займутся этим славным ремеслом бойцов-убийц?⁵

11. X.41

Ужин с немцами. Я: “Поднимаю бокал за Адольфа Гитлера, за славную немецкую армию, за немецкий народ и... после короткой паузы... за Литву”.

Сегодня Вокетайтис сказал, что мой тост был наглой издевкой над немцами, измывательством. Нельзя, мол, откры-

Перевод В. Лавкиной.

LYA, f.3377, ap.55, p. 136–137.

Ibid., p. 136.

Ibid., p. 156.

Ibid., p. 171.

вать свою душу, нечего высовываться. Роппс говорит: слова — это “курвы”¹.

2. XI.41

В Вильнюсе, говорят, осталось всего около 10 тысяч евреев. Литовцы гонят евреев из гетто колоннами по 5–6 тысяч, бьют и толкают даже на улице Гедимино².

6. XI.41

Барзда вернулся из района Минска — Борисова — Слуцка. Литовский батальон расстрелял больше 46 тысяч евреев (белорусских и доставленных из Польши). Сотни немцев фотографировали. Солдаты завшивлены, 30 процентов больны чесоткой. Плохо одеты, мерзнут. Одежды нет. Башмаки без подметок.

Слышал, что Вильнюсский батальон отправляется в Люблин. Почетный долг выполнять, по словам виленских. Ну и молодцы же эти господа немцы. Украинцы, латыши, эстонцы — не стреляют. Мы одни должны расстреливать³.

29. XI.41

Мерзко, что наш офицерский корпус так низко пал, чтобы делать то, чего немецкий офицер никогда бы не сделал. Евреев, которых теперь расстреливает первый батальон, везут из Чехии. У них есть бразильские и аргентинские визы. Им говорят, что их везут “в карантин”. Все легально, а по дороге они исчезают. Первый батальон их убирает⁴.

Ibid., p. 178.

Ibid., p.218.

Ibid., p.195–196.

Ibid., p. 205–206.

13. XII.41

Для меня важно не спасение одного или нескольких евреев. Я не могу стерпеть того факта, что Литву превращают в мертвецкую и в кладбище, что заставляют расстреливать евреев, прибывших из Германии с визами, что расстреливаем мы, литовцы, что мы становимся всего-навсего палачами на жалованье, что нас снимают на пленку, а себя немцы не снимают. Этой мерзости я стерпеть не могу¹.

Командир был у Рентельна. [...] Командир сказал, что партия работала, сколько могла. Потом поговорили насчет средств. Рентельн пообещал заплатить, приказал Кубилюнасу уладить это дело. Попросил 90 тысяч рейхсмарок. Объяснил, что это до 1.1.42 и за прошедшее время на всю Литву. Кажется, Кубилюнас очень спешит с оплатой. Завтра, похоже, получим деньги.

19. XII.1941

Получили 50 тысяч рейхсмарок для выплаты жалованья, до 1.1.42 и за прошлый период. Сегодня получил жалованье за декабрь — 237,57 рейхсмарок².

12. I.1942

Какой-то пьяница-офицер сердится, что чехи не хотят себе ямы копать, не лезут сами в ямы, а стоят (когда их расстреливают), сцепившись руками, и поют чешский гимн. Вечное проклятие тем офицерам³.

Зенонас Блинас, как истинный литовский патриот, не ушел с другими националистами и встретил свою судьбу в СССР. Когда его арестовали, на допросах он держался стойко,

1 Ibid., p. 226.

2 Ibid., p. 226.

3 Ibid., p. 228.

ни в чем не каялся и ни от чего не отказывался. 17 октября 1946 года Архангельский военный трибунал приговорил его к расстрелу. Когда Блинасу объявили приговор, он сказал, что очень жалеет о том, как немного ему удалось сделать в борьбе с Советским Союзом за свободу и независимость Литвы.

6 декабря 1946 года приговор был приведен в исполнение.

IV. СВОИ. РАССТРЕЛЬЩИКИ ЕВРЕЕВ

*Жид по лесенке ползет.
Не долеет – упадет!
Тут бы палку ухватить
И жида поколотить!¹.*

Детская считалка

Национальный трудовой охранный батальон

Июньское восстание началось в Каунасе. Над крышей костела Воскресения Христова подняли флаг Литвы — это был символический акт, и совершил его участник восстания лейтенант Бронюс Норкус, вскоре ставший одним из командиров Национального трудового охранного батальона.

Несколько штрихов к портрету Бронюса Норкуса. Рассказывает Казис Бобялис:

Дня, наверное, через три после того, как началось восстание, мы, молодежь, играли в футбол на углу улиц Кауко и Агуону. Вдруг видим — от улицы Прусу, шатаясь, подходит человек. В синей форме литовской военной авиации. Без пуговиц, без погон. Волосы растрепанные, глаза красные.

¹ Перевод В. Лавкиной.

В одной руке поллитровка, в другой — револьвер. Мы испугались. Он подошел к нам. “Ребята, где жида?” Йезус, Мария! Не видели. Нету. Не живут здесь такие. Начал он на нас орать. Три раза выстрелил в воздух из своего револьвера. И пошел себе. Потом выяснилось, что это был лейтенант Норкус, офицер литовской авиации. Когда пришли большевики, его посадили в тюрьму. После бомбежки Каунаса он из тюрьмы вышел. Первым делом рванул на Жалякальнис¹ к жене и детям. Соседи сказали, что в субботу (21 июня) его семью увезли. Подробности не знаю, но тогда он начал пить шнапс и стрелять. Сказал, всякого жида на месте пристрелю. Стал командиром батальона. Получил коня. Пьяный с него свалился, конь ударил его по голове копытом и зашиб насмерть².

Бронюс Норкус был назначен командиром роты и начал служить в Каунасском Национальном трудовом охранном батальоне. После 28 июня ему уже не надо было спрашивать: “Ребята, где жида?” Евреев ему приводили напрямиком к ямам. В Каунасском VII форте 4 июля у рвов были расстреляны 416 мужчин и 47 женщин (рапорт К. Ягера). Расстреливал их Национальный трудовой охранный батальон, а командовали расстрелом лейтенант Бронюс Норкус и младший лейтенант Йонас Обелявичюс³. 6 июля жертв расстреливали и из пулеметов. Выстрелами в спину убиты 2514 евреев. Расстрелом командовали лейтенанты Ю. Барзда, А. Дагис и Б. Норкус.

Действия 3-й роты Национального трудового охранного батальона в VII форте “видимо, немцам и нашим коман-

1 Один из районов Каунаса. В переводе с литовского — Зеленый холм. (Прим. пер.)

2 Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*, p. 290–291.

3 Arūnas Bubnys. *Lietuvių policijos 1 (13) savisaugos batalionas ir žydų žudynės 1941 m. Iš: Genocidas ir rezistencija*, 2006, Nr. 2 (20), p. 35.

дирам очень понравились, и потому позже их везде отправляли”¹. В роте служили около двухсот литовских военных. В октябре 3-я рота батальона (который в августе был переименован в батальон вспомогательной полиции, РРТ — *Pagalbinės policijos batalionas*) всего дважды, но ударно поработала в IX форте. Туда они сами пригнали из гетто около 10 тысяч евреев, позже из Чехословакии в Каунас прислали еще 2 тысячи евреев “делать прививки” перед дорогой — предполагалось, что они отправляются в Южную Америку. Руководители те же самые: Б. Норкус, Ю. Барзда и А. Дагис. По сведениям из рапорта К. Ягера, из 10 тысяч расстрелянных в IX форте евреев из гетто почти половина — дети, их было 4273. Самые крупные расправы над евреями в литовской провинции совершались в августе и сентябре 1941 года. В двадцати шести батальонах Литвы служили тогда уже около 12–13 тысяч солдат. После того как в августе Национальный трудовой охранный батальон был реорганизован, в Каунасе были сформированы 1-й и 2-й батальоны вспомогательной полицейской службы — РРТ-1 и РРТ-2.

Первый батальон уничтожил 36 тысяч человек.

Второй был откомандирован в Белоруссию, и там, в пятнадцати разных местностях Белоруссии, были убиты 15 452 еврея².

- 1 Протоколы допроса П. Матюкаса. P. Mačiuko apklausos protokolai, K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 139.
- 2 Alfredas Rukšėnas. *Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941–1944 m.) motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2011, Nr. 2 (30), p. 30.

ЗУБНОЙ ТЕХНИК И КОМПАНИЯ

Я был любителем расстреливать людей¹.

Пранас Матюкас

Когда Пранаса Матюкаса в 1962 году судили в советской Литве, на вопрос, почему он стрелял в евреев, он ответил: “Потому что в 1941 году в Правенишкесе (советском концентрационном лагере в Литве) меня вытащили из-под горы трупов. Среди стрелявших в нас большинство были евреи”².

В период независимости Литвы Пранас Матюкас работал в типографии и одновременно учился на зубного техника. Когда Красная армия отступала, он пригрозил красноармейцу, которого встретил в Каунасе, карманным ножиком, и тот отдал ему свое ружье. Тогда Матюкас и пошел записываться в Национальный трудовой охранный батальон. Одному его сыну в то время было пять лет, другому — год³.

В деле Пранаса Матюкаса 12 томов. Из протокола допроса 3 декабря 1961 года:

Это было летом 1941 года. Точной даты не помню, должно быть, в июле. После обеда наша третья рота батальона, которая в то время еще дислоцировалась на Лайсвес аллее неподалеку от так называемого собора, под командованием офицеров Барзды, Норкуса, Скаржинскаса и Дагиса, пешком отправилась в седьмой Каунасский форт, на Жальякальнис. Форт охраняли бойцы из других рот.

1 K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 141.

2 Aleksandras Štromas. *Holokaustas: žydų ir nežydų patirtis*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 188.

3 K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 208.

Посреди форта, в яме, расположенной между склонами, держали под охраной примерно 300–400 человек, лиц еврейской национальности. Они там были под открытым небом. Женщин еврейской национальности, их было примерно человек 100–150, держали в самом седьмом форте, в укрепленных подвалах.

Расстрел происходил следующим порядком. Группа солдат батальона, около 10 человек, под командованием унтер-офицеров и офицеров, брала примерно по 10 человек из той ямы, где держали и стерегли обреченных на смерть мужчин еврейской национальности. Их уводили метров за 50 или 100 от этого места, туда, где была большая воронка от взрыва. Ставили на край этой воронки лицом к ней и с нескольких шагов стреляли. Трупы падали в яму. Солдаты стреляли из ружей, а офицеры — Дагис, Норкус, Барзда — из пистолетов.

Под вечер расстрелы прекратились. На следующий день, едва рассвело, мы опять пошли в форт и окружили ту яму, где держали заключенных. На склонах были установлены два или три легких пулемета типа “Бруно”. Барзда и Норкус сказали, что надо расстреливать смертников там же, на месте, стрелять сверху со склонов в яму. По команде начался расстрел. Расстреливаемые стали метаться по яме, но убежать никуда не могли, везде их встречали пули.

Беспорядочная стрельба продолжалась часа полтора. Дно ямы было завалено телами убитых и залито кровью. Могу сказать, что стреляла почти вся наша третья рота, за исключением нескольких лиц, которые по тем или другим причинам остались в казармах. Я тоже стрелял. Сколько людей застрелил — сказать не могу, потому что установить это было невозможно.

Сама яма была размером примерно 50 на 50, склоны ямы высотой были примерно 10–15 метров.

По свидетельствам других солдат батальона, и в VII, и в IX форте людей укладывали в ямы ничком и только тогда расстреливали. После того как расстреляют одну партию, на трупы укладывались другие.

По этому делу был допрошен свидетель Юргис Восилиус, он утверждал:

Поскольку недалеко от этого форта было много жилых домов, посмотреть на расстрел собралось много местных жителей. Мне как охраннику пришлось их отгонять и не подпускать близко, поэтому картину самого расстрела я как следует не разглядел¹.

Вот как, по словам Пранаса Матюкаса, расстреливали евреев из Каунасского гетто. Операцией руководили те же самые офицеры — Дагис, Барзда, Норкус.

IX форт. Матюкас, допрос 15 января 1962 года:

Нам было сказано, чтобы с вечера не напивались, потому что в шесть или восемь часов утра всем надо быть в казармах и выдвигаться на операцию. Упомянутый приказ нам передали Барзда и Дагис.

На другой день, в восемь часов утра, рота построилась, и мы все пошли к гетто. В этой операции участвовал весь наш батальон.

Из гетто другие солдаты отдали нам около 400 евреев, мужчин, женщин и детей, потом мы, 8–10 солдат, взяли под стражу этих евреев и погнали их в девятый форт, который был примерно в двух километрах от города. Пригнали евреев в форт, где была большая яма. Там их передали охранять другим солдатам, а сами опять вернулись в гетто, за-

1 Ibid., p. 40.

брать очередную группу людей. Пригнав в форт вторую группу смертников, я больше в гетто не пошел, а остался в форте.

За фортом в противоположной от Жемайтского шоссе стороне были вырыты три длинные траншеи, длиной, наверное, около ста метров, два метра в ширину и столько же в глубину.

Подойдя к выкопанным рвам, я увидел солдат из нашей третьей роты, их было около 30 человек. Из офицеров с ними были Барзда, Норкус, Дагис. Кроме того, была группа немецких солдат и офицеров.

Одновременно смертников расстреливали около 30 человек из нашей роты и около 10 немецких солдат, которые стреляли из автоматов, а офицеры — еще и из пистолетов. Я тогда стрелял из своего ружья и сделал около 60–70 выстрелов. Стрелял примерно часа полтора. Сколько человек застрелил лично, сказать не могу, потому что мы стреляли все одновременно в общую массу людей, которые были в яме. Помню, что лично я принимал участие в расстреле двух групп по 400 человек. Стрелял, понятно, с перерывом. Вообще сказать, кто как около ям стоял и стрелял, не могу, потому что там никакого порядка не было: одни, отстрелявшись, уходили, другие приходили.

Среди смертников я узнал Гравецаса, Ривериса¹.

Я брал только золотые зубы. В IX форте давали водку, но очень мало. Когда мы приходили брать патроны, Норкус и Барзда давали глотнуть водки из бутылки. [...] В тот день, как говорили среди охранников, было расстреляно примерно 8–10 тысяч человек. После расстрела солдаты выбирали себе из кучи одежды расстрелянных вещи получше. Я никаких вещей расстрелянных не брал, во время рас-

Ibid., т. 12, р. 142.

стрела пару раз взял у людей, которых гнали к ямам, часы, которые они сами мне отдавали¹.

Евреев укладывали ничком, как и в VII форте, и тогда расстреливали. Когда рота закончила расстреливать взрослых евреев, немцы из автоматов расстреляли детей. Спасся только один мальчик одиннадцати лет.

Когда мы второй раз расстреливали в IX форте, это был расстрел чехословаков. Нас пригнали в IX форт, сказали, надо будет расстрелять примерно 2 тысячи человек. Смертников гнали с засученными рукавами, чехи сказали, их ведут прививать от оспы. В ямах чехи пытались бежать, но куда побежишь, когда окружены².

В массовых убийствах людей я участвовал потому, что этим занимался наш батальон, третья рота, в которой я служил. Я выполнял приказы³.

Из речи Пранаса Матюкаса на суде в 1962 году:

Если по совести, то я виновен. Но как солдат — нет. Я просто выполнял приказ. Я не знал своей цели⁴.

Содержащиеся в деле показания подсудимого Алексаса Райжиса:

После расстрела я видел у Матюкаса зубы. Матюкас сам показал на ладони золотые зубы. Я спросил, на что Матюкасу нужны зубы, так военные сказали, что он зубной техник,

1 Ibid., p. 142.

2 Ibid., c.145

3 Ibid., p. 254.

4 Ibid., p. 145.

а жена его — зубной врач. У Матюкаса я видел вымытые, очищенные золотые зубы, кажется, 4 зуба¹.

После войны Пранаса Матюкаса судили, но в тюрьме он сидел недолго. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года “Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.” лица, осужденные на десять лет лишения свободы, были освобождены, осужденным на двадцать пять лет срок наказания сократили вдвое. Пранас Матюкас вышел из заключения, поселился с семьей в Паневежисе, работал по специальности — зубным техником в поликлинике Йонишкелиса². Активно участвовал в работе драмкружка.

Шесть лет спустя, когда выяснились новые обстоятельства, он был арестован повторно. Запросили характеристику с места работы. Главный врач поликлиники о Матюкасе отозвался так:

Трудолюбивый, энергичный, активный участник самодеятельности, во многом содействовал оживлению художественной самодеятельности, занимался в драмкружке³.

Пранас Матюкас и еще семеро убийц из третьей роты Национального трудового охранного батальона были приговорены к расстрелу. 9 ноября 1962 года в Вильнюсе приговор был приведен в исполнение. Карьера зубного техника закончилась.

“Пранас Матюкас участвовал в расстреле около 18 тысяч человек”. (Судебное определение)⁴.

1 Ibid., p. 150.

2 Маленький город в Паневежском уезде, в то время его население составляло примерно 2500 чел. (Прим. пер.)

3 Ibid., p. 140.

4 Ibid., p. 264.

Историк Альфредас Рукшенас рассмотрел мотивы, которыми руководствовались убийцы из Каунасского батальона самообороны. Он разделил людей, вступавших в батальон, на четыре категории¹:

Патриоты — те, кто вступал в батальоны самообороны, желая защищать родину от врага и веря, что батальоны — начало будущей армии независимой Литвы.

Безработные — бывшие офицеры литовской армии и другие не имеющие работы лица, которые вступали в батальоны, потому что там платили вознаграждение.

Обиженные — затаившие обиду офицеры литовской армии, которых в советское время уволили в запас, и те, кого допрашивали советские органы безопасности; они хотели расквитаться с обидчиками.

Незащищенные — те, кто служил советскому режиму, они вступали в батальоны, желая избежать наказания.

Были и такие, которые боялись, что их увезут на работы в Германию.

Четвертого июля в Каунасском VII форте загнанные в яму евреи были расстреляны все одновременно. Это заняло полтора часа — стреляли до тех пор, пока все в яме не перестали шевелиться. Скорее всего, многие люди в яме не были убиты сразу, а только ранены, они умерли позже, несколько минут или часов спустя. У них было достаточно времени поразмыслить над тем, кто же эти люди в военной форме, которые стоят на насыпи, стреляют, пьют и вскоре их прикончат — может, патриоты, может, безработные, а может быть — обиженные? Или, может быть, незащищенные, которым эта работа давала человеческое чувство защищенности?

¹ Alfredas Rukšėnas. *Lietuvos gyventojų stojimo į Kauno savisaugos batalionus 1941 m. vasarą ir rudenį motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, Nr. 2 (32), p. 7–26.

Вот как несколько бойцов 3-й роты сами говорили на суде о своих мотивах.

Алексас Райжис:

Сам не знаю, почему я вступил в батальон. Не могу объяснить свои действия. Может, я вступил в батальон от бедности, сам не знаю. Почему в людей стрелял, тоже не знаю¹.

Юозас Копустас:

Цель моего вступления в батальон была что-нибудь себе награть. Вознаграждения мы не получали. Вознаграждением за работу нам была одежда смертников. Быть в батальоне мне было выгодно. После первого расстрела не додумался, что делаю что-то плохое².

Клеменсас Скабицкас:

В батальон вступил из-за слабого здоровья, там работа была нетяжелая. [...] Тех людей, которых расстреливал, я не знал, они мне ничего не сделали. Я верующий. Расстреливая людей, не знал, как будет. Потом ходил исповедоваться³.

После первого совершенного 3-й ротой массового убийства несколько бойцов дезертировали. Один из них, капитан Брюнос Киркила, уйдя в отпуск, 12 июля 1941 года застрелился в своей квартире. Почему? Не выдержал напряжения? Или, как предполагают историки, решил мстить евреям до тех пор,

1 LVA, K-1, b. 47337/3, t. 12, p. 154.

2 Ibid., p. 160.

3 Ibid., p. 166.

пока не убьет “установленное для себя количество”? Выполнив это, Киркила и застрелился.

Если это правда, с “установленным количеством” Брюнос Киркила справился за очень короткое время, всего за несколько дней. Количество было огромное.

ЛЕТУЧИЕ УБИЙЦЫ

Цель очистить Литву от евреев могла быть достигнута только благодаря тому, что из отборных мужчин был создан летучий отряд под командованием оберштурмфюрера Хаманна, который вполне понял мои цели и смог обеспечить сотрудничество с литовскими партизанами и соответствующими структурами.

К. Ягер, сообщение от 1 декабря 1941 года¹

До августа 1941 года, когда в Литве началось массовое уничтожение евреев, 90 процентов литовских евреев еще были живы.

В летучем отряде Хаманна служили 8–10 немцев и 30–40 литовцев. К операциям все подготавливали местная администрация, полиция и партизаны — изолировали евреев, пригоняли их к заранее выкопанным ямам. [...] До 15 октября 1941 года были убиты 70 105 евреев. Около 50 тысяч евреев оставлены для ремонтных работ и выполнения военных заказов. Срок окончательного уничтожения евреев был перенесен на более позднее время².

1 Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944)*, p. 203.

2 Ibid., p. 203.

Третья рота Национального трудового охранного батальона и стала основой команды Хаманна. Несколько немцев-гестаповцев и несколько десятков офицеров и солдат 3-й роты вызывали для проведения конкретной акции в литовской провинции. “Сам Хаманн часто даже не выезжал на расправы в провинцию, он только давал задания офицерам 1-го батальона (лейтенантам А. Дагису, Ю. Барзде, Б. Норкусу)”¹.

Немцы чаще всего оставались в Каунасе заниматься другими делами, и на расстрелы в провинцию обычно ездили только 2–3 немца. Они выезжали на легковой машине, а немецкие каратели ехали на одном или двух грузовиках, иногда — автобусом “Летукиса”. Группе Хаманна в провинции нередко помогали местные полицейские и активисты².

В августе к истреблению евреев подключились все округа Литвы.

Секретный циркуляр начальника полицейского департамента Витаутаса Рейвитиса за №3 от 16 августа 1941 года, разосланный всем начальникам полиции округов, гласил:

По получении этого циркуляра немедленно задержать в указанных в примечании местах всех мужчин еврейской национальности в возрасте от 15 лет и тех женщин, которые известны своей большевистской деятельностью во время большевистской оккупации, или еще и теперь известны подобной деятельностью, или отличаются дерзостью. Задержанных лиц собрать у магистральных путей сообщения и немедленно специальными средствами связи сообщить об этом департаменту полиции. В сообщении точно указать,

- 1 Arūnas Bubnys. *Lietuvių policijos 1 (13) — asis batalionas ir žydu žudynės 1941 m. Iš: Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.* Vilnius: LGGRTC, p. 392.
- 2 Alfonsas Eidintas. *Žydai, lietuviai ir holokaustas.* Vilnius, 2002, p. 262.

в каком месте и сколько имеется задержанных и собранных вместе евреев такого рода.

Надо позаботиться о том, чтобы задержанные были обеспечены едой и надлежащей охраной, для которой можно использовать вспомогательную полицию.

Данный циркуляр должен быть исполнен за двое суток с момента его получения. Задержанных евреев охранять до тех пор, пока появится возможность забрать их и увезти в лагерь¹.

Начальник департамента полиции Витаутас Рейвитис — авиатор, профессиональный стрелок по мишеням, спортсмен, познакомивший Литву с борьбой джиу-джитсу (издал книгу об этом виде спорта). Джиу-джитсу в переводе с японского — “искусство мягкости”, один из видов самурайской борьбы.

Окружные начальники полиции без промедления отчитались В. Рейвитису.

Начальник полицейского участка Вилкии пишет 18 августа: “Из Вилкии вывезено 280 мужчин, 120 женщин”².

Начальник Кедайняйского полицейского участка (17 августа): “913 евреев из города Кедайняй и волости сосредоточены в сарае и амбаре училища агромелиорации. Мужчины отдельно от женщин. Их держат под охраной до отдельного указания”³.

Начальник Шакайского полицейского участка: “Сообщаю, что с этого дня в доверенном мне округе евреев нет. Их убрали местные партизаны и вспомогательная полиция”⁴.

1 LCVA, f. R-683, ap. 2, b. 2, 1.1.

2 Arūnas Bubnys. *Žydų žudynės Kauno apskrityje 1941 m.* Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 184.

3 Arūnas Bubnys. *Lietuvos žydų mažieji getai ir laikinosios izoliavimo vietos.* Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 150.

4 *Garažas: aukos, budeliai, stebėtojai.* Vilnius, 2002, p. 401.

Статистика отряда Хаманна неизвестна. Неизвестно также, сколько людей в литовской провинции убил отряд Хаманна, а сколько — их пособники, местные белоповязочники. “Холокост в литовской провинции остается неизвестным и неисследованным вопросом нашей историографии”, — говорит историк Арунас Бубнис¹.

У нас нет средств на исследования? Нет историков? Нет желания, и мы ждем, пока вымрут все свидетели убийств? Ждать осталось недолго.

¹ Arūnas Bubnys. *Lietuvos mažieji getai ir laikinosios izoliavimo stovyklos*. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 136.

Особые мужчины

Особый отряд (*Ypatingasis būrys*), созданный в июле 1941 года, непосредственно подчинялся гестапо. Командиры и рядовые — литовцы, было несколько русских и поляков. В первое время, когда главная квартира отряда была на улице Швянтарегё, в нынешнем здании Министерства внутренних дел, желающие вступить в отряд приходили и писали заявление — никаких обязательств подписывать было не надо. А когда отряд перебрался в дом 12 по улице Вильнюс, стали требовать подписать обязательство не раскрывать секретов его деятельности. Поначалу в отряде служили около 100 мужчин, позже — во второй половине 1941 года и в последующие военные годы — примерно 30–40. Мужчины, согласно протоколам допросов, получали книжечки талонов на питание, с которыми можно было зайти поесть в любой ресторан или любую столовую Вильнюса, достаточно было оторвать талончик и отдать его официанту. Служив-

шим в отряде платили заработную плату, давали продуктовый паек, в который входил изюм, а раз в неделю — водка.

Основным местом работы Особого отряда был Панеряй.

ПАНЕРЯЙ: ПОРТРЕТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ

В архиве сохранилось свидетельство Вероники, девушки Владаса Клюкаса, служившего в Особом отряде. Ей было восемнадцать, когда она познакомилась с девятнадцатилетним убийцей. Владас Клюкас и Владас Буткунас жили в Вильнюсе, в доме 15 по улице Басанавичюса.

Владас Клюкас пригласил меня в квартиру, в которой жил вместе с Владасом Буткунасом. Когда мы подружились, я узнала, что они служат в Особом отряде. Во время попок они хвастались, что расстреливают граждан еврейской национальности в Панеряе и что у них много еврейского имущества. Насколько я заметила, у Буткунаса, Клюкаса и Чепониса было много денег, и они их не считали. Они говорили, что напиваются водки, и потом расстреливают граждан еврейской национальности. В квартире Чепониса Стасиса они часто пьянствовали, а потом дрались между собой и стреляли из пистолета.

С Клюкасом Владасом мы дружили примерно до осени 1943 года, а потом, когда я забеременела от Клюкаса, так он ко мне не заходил, и дружба прекратилась. Кроме того, у него, как я заметила, в то же время, когда он дружил со мной, были и другие девушки¹.

1 LYA, K-1, ap. 46, b. 4914, p. 126.

Оказывал ли Владас своей девушке финансовую поддержку? По словам Вероники, он “давал деньги, а один раз принес блузочку и юбку”¹.

Ребенок Владаса и Вероники умер, не дожив до двух месяцев².

Панеряй до войны был тихим сосновым пригородом Вильнюса, местом летнего отдыха горожан. Пригород пересекала линия железной дороги и шоссе Вильнюс — Гродно. От центра города до него — девять километров, людей можно привезти по шоссе, или по железной дороге, или пригнать пешком. В 1941 году Советы решили устроить здесь хранилище жидкого топлива — семь больших ям, соединенных каналами, по которым протянуты трубы. Территория в пять квадратных километров была огорожена колючей проволокой. Место, которое немцы выбрали для массовых убийств, стали называть “базой”.

Панеряйская “база” находилась у самой железной дороги, рядом с жилыми домами. Железнодорожный сторож Янковский, дежуривший в будке у переезда, вспоминает:

Телами расстрелянных были заполнены две большие ямы, в двадцать пять метров диаметром и пяти метров глубиной, несколько ям меньшего диаметра и каналы между ямами³. Убийцами руководил немецкий офицер, которого называли “шефом”. Это был среднего роста блондин в очках. Когда привозили очередную партию жертв, немец и еще кто-то с ним приезжали в легковом автомобиле⁴.

Свидетельница Халина Окуневич 17 июля 1977 года рассказывала в суде города Ольштына в Польше:

1 *Ibid.*, p. 133.

2 *Ibid.*, p. 161.

3 LYA, K-1, b. 47746/3, t. 2, p. 20.

4 *Ibid.*, p. 18.

Однажды я спросила одного полицейского, зачем он носит с собой такой нож, и он мне ответил, что ножом режет детей, потому что на них жалко пуль. Это сказал Владиславас Клюкас¹.

Свидетель Юстас Мартишюс, боец Особого отряда, вспоминает на заседании в том же суде 25 мая 1977 года:

Если попадалась мать с ребенком на руках, так стреляли двое, один в мать, другой в ребенка².

Один из членов Особого отряда, Мечис Буткус, во время допроса сказал:

Я должен был составлять список тех евреев, которых пригоняли в Панеряй расстреливать. У входа в яму был поставлен стол, и я, сидя за ним, вносил в списки тех, кого выгоняли из той ямы и вели в другую яму на расстрел. Записывал фамилию, имя и год рождения. Я поэтому помню, что в списках было 2 тысячи человек³.

Главный летописец убийств в Панеряе — Казимеж Сакович. Этот польский журналист перед войной издавал в Вильнюсе еженедельник *Przegląd gospodarski*. Во время советской оккупации, потеряв типографию и жилье в Вильнюсе, он переехал в домик в Панеряе. Этот домик был совсем недалеко от места казни. Сакович с первых дней убийств наблюдал за событиями через окошко на чердаке и тайно писал дневник. Странички дневника он вкладывал в бутылки из-под лимонада и закапывал в землю.

1 LYA, K-1, b. 477746/3, t. 3, p. 147.

2 Ibid., p. 157.

3 LYA, K-1, ap. 45, t. 14, p. 151–152.

“Понарский дневник” Казимежа Саковича в 1999 году вышел на польском, в 2000-м — на иврите, в 2003-м — на немецком, в 2005-м — на английском языке. Литовский перевод появился в 2012 году. Тираж — 500 экземпляров.

В этой книге я обязательно должна привести отрывки из дневника Саковича — только потому, что почти никто в Литве о нем не знает. Разрешение цитировать пришлось просить у Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы, потому что ему принадлежат авторские права на литовский перевод дневника. Окончательный ответ Центра, который поначалу взвешивал и обсуждал, с “положительными” ли целями или нет дневник будет использован в книге, был таким: “Мы поняли, какова настоящая цель издания этой книги, и потому не соглашаемся, чтобы отрывки из «Понарского дневника» были использованы автором в книге. Хватит и того, что она сама наберет в архивах. Разумеется, никто ей не запрещает писать, что «Понарский дневник» издан и на литовском языке”.

Что к этому еще прибавишь. Так что из литовского перевода цитирую столько, сколько разрешено литовскими законами:

4-го, в “день страшного суда”, в воскресенье [...] будто гром грянуло известие: евреев поездами должны привезти на запасной путь и расстрелять. [...]¹

Всего расстреливают 11 партий, и около 11 часов все стихает. В самом деле? Ну да! Потому что в поезде никого не осталось, и прибыл локомотив, чтобы его забрать.

А из всего имущества убитых, перед тем выгруженного из вагонов на землю, вырастает словно исполинская гора вещей и продуктов. Подушки, тюфяки, детские коляски, всякие корзины, чемоданы, кухонная посуда, мешки с кар-

1 Kazimierz Sakowicz. *Panerių dienoraštis. 1941–1943 m.* Vilnius, 2012, p. 87.

тошкой, которых больше всего, буханки хлеба, одежда — все вперемешку.

Как выяснилось, с 7 до 11 часов расстреляли 49 вагонов людей. [...]

И это еще не конец.

На вокзал прибыл новый поезд с жертвами. [...]

Литовцы двумя рядами идут за новыми жертвами. Несколько минут спустя гремит много выстрелов, перед домом Чесника бежит еврей, молодой, крепкого сложения, следом за ним — полицейский офицер, звучит выстрел, еврей начинает хромать, литовец догоняет его у ограждения, тот, уже лежа на земле, с мольбой поднимает руки, литовец что-то говорит, тот кивает и вытаскивает из-за пазухи какой-то черный узелок. Литовец берет его, оглядывает, прячет в карман, еще о чем-то спрашивает, еврей отрицательно качает головой, литовец стреляет почти в упор. Еврей падает. Рядом с убитым лежит ученический билет с фотографией, выданный на имя Юделя Шапиро, сына Беньямина, ученика Швянчёнской средней школы¹.

1943. V. 29

В Понарах после “дня страшного суда” много кто не пьет некипяченую воду, поскольку боятся, что она с кровью².

Одно из самых страшных свидетельств в дневнике Саковича — история о понарской собаке, ее я перевела с английского языка.

Мышка — маленькая серенькая вислоухая сучка с длинным хвостом. Эта сучка ужасно лает по вечерам, допоздна, а с утра можно увидеть, как она возвращается с ба-

1 Ibid., p. 92–95.

2 Ibid., p. 117.

зы. Ох! Дети Янковского и Рудзинского знают Мышку, потому что пасут скот на базе: они часто выгоняют ее из ямы. Она роет землю в яме, а потом раздирает остатки одежды жертв и ест их тела. Она разрывает им грудь, живот, ноги — что только откопает: лицо, щеки. Это маленькое чудовище. Но Сенюц гордится тем, что у него есть такое маленькое чудовище. А ведь Сенюц сам из евреев. Может, сучка грызет его ближайших родственников¹.

Мышка прибредает и возвращается всегда одним и тем же путем: она вылезает через дыру в заборе у Сенюца и бежит к холму, а там поворачивает у железнодорожных рельсов. Можно увидеть, как она рысцой бежит по рельсам, потом пропадает из виду и только через некоторое время появляется на желтой песчаной дороге, пересекает ее и скрывается среди деревьев. Иногда на обратном пути она что-то несет. Один раз — это было в августе 1943-го — она несла в зубах кишки, но кто-то ее испугал, и она бросила их рядом с участком Сенюца. Дети повесили их Сенюцу на забор².

Дневник Казимежа Саковича обрывается 6 ноября 1943 года. Его близкие утверждали, что Сакович вел дневник до самой своей смерти — 5 июля 1944 года его застрелили, когда он ехал на велосипеде от вильнюсского дома в Панеряй.

Бутылки из-под лимонада с записями Саковича пролежали в огороде много лет и только в 1959 году были найдены соседями, которые копали землю. Подумав, что там могло быть зарыто золото, они стали копать дальше, но нашли только бутылки с листками бумаги и передали их музею.

1 Kazimierz Sakowicz. *Ponary Diary, 1941–1943. A Bystanders Account of a Mass Murder*, edited by Itzhak Arad. Yale University press, 2005, p. 97.

2 Ibid., p. 100–101.

ПОРТРЕТ УЧЕНИКА

Ученики Первого Вильнюсского ремесленного училища лето 1941 года, вместо того чтобы бездельничать, провели за работой — в Особом отряде.

Рассказывает ученик ремесленного училища, будущий слесарь:

Летом 1941 года я был в Вильнюсе и жил в общежитии ремесленного училища на улице Филарету. Я хотел найти работу на время летних каникул, обратился в какую-то торговую организацию, и меня направили работать продавцом в продовольственный магазин на улице Ужупё. Там я работал две или три недели, но у меня были недостатки, и меня уволили.

Примерно в середине июля 1941 года я встретил своего знакомого. Он мне сказал, что есть такое место, где можно неплохо заработать. Он объяснил мне, что требуются люди для того, чтобы собирать у граждан еврейской национальности драгоценности, такие, как кольца, часы и другие золотые вещи. Пояснил, что, собирая, надо заполнять какие-то документы, однако можно и себе брать какие-нибудь дорогие вещи, не включая их в эти документы. Этот знакомый меня уговорил, и я решил пойти туда работать. Он указал мне адрес, по которому надо обращаться насчет этой работы. Это было на улице Вильняус, номера дома не помню. Там в каменном здании, на втором этаже, находился так называемый “Особый отряд”. Поначалу я не знал, что он так называется, а узнал, когда мне выдали удостоверение, что я состою в Особом отряде. Тогда я уже нашел в отряде ученика Вильнюсского первого ремесленного училища Ставараса Владаса, который вместе со мной учился в группе слесарей. Немного

позже я заметил в этом отряде и других учеников нашего училища.

Ученики ремесленного училища, которые состояли в этом отряде, питались в общежитии ремесленного училища на улице Филарету. За службу в этом отряде мы, ученики, никакого вознаграждения не получали. Я в этом отряде пробыл около месяца, потом оттуда ушел и продолжил учебу в ремесленном училище.

В самом начале, когда мы вступили в отряд, нам не давали винтовок, и надо было без оружия выгонять граждан еврейской национальности из их квартир на улицу, где солдаты какого-то литовского батальона брали их под стражу и группами гнали в Лукишкскую тюрьму. [...] Уже потом нам выдали русские винтовки. Нам надо было гнать граждан еврейской национальности из Лукишек в Панеряй, где их потом расстреливали.

Мы, члены Особого отряда, вооруженные винтовками, прибывали к тюрьме, но внутрь тюрьмы не заходили, а оставались у ворот. К тюрьме приходило также немалое число солдат какого-то литовского батальона, которые носили прежнюю форму буржуазной Литвы. Они были вооружены не русскими винтовками, но какими — теперь не помню. Во дворе тюрьмы всех этих граждан еврейской национальности, мужчин, женщин и детей, строили и, когда они выходили из ворот, мы, члены Особого отряда и солдаты из батальона, окружали их со всех сторон и гнали в Панеряй. Винтовки мы несли в руках. Впереди и позади колонны шли солдаты в форме. Военных в немецкой форме я не замечал. В каждый заход гнали примерно несколько сотен человек, но точного количества не знаю. По каким улицам гнали, теперь уже не помню.

Помню, что в Панеряе надо было пройти через переезд, и за этим переездом был лес, где и было место массово-

го расстрела. Там было выкопано несколько больших ям, которые для каких-то там надобностей еще перед войной копало подразделение советской армии. Насколько помню, эти ямы в диаметре достигали двадцати и более метров. Мы загоняли смертников в одну из ям и там их держали до расстрела. Потом из этой ямы их группами гнали в другую яму, где расстреливали. В той яме, где их держали перед расстрелом, смертники должны были оставлять свои вещи, которые были у них с собой в узелках. Перед ямой, в которой расстреливали, они должны были раздеться до нижнего белья, и только потом их гнали в яму и расстреливали. [...] Нас, учащихся ремесленного училища, на расстрел не брали, а приказывали идти сторожить смертников. Другие члены отряда шли на место расстрела и там расстреливали смертников.

Комментарий из протокола допроса старшины Особого отряда Йонаса Тумаса:

Хочу сказать, что в расстрелах принимали участие все бойцы Особого отряда, потому что этот отряд для того и был создан. Если сегодня кто-то из бойцов Особого отряда стоял и охранял смертников, так на другой день он их расстреливал в яме. В Особом отряде вообще не было таких, кто не стрелял¹.

Я категорически могу утверждать, что в Панеряе граждан еврейской национальности расстреливали все члены Особого отряда².

1 LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 2, p. 9.

2 LYA, ap. 46, b. 4914, p. 83.

ПОРТРЕТ ПИСЬМОНОСЦА

Винцасу Саусайтису, члену Особого отряда, в 1944 году не удалось бежать на Запад, после войны он сменил фамилию и жил по поддельным документам. В 1948 году был арестован и приговорен к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в лагере за то, что конвоировал и сторожил евреев во время массовых убийств в Панеряе. В 1955 году был амнистирован, вернулся в Литву, создал новую семью, растил детей. Когда в Польше допрашивали других членов Особого отряда, выяснились новые обстоятельства, и 26 июля 1977 года Винцас Саусайтис вновь был арестован — его подозревали в том, что он не только конвоировал евреев в Панеряй, но и сам их расстреливал. На вопрос, почему во время следствия в 1948 году он не сказал о том, что расстреливал евреев, ответил просто и ясно: “Не сказал, потому что никто меня об этом не спрашивал”.

Из рассказа Винцаса Саусайтиса:

В 1941 году я приехал в Вильнюс, потому что у меня не было работы. Получил работу на почтамте, письмоношцем, проработал там, если не ошибаюсь, до весны 1941-го. С почты меня уволили за то, что я однажды не разнес все письма адресатам в тот же самый день, а оставил их до другого дня под кустом. Дети увидели письма и разорвали.

Летом 1941 года, когда фашистская Германия оккупировала Вильнюс, люди стали говорить, что мужчин будут увозить на работы в Германию. И тогда я узнал, что в Вильнюсе, в здании на улице Клайпедос, организуют резервную полицию и что служащих в ней мужчин в Германию не увозят. В июле 1941 года я пошел на улицу Клайпедос и обратился по вопросу поступления на работу в полицию.

Осенью 1941 года, месяца не помню, я вместе с другими членами отряда, всего нас было шестеро, с немцем Вай-

сом, на грузовике отправился в Панеряй, на место расстрела людей, куда вскоре немецкие военные привезли на грузовике тринадцать пожилых мужчин еврейской национальности. Вайс приказал смертникам раздеться до исподнего, разуться и отдать все имеющиеся золотые предметы. Смертники один за другим шли к Вайсу и складывали в его портфель обручальные кольца, часы, у кого были — золотые или бумажные деньги. Потом все разделись до нижнего белья и разулись, складывая все в кучу. Потом Вайс велел им спуститься по приставной лестнице в яму, встать в один ряд на трупы, которые уже там были, и повернуться спиной. Потом, когда смертники выполнили его указания, Вайс выстроил у края ямы нас, т. е. шесть членов Особого отряда и еще с десяток немецких солдат. Мы все были вооружены военными винтовками.

Я стоял в ряду стрелков вторым от начала. Вайс нас предупредил, чтобы без команды мы не стреляли. Мы все зарядили винтовки и, прицелившись в головы стоящих в яме смертников, ждали команды Вайса расстреливать. Я целился в затылок смертника, стоявшего в яме вторым от начала ряда. Вместе со мной стояли, приготовившись стрелять, Чепонис, Буткунас, Границкас и другие. Вайс, махнув рукой, дал команду стрелять одновременно. Я вместе с другими выстрелил и увидел, как в яме упал человек, в чей затылок я целился из своей винтовки. Некоторые из смертников были только ранены. Их Вайс прикончил из пистолета. После этого Вайс дал приказ закопать трупы. Мы вместе с бойцами Особого отряда и немецкими солдатами их закопали. После этого немцы свалили в грузовик одежду и обувь расстрелянных людей, и мы вернулись в Вильнюс.

Кроме этого раза мне еще несколько раз пришлось лично расстреливать приговоренных к смерти в Панеряе. Если не ошибаюсь, раза три. Скольких я застрелил за период

своей службы в Особом отряде, теперь сказать не могу, потому что расстрелянных никто не считал.

Порядок расстрела приговоренных был следующий. Приведенных раздевали до исподнего, собирали у них ценности: обручальные кольца, часы, деньги. Иногда стрелки стояли на краю ямы, а когда расстреливали в ямах большего размера, тогда вместе с жертвами в яме. Приговоренных выстраивали в один ряд, спиной к стрелкам. Иногда они сами спускались в яму по приставной лестнице (когда расстреливали в ямах поменьше), а в большие ямы их приводил кто-нибудь из членов Особого отряда. Перед тем как идти в яму, им приказывали взяться за руки. Как правило, расстреливали по десять приговоренных одновременно. Столько же назначали и стрелков из числа бойцов Особого отряда. Команду стрелять давал Вайс, Норвайша или старшина Тумас. После расстрела трупы не всегда закапывали мы. Как правило, их оставляли не зарытыми до следующего дня. А тогда их закапывали другие смертники, которых после этого расстреливали.

Члены Особого отряда расстреливали людей и в других местах кроме Панеряя. Об их поездках я слышал от них самих, однако названий этих мест не помню. Я расстреливал приговоренных только в Панеряе. В других местах я их не расстреливал.

Не помню, в каком году я вместе с другими членами Особого отряда, фамилий сейчас припомнить не могу, ездил в Эйшишкес и Тракай. Что мы делали в Эйшишкесе, теперь не помню, мне кажется, что там людей не расстреливали. В Тракае, если не ошибаюсь, вместе с тамошними полицейскими расстреливали приговоренных. Я тогда в них не стрелял, а стоял в охране места расстрела. Число расстрелянных в Тракае лиц, их возраст и другие обстоятельства расстрела у меня в памяти не сохранились.

Вопрос: Что вам известно об употреблении алкогольных напитков во время расстрела людей в Панеряе?

Ответ: Во время расстрела людей в Панеряе бойцы-стрелки Особого отряда пили водку. Они пили ее перед тем, как расстреливать людей. Насколько я помню, ее на место расстрела доставлял командир Особого отряда Вайс. Я понял, что немцы давали бойцам Особого отряда пить водку перед расстрелами для того, чтобы им не было тошно стрелять в приговоренных, чтобы они были смелее во время расстрела. Ящик с водкой ставили на расстоянии нескольких метров от расстрельной ямы, на краю которой становились стрелки — члены Особого отряда. Они шли к ящику, пили водку, а потом расстреливали приговоренных. Хочу сказать, что водку в Панеряй на место расстрела людей привозили не всегда. Ее доставляли тогда, когда расстреливали много приговоренных. Когда я расстреливал смертников в Панеряе, так на месте расстрела водки не было¹.

По сведениям из находящихся в Литовском особом архиве дел карателей, вместе с Винцасом Саусайтисом в Особом отряде трудились еще, по крайней мере, семь письмоношцев с Вильнюсского почтамта.

Участие Саусайтиса в убийствах евреев в 1941–1944 годах подтвердили два прежних жителя Панеряя и четырнадцать бывших бойцов Особого отряда. Бывший член отряда Юстас Мартишюс рассказывает:

Когда я пришел в команду, Саусайтис уже там был, а когда уходил, он в ней оставался. В 1943 году я перешел в строи-

1 LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 2 p. 177–188.

тельный батальон. [...] Помню, что Саусайтис участвовал в расстреле¹.

Бывший старшина отряда Йонас Тумас:

Саусайтис много раз участвовал в расстреле. Не знаю такого случая, чтобы за невыполнение команд были расстреляны какие-нибудь члены Особого отряда. [...] Не помню, просил ли меня Саусайтис уволить его от расстрела. Однако вообще такие случаи бывали².

Сообщение о личности арестованного и других обстоятельствах, которые могут иметь влияние на его исправление: Отношение к работе — отрицательное, выполняет работы, от которых может иметь личную выгоду³.

Выписка из медицинской справки:

Эмоции лабильные, очень легко начинает плакать⁴.

Последнее слово Винцаса Саусайтиса на заседании суда 16 февраля 1978 года (выдержки):

Я раскаиваюсь в том, что совершал жестокие преступления против советской власти и всего человечества. Палачи разрушили мою жизнь и замарали мою совесть. [...] Я считаю, что необходим семье, необходим детям. Я пошел туда, где можно было заработать кусок хлеба. Прошу пожалеть моих детей⁵.

1 Ibid., p. 330.

2 Ibid., p. 330.

3 Ibid., p. 76.

4 Ibid., p. 159.

5 Ibid., p. 350.

Последнее письмо Винцаса Саусайтиса Верховному суду (выдержки):

Мне, обычному деревенскому неучу, парню, первый раз попавшему в город и в такой бандитский отряд — все больше офицеры, старшины, унтеры и другие образованные палачи, это я ничего не соображал, что там делается, мне казалось, может, так надо во время войны [...], а я в армии не служил, так никакого понятия не имел об армейских работах. [...] Приказы выполнял, если уж каким-то образом, никак не мог отвертеться от этой жестокой работы, всегда отпрашивался у этого самого Тумаса, а большей частью у Норвайши и Лукошюса, так они отпускали, потому что я не мог смотреть на эти страдания и кровь, потому что мне плохо делалось. [...] Выпить любители были, особенно Лукошюс, так иногда я ставил ему бутылку какую-нибудь, так как попрошусь, так он меня отпускал и назначал в охрану, а часто так и я и вообще на работу не приходил¹.

Винцас Саусайтис был приговорен к высшей мере наказания — смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в Минске в 1978 году.

1 Ibid., p. 352–354.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: СНЫ УБИЙЦЫ

В дело Винцаса Саусайтиса вложена зеленая ученическая тетрадь, а в ней — кучка разрозненных листков. На них рукой осужденного записаны сны, которые он видел в Лукишкской тюрьме, ожидая смертной казни. На обложке тетради написано:

Прошу открыть после моей смерти. Прошу не уничтожать. Очень жаль покидать родину и еще не оперившихся детей и на старости лет не порадоваться на детей и не наставить их на путь истины, куда Ленин ведет верным путем.

11 МАРТА. Утром будто бы отец какому-то стишку учил, а я затыкнул: “Зябнут руки-ноги, зябнет голова”...

17 МАРТА. Снилось, что был у себя на дворе и вспомнил, что коров не выгнал на пастбище. Открыл двери хлева и выпустил. Какая-то грязная вся и как будто не наша. И загородки в хлеву разрушены, и слышу — бычок ревет. Так я и его выпустил, черный какой-то, небольшой. И какого-то человека хотел застрелить, гонялся по каким-то развалинам и целился стрелять. Потом он вышел на улицу, и там я несколько раз выстрелил в человека, но вообще не попал. И из головы вытащил большую вошь и убил.

19 МАРТА. Ходил по красивому лесу, хотел грибов найти, но не нашел. Такой лес чистый, с белым мхом. Потом перешел через небольшое поле, перескочил через канавку и вошел в густой лиственный лес, говорю, ягод найду, но не нашел и увидел большой дуб, говорю, посмотрю, есть ли желуди, виднеются, но не нарвал. А Витас зовет

меня, говорит, “война”, иди скорее, говорю, скоро приду. Проснулся.

21 МАРТА. 1. Снилось, что вышел в коридор помочиться. А коридор нечистый такой, везде кучи навалены, но я встал между ними и не запачкал себе ботинки. 2. Будто бы Йонас меня подстриг. Говорю, высоко не подстригай, он говорит, только подкорочу, совсем не остриг и из ушей выстриг, и шею машинкой скреб, сначала больно было, я говорил, не нажимай так, так потом было не больно. Я красиво выглядел. 3. Будто бы Петрайтисова Ангеле прибежала ко мне голая, красивая такая, и опять убежала. 4. Альгирдасова Марцеле лежала на нашей кровати как обреченная, такая худая и бледная, я улегся на нее, не помню, встал или нет, кажется, встал.

22 МАРТА. Снилось: я будто бы у себя дома был, и следовательно допрашивал человека, сказал, не мешай мне, и я вышел из той комнаты и заорал, говорю, и одеться нельзя, выходя несколько раз хлопнул дверью, но совсем не закрылась. И пошел по снегу, чистый такой...

23 МАРТА. Снилось, будто ем с дочкой большие блины, мукой присыпанные, белые такие, лишь половину себе отломил, будто бы ту, что потоньше... Была вода, нечистая такая, я ее не пил, только стоял и смотрел. И в каком-то доме лежал как в своем, и на левой руке были два надреза. Будто бы отец обещал меня за что-то убить, но мужичок такой сказал — не надо, потому что оба надреза были одинаковой длины и уже заживали, не больно. Так я подошел к отцу, отец такой большой и как будто не отец, и я начал просить прощения, чтобы не убивал, и он будто бы простил меня, и я плакал. ...Перед судом снилось в пятницу, что на нашей кухне готовился какой-то праздник, но мы не пили и не ели. Две бе-

лых сложенных простыни положили чистые на стол. Ионас дал белое белье, но я сказал: будет тепло, тогда Юле принесла чистое в клетку, но не совсем новое, и я оделся. Садясь на стол, вымыл руки, но не совсем чисто, какие-то пятна остались, и я уселся невеселый.

Перед судом дал отцу белого петуха без головы, но он еще живой был, и отец скрылся с петухом. Я отодрал доску от забора и вылез через маленькую дырку, было совсем хорошо, и я шел вброд через чистую воду.

13 АПРЕЛЯ. Мне снилось, что я шел через ручей и лез на такой крутой песчаный берег. Ухватившись за ветки деревьев, с трудом забрался в красивый лесок. Красивая тонкая сосенка, без веток, я рядом с ней стоял. Через поле бежал заяц, я выстрелил, но не попал. Заяц влез в куст, я прижал его палкой и вытащил за хвост. Оказалось, это черный кот, небольшой. Двух дохлых мышек съел. Я его домой не понес.

14 АПРЕЛЯ. Снилось, что я вернулся к себе домой, разговаривал с Юле, но не видел ее. Говорю, надо побриться, потому что надо будет со всеми попрощаться. Взял ножики, все старые, один заточил на ладони, но не побрился. Велел сыну сложить ножики. Он сложил, сидел на диване такой красивый. Я подошел, и целовал-целовал. Он стал плакать.

Последнее стихотворение:

НА ПАМЯТЬ СИРОТАМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ОТЦА

Зябнут руки-ноги
Зябнет голова
Что же мои детки
Не сберегли меня

Месяц май наступит
Садик зацветет
А я лягу в землю
Холоден как лед

Целый мир узнает
Как я был убит
Но навек в груди моей
Сердце замолчит

Не вернется ваш отец
На порог родной
Глаза ему засыплет
Могильною землей

За былое на меня
Не держите зла
Я привел вас в этот мир
Где смерть меня нашла¹.

Записка рядом со стихотворением:

Ув. начальник,
прошу это стихотворение не уничтожать, а послать моим де-
тям.

Прошу эту мою просьбу удовлетворить².

Просьбу не удовлетворили. Письмо со стихотворением оста-
лось в деле.

1 Перевод В. Лавкиной.

2 LYA, K-1, б. 47746/3, т. 4, vokas 98–57.

ПОРТРЕТЫ УБИТЫХ

В 1942–1944 годах ксендз Юозас Балтрамонайтис служил тюремным капелланом в Лукишках. В его дневнике записаны разговоры с арестованной еврейской девушкой, которую Особый отряд затем увез в Панеряй на расстрел.

20.VII.1943. Сегодня посещал заключенную Робинавичюте Шейну — еврейку из Каунаса, ей 24 года. Девушка кажется очень начитанной, а кроме того, очень благородной. Она очень боится смерти, невероятно жаждет жить. Я завел разговор с несчастной девушкой. Спросив, как она вообще смотрит на жизнь, получил от нее такой ответ:

— Я никогда не завидовала ничьему богатству, я хотела только быть свободной и учиться, многому научиться и жить, быть полезной людям. Ох, Иисусе, как бы мне хотелось отсюда сбежать... Где воля, там и сила, но здесь этим не воспользуешься, этим можно воспользоваться, только живя на свободе. Чего только захочу — решалась, и всего достигала. Здесь невозможно этого добиться и сделать. Как бы я хотела, чтобы эти решетки в камере открылись и рассыпались, но этого не случается, даже если я очень-очень этого хочу. Понимаю, что здесь тюрьма, нет здесь ни силы, ни воли. Ой, Боже, какая я несчастная...

— Что плохого вам сделали другие люди до сих пор?

— Меня 16 июля, когда я еще работала в гебитскомиссариате, арестовали сотрудники немецкой безопасности. За что, спрашиваю в глубине души. Не за то ли, что я работала и мне удавалось хорошо выполнять свою работу? Еще перед тем один литовец в гебитскомиссариате сказал, что я немецкая шпионка. Ой, Боже, как больно слышать такой укор. Я, кажется, никому ничего плохого не делала. Один литовец из Особого отряда, который меня из геста-

по после допроса обратно в Лукишки вел, увидел рядом с тюрьмой грузовик и стоящего возле него немца-гестаповца и сказал, что меня в таком грузовике повезут в Панеряй расстреливать. Я расстроилась и спросила, почему этот господин говорит мне такое страшное. А он ответил, что хотел посмотреть, как я на его словаотреагирую. Боже мой, подумала я, мало того, что я так ужасно страдаю, так еще и другие мне страшные слова говорят. Когда это делают немцы — так у них приказ, но тут наши люди сами, по своей инициативе истребляют ни в чем не повинных людей. Пусть бы я сколько угодно лет прожила в тюрьме, только бы знать, что останусь жива. Почему я так хочу жить? Сама не знаю...

— Как прошла ваша юность?

— Я уже в 12 лет начала писать стихи. Развлекаться не ходила... Много читала. Легких романов не читала. Читала Шиллера, Гете, много классиков, Кудирку, Майрониса, Вайчайтиса... Шиллер говорит, что придет время, когда люди перестанут творить, потому что другие разрушают то, что они создают... Я все хотела поправить, но что поделаешь, я такая слабенькая, ничего не могу... Но что, что из всего этого получается?..

— Что для вас означает вера?

— Если бы я по-настоящему верила, что есть вечная жизнь, я не боялась бы смерти. Но теперь я этого не знаю, оттого и боюсь. Припоминаю такой случай из жизни Максима Горького. Однажды Горький гулял по красивому лугу. Проходивший мимо пьяный старик спросил у него: “Скажи мне, Горький, есть ли Бог?” Горький ответил старику: “Если веришь, так есть, а если не веришь, так нет...” Да, надо верить, тогда и Бог есть, и загробная жизнь, но кто поможет мне верить и кто убедит меня, что есть Бог и загробная жизнь. Я не раз говорила: “Господи, если Ты есть,

так я верю... и прости меня за то, что не верю; я не виновата в том, что не верю, потому что не хочу не верить”.

Я прочитала, что у человека есть много друзей и врагов: первые ему желают добра, а вторые — зла. Умершего и друзья покидают, забывают; не всегда даже и собака, мимо пробегая, останавливается у надгробия, чтобы справить нужду...

— А как раньше жилось?

— Очень много бедствовала. У меня в памяти остались слова поэта: “Хотел собрать алмазные зерна, но лишь осыпал себя росой”.

22.VII. Продолжение разговора с арестованной 16. VII еврейкой Робинавичюте Шейной.

— Как вы теперь чувствуете себя в тюрьме?

— Нехорошо здесь жить... Окна камеры высоко... Залезаю и смотрю в окно, но что я, бедная, вижу... только забор, а за забором верхушку березы, метра три, не выше. Ветки березы качаются, листья дрожат, будто боятся... Боюсь и я вместе с дрожащими листьями этой березы. Но почему я ною и все время жалуюсь... Некрасиво вечно быть недовольной. Раз я хочу жить, так сейчас надо быть благодарной, если кто подарит хоть несколько часов жизни... Но если мне суждено умереть, на то Божья воля. Желание жить так сильно, что оно не позволяет мне понять Божью волю, которая велит мне умереть... Я сейчас невероятная эгоистка, говорю только о себе и не говорю о высших предметах: о скорби, о добре... Ненавижу себя за то, что так много говорю о своем существовании...

— Как вы раньше себя в жизни чувствовали?

— Мне очень нравилось читать и писать, и природу я очень любила. Когда пять месяцев жила в Германии, очень часто одна уходила на берег, рвала цветы, гладила их, целовала,

любовалась ими, и так мне хотелось, чтобы и все люди были такие же невинные и красивые, как эти цветы. Всю свою жизнь я так делала... Я часто писала про цветы в Нюрнберг Оскару, с которым мы сговорились пожениться. Я не раз ему писала, что хочу, чтобы и наша жизнь была так же красива, как эти цветы. В последнем своем письме, Оскару написанном, я теперь вижу словно бы и предчувствие теперешнего моего несчастья. Я писала ему: "Оскар, я словно чувствую, что есть люди, которые хотят и жаждут вытолкать наше счастье за порог..." Это было верно.

23.VII. Продолжение разговора с Робинавичюте...

— Как идет следствие?

— Меня очень трогает, что во время следствия все ко мне были так добры, не били меня, сочувствовали, вежливо со мной говорили. И в тюрьме тоже ко мне все очень добры, вежливы. А может, Бог так хочет, чтобы перед смертью все люди были со мной ласковы. Что такое хороший человек? Мне кажется, что в хорошем человеке должно быть что-то особенное... Но сегодня для меня хороший тот, кто на меня не ругается и сочувствует мне.

— Какой взгляд в будущее?

— Если бы я знала, что мне придется жить в тюрьме пять лет, я бы много читала, попросила бы разрешения писать... А так жизнь в этом мире не имеет смысла: приходится самой страдать, приходится видеть, как страдают другие...

— Как вы чувствуете себя в камере?

— Как птичка в клетке... В камере есть мыши, я их очень боюсь. Даже смех разбирает — такая большая девочка, а боится таких маленьких мышек...

Уже с 20.VII Робинавичюте готовится к крещению. Сегодня все повторяем. Она прекрасно знает молитвы и на литовском, и на латыни, знает много песнопений — она ведь, когда в Каунасе жила, уже несколько лет назад дружила с мо-

нахинями, ходила с ними в костел. Я уже договорился, что рано утром 25.VII ее окрестят в костеле, и в тот же день она решила во время мессы принять Святое Причастие. 24.VII словно гром грянуло известие, что Робинавичюте везут в Панеряй. Ей сказали, что отпустят в гетто, однако она тут же и сама узнала, что везут в Панеряй. Страшные переживания... Я окрестил ее в камере, дал ей имя Мария, она причастилась. Лицо повеселело... Она со вздохом проговорила: — Как я хочу жить... я же никому ничего плохого не сделала... Как жестоко: я буду стоять на краю ямы, а на меня наведет ствол ружья, прицелится и выстрелит человек, которому я ничего плохого не сделала, которого я никогда не видела, которого и не захочу видеть, но мне придется его увидеть. Я сердечно простился с новоявленной Марите, пожелал ей стойкости и попросил, чтобы она в ином мире молилась о том, чтобы больше в нашем мире жестокости не было... Выходя из камеры, она еще посмотрела на меня жалобно и вместе с тем ласково, задумчивым взглядом прощаясь в последний раз. Увидев в коридоре немцев и бойцов Особого отряда с автоматами, она отчаянно закричала и стала молить о помиловании, о чем писала и в прошении, которое подала в гестапо... Один из бойцов Особого отряда, по указанию немца, затолкал ей в рот тряпку, чтобы не кричала...”¹

В августе 1944 года, после того как советские войска вошли в Вильнюс, в Панеряе была произведена эксгумация останков убитых. Находки из шести ям были пронумерованы и тщательно описаны в протоколе эксгумации от 23 августа 1944 года:

№ 9. Труп мужчины с раздавленным черепом. Некоторых костей недостает. Одежда гражданская — серый костюм,

1 Juozas Baltramonaitis. *Dienoraštis (1942–1944). Vilniaus sunkiųjų darbų kalėjimo kronika*. Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 22. Vilnius, 2003, p. 558–561.

ботинки. В кармане найден паспорт, фамилию прочесть не удалось. Год рождения — 1920.

№ 24. Труп женщины 20 лет. Одежда: хлопчатобумажная блузка, трикотажное белье, юбка из грубой ткани, шелковые чулки, туфли. С правой стороны лба и с правой стороны затылка два входных огнестрельных отверстия по 0,7 см. Одно выходное отверстие 8х6 см найдено над левым виском под кожей, где найдена пуля размером 0,8 см. Другая пуля найдена в полости рта.

№ 26. Труп женщины до 20 лет. Одежда: трикотажная блузка, крепдешиновое платье, кожаный ремень, майка, трусы, чулки, туфли, на голове марлевая косынка. Волосы темно-каштановые, до 20 см. В правом виске входное огнестрельное отверстие размером 0,8 см, выходное — на дне левой глазной впадины, где найдена пуля размером 0,8 см. Молочные железы хорошо развиты.

№ 36. Труп женщины 50 лет. Одежда: вязаная кофта, шелковое белье, две юбки, один ботинок, где под подметкой найдена тысяча марок. Во рту один зуб.

№ 68. Труп девочки до 4 лет. Одежда: белое короткое платье, майка, чулки, туфли. Кости черепа и лицевого скелета не повреждены.

№ 78. Труп мужчины, возраст установить невозможно. Одежда: рубашка, нижнее белье, носки, ботинки, головы нет.

№ 80. Труп мужчины примерно 70 лет. Одежда: нижняя сорочка, белье, ботинки. Череп проломлен: отверстие 18 × 15 см.

№ 117. Труп девочки 4–5 лет. Одежда: майка, трусы. Пуля вошла в правую сторону лба, вторая — в правый висок, оба выходных отверстия в затылке.

№ 123. Труп мальчика 12–13 лет. Одежда: черные хлопчатобумажные брюки, в кармане найдены записная книжка, точилка и карандаш. Нижняя часть затылка раздроблена.

№ 192. Труп старухи с длинными седыми волосами. Одежда: пальто, платье, две рубашки, трико, чулки, сапоги. Правой половины нижней челюсти нет.

И так далее...

Окончание рапорта:

Выкопаны 486 трупов из 1, 2, 3 ям, дальнейшее их исследование прекращено, поскольку причины смерти повторяются и ясны.

Подписи: Старший медицинский эксперт 3-го Белорусского фронта и 6 патологоанатомов¹.

НЕСГОРЕВШИЕ В АДУ: СВИДЕТЕЛЬСТВО СЖИГАВШЕГО

Осенью 1943 года гестапо стало готовиться уничтожить следы массовых убийств в Панеряе. Была выкопана новая яма 8 метров глубиной, ее накрыли крышей, а внутри устроили нары и кухню. В конце 1943 года охрана под командованием гестаповца Эугена Фаульхабера привезла туда около 80 евреев и советских военнопленных. Их поселили в яме и заставили выполнять “специальную работу государственной важности” — сжигать трупы расстрелянных. Привезенные евреи и пленные выкапывали трупы и складывали их на специально подготовленные костры в виде пирамиды 4,5 метров высотой. Окрестности Пανε-

¹ LYA, K-1, ар. 58, b. 47746/3, t. 4, p. 177–250.

ря надолго пропитались запахом горелого человеческого мяса¹.

Свидетельствует Авраам Блязер, чудом спасшийся из панеряйской ямы в октябре 1941 года:

Меня не застрелили, потому что я, услышав первый выстрел, упал вниз в яму. Несколько секунд спустя я почувствовал, что меня придавили несколько трупов только что расстрелянных. [...] Темнело, военные были нетрезвыми, кроме того, они были заняты дележкой одежды, и я, хотя замерз и одеревенел, собрав все силы, скатил с себя трупы, которыми был завален, и, выбравшись из ямы, пустился бежать в сторону леса².

Авраам Блязер был пойман, в Панеряй он вернулся зимой 1943 года.

Когда мы прибыли в Паненряй, нас всех сковали цепями. Наша работа была выкапывать трупы, закопанные с самого начала казней, и сжигать их на специально сложенных кострах. Работа была организована так: пятнадцать человек пилили дрова для костров. Десять человек выкапывали трупы, группа из шести-восьми человек получала специальные крюки полутора метров длиной, двадцати пяти сантиметров толщиной, с острыми концами. Им надо было втыкать крюк в выкопанное мертвое тело и при помощи крюка вытаскивать труп из ямы.

Иногда мы находили не сгнившие, а высохшие тела, и в таких случаях можно было различить цвет волос. Сильно раз-

1 Arunas Bubnys. *Mirties konvejeris Paneriuose: budeliai ir aukos*. Iš: Kazimierz Sakowicz. *Panerių dienoraštis*. 1941–1943 m., p. 17–18.

2 *Abraomo Bliazerio parodymai Ypatingajai valstybinei komisijai, 1944 m. rugpjūčio 15 d.* Iš: *Masinės žudynės Lietuvoje, 1941–1944. Dokumentų rinkinys*. I dalis. Vilnius, 1965, p. 167.

рушившиеся тела вытаскивали кусками, отдельно голову, отдельно руку, ногу и т. д. Десять человек работали с носилками, по два человека на каждые носилки, на которые укладывали один или два трупа. Два человека все время работали у костров, на которые укладывали принесенные трупы. Трупы мы укладывали рядами, и каждый раз обливали бензином (горючим). Один человек двухметровой коcherгой постоянно поддерживал огонь в кострах, поправляя пламя и очищая костры от пепла.

Из первой ямы мы выкопали восемнадцать тысяч мужских, женских и детских тел, у многих головы были разможжены разрывными пулями — результат ликвидации второго Вильнюсского гетто. Было много поляков, которых мы отличали по кресту на груди. Были и ксендзы, которых мы узнавали по одежде. У большей части поляков руки были связаны за спиной веревками, ремнями, часто — колючей проволокой. Некоторые трупы были голые, некоторые полуголые, другие в одних чулках или носках.

Из четвертой ямы мы выкопали восемь тысяч трупов, одни только молодые люди, часто с завязанными глазами или головами.

В пятой яме, площадь которой была от двадцати одного до тридцати метров, а глубина — шесть метров, было около двадцати пяти тысяч трупов. В этой яме мы нашли обитателей приюта, а также больных, которых привезли туда вместе с больничным персоналом — это мы поняли по больничной одежде. В той же самой яме были расстрелянные из сиротского приюта.

Таким образом, из всех восьми ям мы выкопали около шестидесяти восьми тысяч человеческих трупов¹.

LYA, b. 41081/3, p. 172.

Ночью 15 апреля 1944 года тринадцать сжигателям трупов удалось бежать из Панеряя через тайно выкопанный подземный ход около тридцати метров длиной. Одиннадцать беглецов присоединились к советским партизанам в лесу Руднинку. Вместо бежавших сжигателей в Панеряй привезли другую группу вильнюсских евреев, и она продолжала работы по сожжению трупов до самого конца немецкой оккупации. По окончании работ все заново привезенные сжигатели трупов были расстреляны.

СУДЬБЫ БОЙЦОВ ОСОБОГО ОТРЯДА

По утверждению допрошенного в Польше свидетеля Юозаса Мекишюса, в Особом отряде за четыре года служили около 500 человек¹.

Один из членов Особого отряда после войны работал в доме культуры дирижером и художественным руководителем. Несколько членов этого отряда прятались в Польше под чужими именами вплоть до 80-х годов. Были арестованы. Один из членов отряда, Владас Буткус, живший в Польше под именем Владиславаса Буткунаса, во время первого допроса выпрыгнул в окно, покалечился, однако позже был приговорен к смертной казни. Всего в Польше, Белоруссии и Литве были казнены 20 членов Особого отряда.

Часть бойцов Особого отряда судили не за убийства — они их отрицали или умалчивали о них, — а за то, что охраняли обреченных на смерть и конвоировали их к ме-

¹ LYA, K-1, ap. 46, b. 47746/3, t. 3, p. 147.

сту убийства. Когда стали известны новые обстоятельства, некоторым из них были предъявлены новые обвинения, их судили и приговорили к более суровым наказаниям. Некоторым из членов отряда, осужденным на 25 лет лагерей, срок уменьшили, а в начале десятого десятилетия они были реабилитированы прокуратурой Литовской Республики. Один из таких — член Особого отряда Владас Корсакас, после войны работавший в Латвии художественным руководителем дома культуры. Он получил подписанный генеральным прокурором Артурасом Паулаускасом документ следующего содержания: настоящим удостоверяется, что “Владас Корсакас был незаконно репрессирован, он невиновен перед Литовской Республикой и восстановлен в правах. Репрессированному лицу назначена компенсация, которую выплатит местное самоуправление, и возвращено его имущество”.

Немалая часть отряда ушла вместе с немецкой армией на Запад. Позже они жили в Англии, Австралии, США и умерли в почтенном возрасте.

Интереснее всего судьба тех членов отряда, о которых КГБ в совершенно секретных делах пишет: “принадлежит к агентурной сети”, или “переведен в агенты”, или “агент Йонас”¹. Что предложил им КГБ? Меньшие наказания? Агентом КГБ устроилась работать и бывшая повариха столовой Особого отряда, которую КГБ именуется “агентом Иреной”.

Только один боец Особого отряда покончил жизнь самоубийством — во время операции в Панеряе выстрелил себе в живот и вскоре умер в больнице. Правда ли это? По другим свидетельствам, он просто чистил ружье. Фамилия этого человека — Ивинскис.

1 Ibid., p. 226.

Статистика деяний Особого отряда:

1941–1944 годы, Вильнюс, Панеряй —
около 70 тысяч человек.

Осень 1941 года:

20 сентября, Неменчине — 403 человека.

22 сентября, Новая Вильня — 1159 человек.

24 сентября, Варена — 1767 человек.

25 сентября, Яшюнай — 575 человек.

27 сентября, Эйшишкес — 3446 человек.

30 сентября, Тракай — 1446 человек.

6 октября, Семелишкес — 962 человека.

7–8 октября (еврейский Новый год), Швянчёнеляй
3450 человек.

Командированные убивать

Майор Антанас Импулявичюс, офицер литовской армии, во время советской оккупации Литвы был арестован и провел в заключении девять с половиной месяцев. Во время допросов к нему могли применяться “меры физического воздействия”.

Делом Импулявичюса занимались следующие лица еврейской национальности: помощник начальника 3-го отдела НКВД ЛССР старший лейтенант Даниил Шварцман, начальник следственного отдела НКВД ЛССР Евсей Розаускас и Моисей Виленский, а также два должностных лица русской национальности и один литовской. Когда началась война, Импулявичюс был выпущен из тюрьмы и стал командиром Национального трудового охранного батальона. Он

попросился в отпуск на пять недель для поправки пошатнувшегося в тюрьме здоровья и нервной системы¹.

Командиром батальона А. Импулявичюс стал в августе 1941 года. Это был второй полицейский (TDA/PPT) батальон. Шестого октября батальон торжественно проводили в Белоруссию. Бойцам передали приветствие генерального советника Пятраса Кубилюнаса. Военный комендант Каунаса обратился к солдатам так:

6 октября 1941 г.

Приветствие:

Отбывающие воины, выполняйте возложенные на вас обязанности решительно, добросовестно и честно. Везде и всегда показывайте себя достойными благородного имени литовского воина, ибо вы представляете весь литовский народ.

Капитан Квецинскас, комендант Каунаса²

Солдаты батальона под командованием майора Антанаса Импулявичюса в 1941–1944 годах в Литве и более чем в пятнадцати местностях Белоруссии убили более 27 тысяч евреев, военнопленных, гражданских и участников антинацистского сопротивления. С 8 октября по 13 ноября 1941 года этот литовский батальон участвовал во всех без исключения акциях по уничтожению евреев в Белоруссии (например, в операции “Акция без евреев” (нем. *Aktion Judenrein*), в то время расстреливали евреев, собранных из Минской, Борисовской и Слуцкой областей.

- 1 Alfredas Rukšėnas. *Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941–1944) motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, p. 47–48.
- 2 CVA, f. 1444, ap. 1, b. 3, l. 159.

Батальон участвовал в убийствах слущких евреев и делал это с таким воодушевлением, что позже гебитскомиссар Карл писал генеральному комиссару Вильгельму Кубе: “С сожалением должен сообщить, что проведение акции отдавало садизмом”. Особой жестокостью Карл считал то, что некоторые евреи смогли вылезти из засыпанных землей могил, другими словами — были похоронены заживо. “Умоляю исполнить одну мою просьбу, — пишет Карл, — в будущем прошу держать этот батальон как можно дальше от меня”¹.

Приведенные далее интервью солдат из батальона Импульевичюса получены из фондов Вашингтонского музея Холокоста, из коллекции Джеффа и Тоби Хэrr. С солдатами беседовал режиссер Саулюс Бержинис.

ЛЕОНАС СТОНКУС родился в Дарбенае в 1921 году. В начале войны ему был двадцать один год. Во время советской оккупации он с четырьмя друзьями пытался перейти границу и искать работу в Германии. Был схвачен русскими, заключен в Каунасскую тюрьму, где и дождался первого дня войны, когда тюремный сторож отпер двери и всех выпустил.

ЛЕОНАС СТОНКУС: Мы пошли вниз, там, в столовой, народу полно, может, тысячи полторы. Уговаривали немедленно вступить в ряды литовских добровольцев. Я подумал: жизнь у меня очень грустная, все равно придется в армии служить... Сказали, куда обращаться, куда идти. Мы вдвоем и вступили в ряды добровольцев литовской армии. [...] Получили литовскую военную форму и повязку “Литовский военный доброволец”. Обучались пять месяцев. По-

1 Robert van Voren. *Neįsisavinta praeitis: Holokaustas Lietuvoje*, p. 189.

том уже дали винтовки. Мы охраняли железнодорожный вокзал, Шанчжайский аэродром. Потом вдруг приказ: ехать в Минск. И все.

Приходилось ли участвовать в расстрелах?

Молодых внаглую не гнали, только работу давали потяжелее. И денег не получаешь. Кто все время при расстрелах был — те были возрастом постарше... Никто не знал, что придется на расстрелы ехать. Привезли, евреев в ряд согнали, и тогда получаешь команду: “Оружие на плечо!”, “Целься!”, “Огоны!” — и стреляют. Те, которые расстреливали, получали за работу прибавку к зарплате. За расстрел евреев платили дороже всего.

Сколько платили?

Сколько получали, они не говорили. Поначалу меньше, потом все больше, больше... Которые стреляли, были добровольцами. Весь батальон был из добровольцев.

Можно ли было отказаться расстреливать?

Можно было. Если бы весь батальон отказался, не стал бы стрелять, вот бы взбесились эти наши офицеры. Нагляделись мы на этих офицеров — такие жестокие, смотреть страшно... Не понимаю, золотом, что ли, им платили. Когда стоит посреди солдат — “Огонь!” — и стреляет. Все стреляют, так и он должен огонь открыть.

С какого расстояния надо было стрелять?

Стрелять надо было примерно с десяти метров.

Сколько вы людей застрелили?

Я, что ли? Одного. И то еще не до смерти. Я не мог этого делать, и все. Мне плохо становится, трясусь, и все.

Как это выглядело, когда стреляли?

Пять патронов в обойме. Пять выпустишь, и другие приходят. Солдаты становились с другой стороны ямы после того, как пригоняли евреев. Все происходило мгновенно: быстро выстроили, и сразу же. Кто там их закапывал, не знаю, белорусы или, может, какие гражданские были, которым платили зарплату.

Вы видели их лица?

Евреев, что ли? Люди как люди.

Куда вы стреляли?

Так прямо в грудь. Не в голову же стрелять. В голову — это меткость требуется. Много было солдат, которые волновались... Такую работу делали...

Они на вас смотрели?

Кто, евреи? Нет. Они в ту сторону не смотрели. Не видели тех, кто стрелял.

Как вы стреляли?

Я стрелял в левую сторону. Он, видишь ли, не упал, он так клонился, клонился, клонился. Рядом унтер-офицер стоял, пульнул, так сразу упал.

Что потом было?

Ну так ничего. Если уже не можешь стрелять, отступаешь, и в тот день больше в строй не встаешь. Не становишься больше. Приходят другие.

Что вы делали, когда отступили?

Ну что, отступил, винтовку поставил, за ствол держусь, опираюсь. Пришел унтер-офицер, говорит, ну что, больше

в строй не встанешь? Говорю, нет, не могу больше. Плохо мне потом, очень плохо, совсем никак не могу, делайте что хотите, хоть убейте меня. Тогда, говорит, положи оружие сюда, рядом со всем оружием, и отойди за спины солдат.

Так вы вернулись домой уже без оружия?

Без оружия. И прямо в карцер. И потом допрашивали, почему так сделал, почему панику поднял. Я говорю, панику не поднимаю, ни одному не говорю, чтобы он того не делал или этого не делал. Я больше не могу, делайте со мной что хотите, я в своей молодости этого не делал и теперь этого не сделаю.

Сколько еще было таких, как вы, отказавшихся?

Кажется, немало. Число трудно назвать, где-то около двадцати. Все молодые. В армии не служили. Из Каунаса, из Плунге, из Тельшяя, из Шяуляя многие были.

Одинаково ли наказывали всех тех, кто отказывался?

Кто в армии не служил, тех одинаково наказывали. А которые уже в армии служили и отказались, тех строже, знают, что из тебя уже никакого солдата не выйдет. Когда я отказался, потом уже только в охране рядом стоял.

Выпить давали?

Ну, может, унтер-офицерам, а так — нет. Боялись. Ведь могли пойти против своей власти.

Евреи пытались бежать?

Нет. Я не знаю, может, в такой момент человека парализует. Все люди были как помертвевшие. Они видели, для чего их туда привезли. На погибель. Все были как застывшие. Не двигался никто.

Как было с детьми?

Дети не понимали, что убьют. Дети идут, матери следом.

Все были раздеты?

Нет, детей не раздевали. Ни женщин, ни детей. Только мужчин.

Кого расстреливали сначала?

Сначала мужчин.

Почему?

Видно, чтобы тревоги не поднимали. Когда мужчин застрелили, женщины уже сами ложатся на землю, и все. А дети — те скачут, они вообще не понимают, что сейчас будет. Дети не понимают, что родителей уже в живых нет. Какие постарше, девчушка или мальчик, те понимают, а маленькие дурака валяют, и все.

Они не боялись этих выстрелов?

Не боялись. Они не волновались и не понимали, что уже вот-вот и им... вечный покой. Ничего страшного не было. Детей матери вели. Был такой приказ: ребенка не оставляй. Дай соседке, пусть соседка с собой ведет. К яме приводили вместе. Не только солдаты стреляли, были пулеметы установлены.

Как было ночью после расстрела?

Кто это делал, тот, смотришь, ночью уже поет... Видно, приносили с собой самогон, частники продавали на железнодорожном вокзале. Напиваются и поют.

На исповедь вы ходили?

Костел был в центре Минска, белорусский, но католический. В костел ходили. Вся рота идет. И с оружием. Ой, хороший был ксендз.

Игнатавичюс?

Кажется. Исповедь была общая. Собираются 4–5 человек, и валяй, кайся в своих грехах. И потом ксендз крестом осеняет, задает помолиться, молишься. На ухо ксендзу говорить не надо.

Почему так сделали?

Потому что, кажется мне, незачем ему на ухо говорить. Если я страшное делал, так мне грехи не отпустит. Становись на колени, целуй землю и проси Божьего прощения.

А вы кому-нибудь рассказали, что в Руденске застрелили человека?

Рассказал, когда во время отпуска пришел на исповедь в Дарбенае. Сказал, что одного человека прострелил, а умер он сразу или не умер, этого я сказать не могу, но больше такими делами не занимался. И сегодня в этом раскаиваюсь.

Что вам ксендз сказал?

Сказал: такой молодой, и такой страшный грех, видно, заставили тебя. Уж так самостоятельно стрелять не бросался. Все.

А детям рассказали?

Потом, после войны, рассказал. Знали дети. Сказал, что был в таком войске, такие горькие несчастья были, расстреливали людей еврейской национальности, и мне пришлось там быть и пришлось одного прострелить. Почему, говорят, ты, папа, пошел в это войско? Потому, что дома у меня не было, негде мне было жить, пришлось мне идти в это войско. Я не шел специально для того, чтобы евреев расстреливать. Литовские добровольцы — батальон, и все. Литву защищать, а не такую работу делать. А если правительство это сделало, так здесь правительство больше всего виновато.

Когда вы охраняли евреев, думали вы, что вас сейчас могут снова взять к яме расстреливать?

Нет, никто не возьмет. Если отказываешься, так уж накажут, или смертная казнь, или тюрьма, но нагло стрелять не пошлют. Потому что не знают сами начальники, в кого ты выстрелишь. А если ты вдруг повернешься и выстрелишь в начальника?

Так вы думаете, если расстреливали, так расстреливали добровольцы?

Да, понятно, добровольцы. Заставят тебя! Ни одного не заставили.

Апрель 1988 г.

Юозас Алексинас родился в 1914 году, служил в армии независимой Литвы, потом — в батальоне А. Импулявичюса. В годы советской оккупации был секретарем профсоюза. Когда совершались убийства в Белоруссии, ему было 28 лет.

ЮОЗАС АЛЕКСИНАС: Служить в 1941 году из запаса призвал Кубилюнас. Я должен был явиться в комендатуру. Говорили, для поддержания внутреннего порядка. На полгода. Помочь немцам. Мы охраняли военнопленных, работавших на торфянике.

Когда вас отослали из Литвы?

Когда — не скажу, только знаю, что осенью, в конце сентября или в начале октября. Вывезли в Минск. Не сказали, куда везут, только в машины посадили. Тогда я в первый и в последний раз видел командира батальона майора Импулявичюса, он участвовал в проводах.

Сколько вы там пробыли?

В мае месяце снег сошел, и тогда я бежал.

Почему вы бежали?

Не хотел больше за немцев воевать. Немец уже не был настоящим другом, мы были только его орудиями. Хотя они нами не командовали, они только с нами ездили. Мы не понимали их языка, так нами командовали наши офицеры. Гецявичюс — командир отряда, Плунге — командир роты. Из всех офицеров, сколько я видел, так только Гецявичюс хорошо знал немецкий, так он все время с немцами общий язык поддерживал. Приказы, которые получал, передавал нам. Жили мы в Минске, не в казармах, а отдельно маленькими группками в комнатах.

Так вас возили по всей Белоруссии?

Возили.

А на расстрел евреев вас в каких городах ставили?

Во всех. Машин много ездило, в города побольше поднимали батальон. Мы ехали в закрытых немецких машинах. Никто нам не говорил, куда едем. Местная полиция ходила по квартирам и собирала евреев, гнали их на площадь. Потом распределяли по списку, немцы себе оставляли, кто им нужен — может, врач какой-нибудь, может, инженер, а всех остальных гнали в яму. Ямы уже были выкопаны за городской чертой, на склонах.

Сколько вам довелось видеть этих расстрелов?

Я уже и сосчитать не могу. Может, около десятка. Мы сами должны были гнать их от площади к ямам, а под конец расстреливали. Группами брали людей из этой толпы и уничтожали.

Они с вещами были?

Нет, только то, в чем одеты. Вещей из дома брать не давали. Строем их гнали, по четыре человека. В местечке побольше колонна получается длинная. Тем временем часть солдат уже стоит на краю ямы, а часть гонит их к яме. Загоняют в яму, укладывают, и мы их расстреливаем.

Расстреливали лежащих?

Лежащих. Один ряд выходит, тогда наверх влезает следующий, потом опять следующий.

Землей не засыпали?

Нет. Потом в конце только хлорную известь сыпали. Кто их окончательно закапывал — не знаю. Мы заканчивали расстреливать и уезжали. Нам выдавали только русские винтовки и русские боеприпасы. Среди боеприпасов были и разрывные пули, и зажигательные пули. Случалось, загорается одежда, одних гонят, а здесь уже одежда горит, такой смрад идет от горящего тела. Омерзительно. Не могу вам объяснить, это надо видеть.

Людей пригоняли, и они должны были на эти горящие трупы укладываться?

Да. Ложились, и все. Шли без всякого сопротивления. Чтобы остановиться на краю ямы: не пойду... Раздевались, влезали и ложились.

В какое место надо было целиться?

Чаще всего в грудь. Или в затылок. Но были разрывные пули, так очень быстро затылок у человека разлетается.

Сколько вы за одну акцию расстреливали?

А черт его знает. Сколько пригоняют, столько расстреливаешь. Пока не закончим, не уезжаем. Обратном из той группы уже не везут. Никто не сообщает, пригоняют тысячу, или две, или сотню, или сколько. Идут будто овечки какие-то, ни малейшего сопротивления.

А дети?

Малышей несли, других вели. Мы всех уничтожали.

Если мама или отец держат ребенка на руках, так они вместе с ним в яму ложатся?

Ложатся, и ребенка возле себя, руку на ребенка кладут.

Так вам надо выбирать, стрелять в отца или стрелять в ребенка?

Так сначала уже стреляешь в отца. Ребенок ничего не понимает. Подумайте про себя: как родители себя чувствовать должны, когда возле них ребенка застрелят? Не из автомата стреляешь, одна пуля отцу, потом уже ребенку.

Когда вас посылали на такой расстрел, какое у вас настроение было?

Не спрашивайте. Человек автоматом становится. Делаешь сам не знаешь что. Ужас. Немцы редко расстреливали, чаще всего фотографировали...

Вы, когда стреляли, думали, почему этих людей расстреливают?

Я больше никого не виню, только Бога, если он есть, почему он позволяет убивать невинных людей. И тогда так думал.

[Апрель 1988 года]

Солдат из батальона А. Импульвичюса в командировке кормил повар Стасис.

СТАСИС: Сначала они не говорили, что едут расстреливать. Ездили на “операции”. Чаще всего бывали добровольцы. Не каждый мог такую работу выполнять... Они, бывало, когда уезжали на операции, так, вернувшись, супа не брали, так много его оставалось...

Почему они супа не брали?

Так они себе там деньгами карманы набивали. В карты играют, пьют, пируют несколько дней.

Как там было с этими добровольцами? Все время одни и те же ходили, или один раз — одни, в другой раз — другие?

Те, которые жадные были, видят, что другие приносят с собой хорошие вещи, деньги, так в другой раз просят, чтобы их взяли на операцию. Много сразу не ездили. Которые уж такие боязливые, так те не просились, их и не брали. А те, которые уж очень азартные, те просились.

Скажите, а как уживались те, кто ездил на эти операции, и те, кто не ездил?

Те, кто ездил, те довольные, что добычу получают. А те, кто не ездил, те той добычи и не хотели. И те довольны, и те довольны...

[1998 год]

Повседневная жизнь батальона постоянно освещалась в литовской печати. Вот что писали в 1942 году в патриотическом издании *Karys* (“Воин”):

В 10 часов в Минском кафедральном соборе был молебен. Молебен служил капеллан литовских батальонов на Востоке ксендз Игнатавичюс. Во время молебна в Мин-

ском кафедральном соборе звучали литовские песнопения. Молебен завершился национальным гимном. [...]

Продолжая программу, хор батальона спел несколько литовских песен. Солдаты батальона продекламировали сочиненные ими и некоторыми нашими поэтами стихотворения. Потом была разыграна сочиненная лейтенантом Юодисом сценка “Отклики родины”. Программу завершили куплеты “Минские бубенчики”, в которых были затронуты наиболее характерные случаи их жизни литовских батальонов¹.

Жизнь “Минских бубенчиков” была несладкой. Большинство воинов, вступивших в батальон летом 1941 года, обязались служить шесть месяцев, а прослужили вдвое дольше. Никто даже и не собирался отпускать их домой, где были оставлены хозяйство, жены, дети. На просьбы военнослужащих отпустить их немцы даже после того, как те прослужили больше года, не реагировали.

Один из командиров литовского батальона самообороны в ноябре 1942 года писал немецкому командующему тыловой областью:

Когда в декабре 1941 года мы прибыли на фронт, мы были оборванные, без рубашек, часть — без обуви, но когда срочно понадобилось выполнять боевое задание, мы сами подготовились, хотя оставшиеся на постоянной вахте остались голые (без рубашек), 25 солдат — совершенно босые, но служить мы отправились. До января 1942 года мы были совсем без зимней одежды. Но литовец и в самый сильный мороз свой долг на фронте исполнил. Это все факты, которые говорят о наличии идеалов².

1 “Karys”, № 12, 14 марта 1942 г. Iš: *Masinės žudynės Lietuvoje, 1941–1944*, p. 319–320.

2 Rimantas Zizas. *Lietuvos kariai savisaugos batalionuose*. Iš: *Lietuvos archyvai*, t. 11, 1998, p. 62.

Майор Антанас Импулявичюс, командир батальона, который истребил десятки тысяч людей в своей стране и в Белоруссии, ушел на Запад, стал Импульёнисом. В 1964 году получил гражданство США и был выбран председателем литовской общины Филадельфии. В Литве был осужден заочно. Умер в США.

Убийцы с человеческим лицом

Кто они такие были, эти наши мужчины, которые расстреливали других мужчин, женщин, детей, стариков и больных? Одно из немногочисленных исследований на эту тему — статья историка Руты Пуйшите о Холокосте в Юрбаркском округе.

Важнейшая мысль Руты Пуйшите: “Уничтожение людей было *сознательным*, т. е. преступник понимал, что он делает — *убивает женщин, на глазах у матери убивает младенца, ударяя его о дерево...*”¹

По словам историка, преступников побуждали убивать следующие внешние факторы:

¹ Rūta Puišytė. *Masinės žudynės Lietuvos provincijoje*. Iš: *Žydų muziejus: almanachas*. Vilnius, 2001, p. 175.

1. *Стремление приспособиться к новой власти* (некоторые участвовали в антиеврейских акциях, желая доказать свою лояльность новой власти, поскольку в 1940–1941 годах слишком усердствовали, устанавливая советский строй в Литве).
2. *Политическая ситуация.* Человека награждали за проявленную жестокость и наказывали за милосердие (смертная казнь за спасение евреев), кроме того, на немцев смотрели как на гаранта государственности.
3. *Позиция Временного правительства, лидеров общества, церковных иерархов.*
4. *Настроения в обществе,* испытывавшем на себе открытую советизацию и ссылки. Первые убийства пытались оправдать — расстреливали еврейских мужчин, советских активистов. Однако со временем настроения в обществе стали меняться, люди были потрясены, появилось уничижительное слово “*žydšaudys*” — “расстрельщик евреев”.
5. *Пропаганда.*
6. *Повиновение приказам, внутренний долг.* Акции истребления в провинции начались тогда, когда пресса запестрела антисемитскими выпадами.

Преступников можно разделить на несколько категорий в соответствии с отношениями убийцы и жертвы.

1. Арестовывают, избивают, убивают знакомого человека — соседа, одноклассника или сослуживца.
2. Преступник чувствует себя “неуютно”.
3. Судьба жертв воспринимается как неизбежность: рано или поздно евреев не останется.
4. Перед тем как убить, безжалостно издеваются.
5. Преступник напрямую в убийствах не участвует. Его вклад чисто “служебный”: составить список жертв с ад-

ресами, найти подходящее место для уничтожения. Эта категория людей чаще всего не испытывает ненависти или враждебности к евреям.

6. Жертвам позволяют бежать или помогают каким-то другим способом. Однако чаще всего так поступают с лично знакомым евреем или делают это за плату¹.

Историк Римантас Загрецкас провел уникальное исследование. Автор применил современные междисциплинарные методы, изучая материалы фонда дел карателей в Литовском особом архиве. В фонде этого архива «есть упоминания о нескольких тысячах лиц, связанных с Холокостом, и потому, не имея возможности сразу охватить такое обилие, мы остановились на менее исследованных в историографии округах: Биржайском, Кедайняйском, Паневежском, Рокишкском и Утенском. В этих округах удалось установить 205 лиц, связанных с Холокостом и частично за это осужденных. Все они состояли в повстанческих отрядах, которые в этих округах участвовали в июньском восстании 1941 года, а впоследствии были реорганизованы в отряды вспомогательной полиции»².

Проанализированы анкетные и автобиографические данные 205 лиц, полученные из протоколов допросов и показаний свидетелей.

Выводы:

Все [...] лица, осужденные за действия, связанные с убийствами евреев, были членами участвовавших в июньском восстании 1941 года и еще не расформированных отрядов или сотрудниками полиции.

1 Ibid., p. 199–200.

2 Rimantas Zagreckas. *Holokausto dalyvio socialinis portretas*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, № 1 (31), p. 63–64.

Социальный статус осужденных приблизительно повторяет социальную структуру всего населения Литвы (большинство — землевладельцы, меньшинство — ремесленники, наемные работники, служащие и интеллигенты).

Наибольшая часть осужденных участников Холокоста имела низкий образовательный уровень — они закончили четыре или меньше классов начальной школы или совсем не учились.

Осужденные участники Холокоста в независимой Литве были аполитичными личностями¹.

Почему евреев расстреливали солдаты батальонов самообороны?

По словам историка Альфредаса Рукшенаса, “основным фактором, побуждавшим бойцов батальонов участвовать в убийствах, было чувство долга. Акции уничтожения евреев проводились в приказном порядке. Те, кто состоял в структурах, выполняли задание из чувства долга — повиноваться приказам и выполнять их. Военским долгом стало и участие в приказном порядке в осуществлении геноцида евреев и других групп людей. Такое задание было неожиданным для военных, поскольку они, вступая в батальон, не знали, что их обязанностью станет совершение военных преступлений”².

Уникальная беседа с Альфредасом Рукшенасом о мотивации бойцов Национального трудового охранного батальона, участвовавших в убийствах, опубликована в 2012 году

1 Ibid., p. 84.

2 Alfredas Rukšėnas. *Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941–1944) motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, p. 42.

на портале *Bernardinai.lt*¹. Вот несколько важных моментов интервью:

По отношению к долгу я бы выделил три типа поведения бойцов Каунасского батальона самообороны: обычный, активный и нонконформистский. Обычный тип поведения — более механический, без каких-либо особых признаков. Он был характерен для большинства. Приказы они выполняли только потому, что от них этого требовали, не более того. Другие, то есть небольшая часть бойцов, были очень активными, шли расстреливать добровольно. Некоторые активисты жестоко обращались с жертвами. Думаю, что активно выполнять долг их побуждало ощущение удовольствия, т. е. садистское начало. Нонконформистами были те военнослужащие, которые во время операций отказывались повиноваться приказам.

На вопрос, можно ли было отказаться расстреливать и много ли было таких случаев, историк отвечает:

Не было такого, чтобы военные массово, то есть целыми отрядами или ротами, отказывались расстреливать жертв. Мне удалось найти сведения об одном солдате, отказавшемся расстреливать евреев в Каунасе, в долине Мицкевича, во время операции, организованной немцами в июле 1941 года. За это он был расстрелян. Также имеются сведения о том, что один солдат отказался расстреливать жертв в начале июля 1941 года во время убийств в Каунасском VII форте. Литовский офицер на него за это кричал и отослал в охрану. Один из офицеров Каунасского Национального трудового охранного батальона, участник

1 Savaitės pokalbis. Alfredas Rukšėnas: “Jie pakluso įsakymui, o ne sąžinei”. *Bernardinai.lt*, 17 января 2012 г.

расстрелов в Каунасском VII форте, вспоминает, что за отказ расстреливать жертв немцы угрожали расстрелом. Хотя с немецкой стороны и существовала угроза подобных санкций, большей частью офицеры и солдаты не из-за этого проявляли усердие, участвуя в расправах. Как я уже упоминал, их побуждали действовать как приказы, так и ненависть. Приведу пример из Белоруссии: 10 октября 1941 года 2-я рота 2-го батальона вспомогательной полиции проводила операцию по уничтожению узников еврейского гетто города Руденска. Примерно 15 бойцов отказались расстреливать. 14 октября 1941 года бойцы 3-й роты того же батальона расстреливали евреев, жителей города Смиловичи. Они вяло выполняли свою работу, часть бойцов отказалась расстреливать жертв, и потому вместо 3-й роты это поручили делать бойцам 1-й роты. Надо подчеркнуть, что военнослужащие, которые отказывались расстреливать в Руденске и Смиловичах, все же в ходе других карательных операций подняли оружие против ничем перед ними не провинившихся жертв. Можно было отказаться в тот или другой раз, но не отказываться постоянно. Сведений о том, что отказавшимся назначали наказание, нет. Скорее всего, их не наказывали.

Кто были литовцы, убивавшие евреев?

Думаю, что литовцы, служившие в батальонах и убивавшие ни в чем не повинных людей, были не лучше и не хуже своих ровесников. Не хуже они и чем наши современники. Если бы не советская и немецкая оккупации, военные, служившие в этих батальонах, делали бы то же самое, что они делали во времена независимой Литвы. Батальонные офицеры служили бы в литовских вооруженных силах, которые были в то же время и местом их работы. Они бы успешно продвигались по карьерной лестнице, обучали бы мо-

лодежь, призванную выполнять воинский долг, защищать родной край. Отставные офицеры трудились бы в полицейских структурах Литвы и в других местах. Другие военные стали бы наемными работниками в сельском хозяйстве, на стройках и фабриках. Одни из них считались бы хорошими, примерными, другие — никуда не годными работниками. Еще некоторые бойцы стали бы сверхсрочниками, унтер-офицерами вооруженных сил Литвы. Военнослужащие, жившие на границе с Германией, вполне возможно, успешно занимались бы контрабандой. Большинство бойцов активно проявили бы себя в деятельности Литовского союза стрелков. Один-два бойца, отличавшиеся повышенной религиозностью, скорее всего, поступили бы в духовную семинарию или стали бы монахами.

Этим прозрением историка я могла бы закончить самую, наверное, печальную главу книги о мотивации тех, кто расстреливал евреев. Однако я должна привести слова знаменитого психотерапевта Эриха Фромма, основательно подкрепляющие прозрение литовского историка. (Здесь я в первый и в последний раз в этой книге отступаю от собственного принципа — цитировать только литовских и (или) только в Литве изданных авторов.) Книга Эриха Фромма называется “Анатомия человеческой деструктивности”. По мнению психотерапевта, агрессивность группы часто определяют следующие два мотива.

Конформистская агрессия. Это агрессивные действия, которые совершаются не потому, что агрессор охвачен желанием уничтожить, а потому что ему позволено это делать и он уверен, что это — его долг. Повиновение считается добродетелью, неповиновение — грехом. Конформистская агрессия достаточно распространена и требует серь-

езного внимания. Начиная от стайки подростков и заканчивая военными служащими в армии, большая часть деструктивных действий совершаются из страха показаться “другим”, из покорности приказам.

Групповой нарциссизм. Он обладает важными функциями. Во-первых, он пробуждает групповую солидарность и чувство общности и таким образом дает возможность легче манипулировать людьми. Во-вторых, он необычайно важен, поскольку сообщает членам группы ощущение удовлетворенности, особенно тем, у кого немного других причин гордиться собой и чувствовать себя чего-либо достойными. Даже если ты самый несчастный, самый жалкий и убогий, менее всех уважаемый член группы, твое положение компенсируется чувством: “Я, в действительности оставаясь червяком, благодаря своей принадлежности к группе становлюсь исполином”. Степень группового нарциссизма тем выше, чем менее человек удовлетворен своей жизнью. Те социальные слои, которые радуются жизни, не столь фанатичны, как те, которые терпят нужду и чья жизнь совершенно однообразна¹.

1 Erich Fromm. *The Anatomy of Human Destructiveness*. London, 1977, p. 278–280, 275–276.

V. ЛИТВА РАЗБОГАТЕЛА

В годы нацистской оккупации в Литве были убиты около двухсот тысяч евреев. Двести тысяч — это пятьдесят тысяч семей. Остались их дома, их земля, скот, мебель, драгоценности, деньги. Остались их предприятия, магазины, аптеки, больницы, постоянные дворы, школы, синагоги, библиотеки со всем находящимся там ценным имуществом.

Куда все это подевалось? Кто обогатился? Только ли немцы, которые приказали все ценности передать в распоряжение рейха? Только ли те, что расстреливали, а потом выдирали золотые зубы и делили между собой одежду?

А может, и наше государство, наши литовские учреждения и даже простые литовцы, например, мои и ваши деды, которым удалось задешево купить кое-что хорошее на аукционах, устроенных властями в местечках?

Кто знает...

1941 год. Начальник департамента полиции Витаутас Рейвитис сообщил, что “ликвидируя имущество евреев, можно было бы навсегда решить проблему обеспечения полиции и ее сотрудников зданиями и квартирами”¹.

1 Valentinus Brandišauskas. *Žydų turtas ir kultūros vertybės*. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 478.

Письмо главы Шяуляйского уезда
Йонаса Норейки за № 1875.

10 сентября 1941 г.

Предписания ликвидировать движимое имущество евреев
и бежавших коммунистов.

Выписка:

Из собранного имущества надо оставить и далее хранить до отдельного моего предписания дорогую мебель, ткани в отрезках и не бывшее в употреблении белье. Списки этого имущества представить мне.

Другим годным имуществом обеспечить имеющиеся учреждения, как то: школы, волостные управления, почты, приюты, больницы и т. д. Однако не менее чем $\frac{1}{4}$ этого годного имущества оставить храниться до отдельного моего предписания¹.

Заботливость Йонаса Норейки и его партизанская деятельность увековечены во многих местах Литвы — на мемориальных досках, в названиях улиц и школ. И на стене Литовского особого архива. А по другую сторону стены, всего в несколько метрах от надписи, сделанной в честь героя Литвы Йонаса Норейки, читальня Особого архива, где находятся дела расстрельщиков евреев, в том числе и из Шяуляя. По указанию Норейки евреев гнали в Шяуляйское гетто.

Вернемся к имуществу. Известно, что часть имущества убитых до складов не добиралась — его, не дожидаясь аукционов, растаскивали местные жители. Полицейские расхищали имущество, делая обыски в еврейских домах. “Грабеж

1 LCVA, R-1099, ap. 1, b. 1, l. 239. Mašinfraštis.

имущества совершается в дневное время, и этим компрометируется имя полиции”, — жаловались руководству сотрудники Вильнюсской полиции¹.

После окончания аукционов что-то оставалось, так вот, например, комиссия по ликвидации еврейского имущества в Рокишкисе нереализованное имущество передала кладовщику.

Среди оставшихся предметов — посуда, кастрюли, ведра, различные платья и блузки — 2399, полотенца — 1661, ска-терти — 894, женские сорочки — 837. Между тем радиоприемники, телефоны, часы, патефоны исчисляются единицами².

Кое-какие учреждения еврейское имущество получили бесплатно: среди обогатившихся — приюты, начальные школы, лесничества, местные самоуправления. Медицинское оборудование досталось амбулаториям и больницам.

Жить стало лучше.

“Большая часть еврейских хозяйств перешла к физическим лицам, абсолютное большинство которых были литовцами”³.

Регистрировать все оставшееся еврейское имущество, присматривать за ним и распределять (продавать) его — все это должна была организовать местная администрация: полиция, волостные старшины, старосты и другие должностные лица. Комендант Рокишкиса жаловался, что “из-за большого наплыва покупателей на месте продажи невозможно было поддерживать должный порядок”⁴.

1 Valentinas Brandišauskas. *Žydų turtas ir kultūros vertybės. Iš: Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 484.

2 Ibid., p. 480.

3 Ibid., p. 475.

4 Ibid., p. 480.

Что сказано расхитителям, покупателям, получателям еврейского имущества великим нравственным авторитетом — католической церковью?

Отношение литовской католической церкви к тому, что имущество евреев было присвоено, частично раскрывают рефераты, прочитанные в 1942 году на конференциях ксендзов. В докладах преобладало такое мнение: если имущество присвоил неимущий прихожанин, и только ради удовлетворения самых насущных своих потребностей, то это имущество может остаться в его распоряжении. Однако если человек взял больше, чем способен израсходовать, то должен вернуть: лучше всего — Церкви, однако может и помочь бедным или отдать на благотворительность. Оговорка применима лишь к неумеренно награбившим еврейского имущества бывшим партизанам: для них реституция не обязательна, поскольку в начале войны они преследовали благородную цель и рисковали даже жизнью. Обретенное еврейское имущество — возмещение за прежний риск¹.

Свидетельство простой литовской женщины: интервью Саулюса Бержиниса с **РЕГИНОЙ ПРУДНИКОВОЙ** из фондов Вашингтонского музея Холокоста, коллекция Джеффа и Тоби Хэпп.

Многие литовцы, которые были бедные, у евреев служили. Евреи были милосердные люди. Я тоже служила, но потом ушла, боялась... потому что была румяная очень, крупная, а евреи, говорили, без христианской крови жить не могут, когда праздники бывают — должны хоть капельку крови попробовать.

1 Valentinas Brandišauskas. *Žydų nuosavybės bei turto konfiskavimas ir naikinimas Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais*. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 501.

Когда немцы пришли, евреи ни на что права не имели. Литовцы лавки грабили, уносили все... Всего себе натаскали, и я себе взяла.

Что вы взяли?

Материю домой принесла из еврейской лавки и башмаки, но башмаки непарные были. А потом евреев гнали из домов и на площадь. И окружили. Согнали в ряды. Все гнали, потому что всех просили идти, говорили, имущество дадут, дома, квартиры. Потом много кто здесь на еврейское богатство жил.

Потом около ресторана Липке были торги, покупали, рвали, везли... Ресторан Липке был набит одеждой, туда на конях свезли. Из окон бросали одеяла, подушки, перины, так люди хватали, кто что поймает, ой, Иисусе, что там делалось...

Кто бросал?

Те, кто в расстреле участвовал. Те и бросали. Вещи получше, мебель, это они себе оставляли.

Так вы когда зашли, видели эту мебель?

Знаю, что у них ничего не было, убого жили, а потом, как зашла, смотрю, пальто каракулевое... Двоюродного брата жена приделась. Обуви был полный коридор. Я одни бордовые лодочки взяла, так она догнала и отобрала. Сказала, это мое. Говорю — не твое, а еврейское.

Там, наверное, и золотые кольца были...

Были... их же догола раздевали, которые побогаче были. Зубы вынимали... Так я один зуб себе купила.

Купили зуб? Можно было купить себе зуб?

Да, да, золотой. Недорого заплатила. Когда пришли русские, так у одной тетки купила.

И где теперь этот зуб?

Вот тут (пальцем показывает на золотой зуб во рту). Расплавил и сделали мне зуб. Муж той женщины евреев расстреливал, так он продал мне со всей коронкой.

Так вы купили коронку вместе с зубом?

Да, с зубом.

Так, значит, и вы на евреях нажились?

Как это нажилась? Я же купила тот зуб.

[Апрель 1998 года]

VI. СВОИ. СПАСИТЕЛИ

Я знакома лишь с несколькими евреями, спасенными от смерти в годы немецкой оккупации: театроведы Ирена Вейсайте и Маркас Петухаускас, режиссер Кама Гинкас. Не знакома ни с одним спасителем. Так я думала до тех пор, пока однажды не забрела в еврейскую общину и не увидела в фойе стенд, посвященный Пятрасу Баублису. Разве и Баублис был евреем? Я не знала... Нет, ответил мне один из членов общины. Он — праведник мира, спасавший евреев от смерти. Пятрас Баублис — и мой спаситель.

Когда мне было лет тринадцать, я примерно год мучилась сама и терзала родителей, но никто не мог диагностировать болезнь. Меня обследовали все врачи, какие только возможно, делали множество анализов, но каждый вечер поднималась температура, и меня постоянно томила необъяснимая усталость. Переходный возраст или все же болезнь? В конце концов кто-то посоветовал родителям обратиться к доктору Пятрасу Баублису. Он принял меня с родителями у себя дома в Вильнюсе, на улице Шило. Пробыли мы у него около часа. Доктор увидел то, чего на снимке моих легких

не видели другие, — начинающийся туберкулез. Велел родителям немедленно забрать меня на полгода из школы, везти лечиться в санаторий, мне — глотать лекарства и дышать сосновым воздухом. Благодаря доктору Баублису родители купили мне собаку — чтобы я как можно больше времени проводила в сосновом бору.

Я выздоровела. Окончила школу, в 1973 году поступила в театральный институт в Москве, и в декабре того же года вернулась домой в Вильнюс. Обратного билета я должна была лететь 16 декабря. У меня был билет, но я его сдала, потому что лекции пока не начинались, и я могла остаться еще на несколько дней. В тот день тем самолетом в Москву вылетели лучшие педиатры Литвы. Накануне они были на конференции в Паневежисе, после нее смотрели в театре Юозаса Мильтиниса спектакль “Пляска смерти”. В Москву вылетел и Пятрас Баублис, ему тогда было 59 лет. Самолет “Ту-124” разбился вблизи Минска. Пятрас Баублис погиб. Погибли все врачи, все пассажиры самолета. Я осталась жива.

В 1977 году Пятрас Баублис был признан праведником народов мира.

Сколько детей спас от смерти во время войны Пятрас Баублис? Не один десяток.. Возможно, спасенные им и отданные в литовские семьи еврейские дети не знают своих корней, не знают, что на несколько часов усыпившая их доза люминала, введенная им доктором, стала первым их шагом из зоны смерти? Два года, с 1942-го по 1944-й, он работал директором каунасского детского дома *Lopšelis*¹. Детский дом находился в Вилиямполе, у самой границы еврейского гетто.

Рассказывает еврейка Рут, которую доктор Баублис приютил, дав ей имя Ирена Балтадуоните.

1 Ясли или колыбелька (лит.).

Из гетто меня вынесла семнадцатилетняя еврейская девушка, внешне не похожая на еврейку. С доктором Баублисом было условлено, что она оставит меня рано утром у его детского дома. Меня усыпили лекарствами, и ранним зимним утром вывезли на санках как узел с одеждой. Повезло, что немцы не проверили, потому что иначе мы обе погибли бы. В этот узел была вложена записка с моими ненастоящими именем и фамилией, под этим именем я и росла в детском доме, которым руководил доктор Баублис¹.

История одного ребенка особенно странная.

Один полицейский нашел девочку и принес ее в ясли к доктору Баублису с такими словами: “У меня есть сын, но нет дочери. И я хочу вырастить этого красивого младенца”. Доктор Баублис подумал, что это хороший выход, у полицейского она будет в безопасности... Утром девочке дали конфету, она сказала “кеке” — так еврейские дети называют конфеты, от слова “цукерке”. Поскольку этот литовский полицейский вырос среди евреев, он понял, что девочку вынесли из гетто, и потому сразу же отнес ее обратно к воротам гетто².

Рассказывает медсестра, работавшая в детском доме:

Принесенные дети были обкорнаны, головки вымазаны марганцовкой. Гестапо приходило проверять ясли два-три раза в неделю, глубокой ночью³.

Гестапо стало известно, что в яслях рядом с гетто заметно растет число подкидышей, и персоналу было запрещено

1 *Gyvybę ir duoną nežančios rankos*. 4 knyga. Vilnius, 2009, p. 198.

2 *Ibid.*, p. 200.

3 *Ibid.*, p. 204.

на ночь запирают двери. Если должны были оставаться открытыми круглые сутки, чтобы можно было их проверить.

В марте 1944 года во время так называемой “Детской акции” в каунасском гетто детей безжалостно вырывали из материнских объятий. В тот раз в концентрационные лагеря увезли 1300 беспомощных людей — детей и стариков. Их ждали газовые камеры Освенцима и Дахау.

Еврейский музей Виленского гаона в 2002 году выпустил книгу — список людей Литвы, спасавших евреев. В нем 2559 фамилий.

Десять лет спустя Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы подготовил список людей, которые, возможно, участвовали в Холокосте, и разместил его на странице центра в интернете. В этом списке — 2055 фамилий.

Так что спасителей в Литве было больше. Официально.

Список, составленный Центром геноцида в 2012 году, был передан правительству Литовской Республики. И всё. Видно, наше правительство последовательно придерживается той же позиции, которую простыми словами высказал историк Нериус Шепетис: “Те, кто участвовал в Литве в истреблении наших евреев, — большей частью литовцы. И что?”

VII. ВЗГЛЯД ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Интервью с историком

САУЛЮС СУЖЕДЕЛИС — историк, профессор Миллерсвилльского университета в Пенсильвании (США), член Международной комиссии по расследованию преступлений режимов нацистской и советской оккупации, автор книг и публикаций о Холокосте.

Приходилось ли вам слышать о списке возможно причастных к Холокосту лиц, который по поручению правительства составил Центр исследования геноцида и сопротивления?

Нет, не доводилось слышать. Непременно поинтересуюсь.

Сколько, по имеющимся у вас сведениям, наших, литовцев, участвовало в Холокосте в годы нацистской оккупации?

В Литве немцев, непосредственно участвовавших в убийствах евреев, было, по меньшей мере, несколько сотен (различные сотрудники учреждений безопасности и вермахта). Местных, большей частью этниче-

ских литовцев, было намного больше: непосредственных убийц было несколько тысяч, и это противоречит мифу о расстрельщиках евреев как о “горстке подонков”. Так много или мало? Этот вопрос пытается решить историк Соломонас Атамукас, но, как он утверждает, точно установить число виновных мешает проблема определения степени виновности. Все же надо полагать, что представленный им вывод логически приемлем: “Во всем процессе преследования евреев, погромов, ограблений, в том, как их сгоняли в гетто, стерегли, гнали-везли и расстреливали, участвовали тысячи местных жителей”.

Кто, по вашему мнению, были сами убийцы, и почему они убивали?

На этот существенный вопрос пытается ответить Кристофер Браунинг в монографии “Совершенно обычные мужчины” (*Ordinary Men*). Автор исследует деятельность одного типичного немецкого полицейского батальона в Польше. Это подразделение, состоявшее из военнослужащих запаса старшего возраста (около пятисот мужчин), убило или отравило в лагеря смерти примерно восемьдесят три тысячи евреев. По словам Браунинга, батальон участвовал в убийствах в основном из покорности начальникам, а также испытывая психологическое давление соратников. Браунинг думает, что антисемитизм, ненависть к жертвам, нацистская идеология — все это было не так важно. Покорность бюрократическому механизму, приказу начальства и верность соратников сыграли главную роль в превращении “совершенно обычных мужчин” в убийц. Садистов, убежденных нацистов было меньшинство.

Насколько важен для Холокоста был литовский антисемитизм?

Антисемитизм в Литве после большевистской оккупации был очень существенным фактором. До тех пор проявления антисемитизма встречались, однако массового насилия точно не было. Антанас Сметона не был антисемитом, и в отношении евреев его политика была умеренной. Однако после советской оккупации 1940 года господствовала убежденность в том, что евреи предали Литву, потому что они встречали большевиков с цветами. Кроме того, считалось, что энкаведэшники — большей частью евреи, на самом же деле большинство из них были русскими, хотя, конечно, были среди них и литовцы, и евреи. Литовцы думали, будто евреи не пострадали от советской власти, хотя факты показывают, что советские оккупанты землю и другое имущество отнимали как у евреев, так и у литовцев. Вместе с литовцами в июне 1941 года в ссылку отправили немало литовских евреев.

Какова роль Временного правительства Литвы в Холокосте?

Не так давно мне довелось говорить на эту тему с одним известным политиком. Он утверждал, что лояльность Временного правительства к нацистам — часть стратегии, направленной на обретение Литвой независимости, что нам не следует все оценивать с сегодняшней колокольни и винить тогдашнее литовское руководство, которое делало все ради Литвы. Тогдашние члены правительства сами боялись репрессий, опасались, что немцы их арестуют. И все же я уверен: если уж провозглашаешь, что возродил независимую Литву, и на словах берешь на себя моральную ответственность

за нее, надо и поступить соответственно. Дискриминирующие евреев постановления правительства противоречили принятой в 1938 году Конституции независимой Литвы, которая объявляла всех граждан равными. Если Временное правительство заявило, что восстанавливает ту Литву, которая существовала до июня 1940 года, значит, должна иметь силу и Конституция той Литвы. А если, принимая дискриминирующие евреев постановления, думали по-другому, надо было менять и Конституцию Литвы.

Мне кажется, Временное правительство Литвы просто не понимало сути геноцида, к которому привел нацизм, думало, что национал-социалисты — те же самые немецкие патриоты, может, более крайние или другого цвета. А предупреждения в Литве были. Еще в 1933 году известный деятель таутининков¹ Валентинас Густайнис писал об опасностях, которые грозят Германии после прихода к власти Гитлера. А что касается оценки с сегодняшней колокольни... Мы ведь оцениваем тех, кто сотрудничал с Советами, с позиции наших дней и осуждаем тех, кто вез в Литву “Солнце Сталина”. Так что в этом случае надо бы оставаться последовательными.

В 1941 году Временное правительство было в растерянности. Конечно, немецкая армия избавила Литву от большевистского ига. Однако политика нацистов была уже очевидна из их действий в Польше и по первым шагам в Литве. В Западной Европе Гитлер не вел истребительную войну. Скажем, Англию фюрер уважал

Таутининки (от лит. *tautininkas*, букв. — националист) — политическое течение в Литве. Движение таутининков начало складываться с 1908 года как правое крыло литовской демократической партии. Идеологами и руководителями таутининков были А. Сметона, Л. Норейка, А. Вольдемарас. (Прим. пер.)

и считал ее равноценной Германии. Однако Восточной Европе в гитлеровских планах была уготована совсем другая участь. Это была настоящая истребительная война. Приближенные Гитлера прошли через Первую мировую войну, знали, что она была проиграна из-за нужды и голода, и потому, начавши новую войну в Европе, решили, что армия Германии ни при каких обстоятельствах не будет испытывать недостатка в продовольствии — им немцев обеспечит Восточная Европа. Для этого требовалось сильно уменьшить количество живущих там людей. Первым делом уничтожить евреев Восточной Европы, а потом, видимо, были бы приняты другие решения.

После прихода немцев Временное правительство Литвы не владело ситуацией, не управляло даже армией. В стране практически было безвластие. Так что Временное правительство не организовывало и не одобряло расправ над евреями. С конца июля 1941 года немцы сами начали управлять Литвой, пригласив себе в помощники так называемых “советников” — настоящих коллаборационистов, а также созданную ВПЛ администрацию, местную полицию. Август, сентябрь и октябрь 1941 года — самая кровавая страница истории Литвы, тогда за очень короткое время истребили очень много людей, абсолютное большинство литовских евреев. Пятраса Кубилюнаса, возглавлявшего “доверительный совет”, союзники сурово осудили за то, что он делал при нацистской власти в Литве.

Каков опыт других европейских государств — удалось ли кому-нибудь более серьезно сопротивляться нацистам, осуществившим геноцид евреев?

В Литве в годы немецкой оккупации были истреблены 90–95 % евреев. Между тем в Дании 90 % евреев спаслись. В 1943 году, когда упразднили датский протекторат и ввели оккупационный режим, датское антинацистское сопротивление организовало переселение примерно семи тысяч сограждан-евреев в Швецию, тем самым вырвав 90 % местных евреев из пасти смерти. В 1999 году в Вашингтоне была устроена впечатляющая выставка театральных плакатов вильнюсского гетто. На ее открытии выступал американский конгрессмен, член Палаты представителей Том Лантос, родом из Венгрии. В молодости он на себе испытал, что такое Холокост, но выжил благодаря известному шведскому дипломату Раулю Валленбергу. В своей речи Лантос упомянул датчан как пример для Литвы, не сумевшей защитить своих сограждан. По словам Лантоса, датчане сберегли даже щенков уехавших в Швецию соседей-евреев и после войны вернули вымытых и причесанных собак хозяевам. Однако очевидно, что случай Дании — особый, там немецкая оккупация в сравнении, допустим, с Литвой была, можно сказать, мягкой.

В Венгрии и Румынии, где в период между войнами господствовали массовые фашистские движения, каких не было в Литве, процент евреев, выживших после Холокоста, намного выше (в Румынии спаслась половина местных евреев). Франция потеряла примерно четверть граждан-евреев, а из Голландии были вывезены и уничтожены почти три четверти еврейской общины. Особенно поучителен пример Венгрии. До весны 1944 года в стране еще жили примерно восемьсот тысяч евреев. Во время войны большинство из них подвергалось репрессиям и гонениям, часть погибла, однако правивший Венгрией адмирал Миклош Хорти сопротивлялся

требованиям Берлина отдать евреев на смерть. Начало уничтожения большинства венгерских евреев связано с немецким вторжением в марте 1944 года и введением пронемецкого марионеточного правительства. Рейху практически принадлежала исполнительная власть в стране, и штаб Адольфа Эйхмана инициировал массовую депортацию венгерских евреев в лагеря смерти. Я бы сказал, напрашивается вывод, что меньше всего возможностей спастись было там, где немцы ввели прямую оккупационную власть и привлекли местные административные структуры к сотрудничеству. Приведенные ранее примеры показывают, что местные коллаборационисты и антисемитизм населения облегчали запланированную Берлином работу.

Какова роль католической церкви в Холокосте? Ведь даже в батальонах смерти были капелланы, и они отпускали грехи убийцам.

Католическая церковь, организация, обладающая в Литве огромным моральным авторитетом, публично не осудила геноцид евреев. Точка зрения митрополита Юозапаса Йонаса Сквирецкаса на ситуацию была, можно сказать, двусмысленной: например, из его дневника видно, что Сквирецкас ужасался происшедшим в Каунасе погромам и даже принимал меры, стараясь на ситуацию воздействовать. С другой стороны, читал и положительно оценивал кое-какие сочинения Гитлера... Епископ Винцентас Бризгис публично приветствовал "освободивших" Литву нацистов, но одобрял старания монахов помочь евреям, узникам гетто. Некоторые ксендзы спасали евреев, с амвона обличали убийц. Однако это были отдельные случаи.

В архиве сохранилось апостольское послание прихожанам епископа Юстинаса Стаугайтиса от 10 июля 1941 года, в котором он призывает не мстить “чужим”, не обижать их и не совершать над ними насилия, и даже помогать им, явно имея в виду евреев. Это сильный текст. К сожалению, насколько мне известно, это единственное задокументированное сочинение такого характера, исходящее от церковного иерарха. В сентябре 1941 года бывший глава Временного правительства Литвы Юозас Бразайтис-Амбразявичюс посетил Сквирецкаса и уговаривал священника присоединиться к публичному заявлению, в котором говорилось об отмежевании литовского народа от убийств, которые уже приняли массовый характер. Но митрополит отказался, и из этого намерения ничего не вышло.

Нас, литовцев, евреи обвиняют в том, что мы прославляем военных преступников, ставим им памятники и присваиваем улицам их имена. Но ведь это правда. Не будем говорить про Литовский фронт активистов и руководителей Временного правительства, но ведь существуют памятники людям, непосредственно уничтожавшим евреев. Есть памятник Юозасу Барзде, школа имени Йонаса Норейки, площадь, названная именем убийцы, племянника Антанаса Сметоны, Юозаса Крикштапониса...

Это большая проблема. Вот, скажем, Крикштапонис, чьим именем названа площадь в Укмерге. Да, он был партизаном, но ведь до того, в годы немецкой оккупации, он действительно себя скомпрометировал. Все же таких случаев не очень много. Вся эта кампания прославления партизан происходила в начале независимо-

сти, когда кое-каких вещей совершенно не сознавали. Саюдис¹, эйфория независимости, поголовная реабилитация партизан, а тут кто-то начинает к ним придирааться из-за их деятельности в годы немецкой оккупации. Каждого партизана считали героем. Это была психология автоматического реагирования: каждый, кто был плох для русских, стал хорош для сегодняшней Литвы. В независимой Литве большого желания идти в архивы КГБ никто не испытывал.

Когда архивы КГБ перешли в руки людей из Саюдиса, и те их хранили, я как-то зашел к ним с историком Валентином Брандишаускасом. Хранители встретили нас злобно и подозрительно, не понимая, что мы здесь ищем. Между прочим, президент Валдас Адамкус однажды пригласил меня к себе, чтобы спросить, награждать ли орденом одного репрессированного партизана. Я ответил, что надо посмотреть, что он делал, что делал любой другой репрессированный при Советах человек, ныне представленный к награде. Наверное, не все участники сопротивления были святыми. Ясно, что политическое давление велико. Не только здесь, и в эмиграции всякое бывает. Военный преступник Антанас Импулявичюс в Филадельфии был избран председателем литовской общины — он всем прямо говорил, что служил в немецкой армии, и это ни у кого никаких подозрений не вызывало.

Как вы думаете, осмелимся ли мы когда-нибудь открыто взглянуть на свою историю?

1 “Саюдис” (лит. *Sąjūdis*, “Движение”), изначально — Литовское движение за перестройку (лит. *Lietuvos Persitvarkymo Sąjūdis*) — общественное движение, главной целью которого было отделение Литвы от СССР и создание независимого государства. (Прим. пер.)

И в Литве, и в эмиграции у некоторых людей в головах все еще коренятся семь основных стереотипов:

1. Участие литовцев в убийствах евреев было понятным ответом на участие евреев в истреблении литовцев.
2. Литовские евреи отчасти заслуживали такой судьбы, поскольку создали во времена независимости эксплуатирующее литовцев замкнутое общество, и особенно они провинились перед литовским народом в первые годы советской власти, когда евреи были заодно с коммунистами, а среди сосланных евреев не было.
3. В годы немецкой оккупации многие литовцы спасали евреев.
4. Весь геноцид евреев — дело рук нацистов, иногда переодетых в литовскую форму, а им помогала, может, горстка отщепенцев и бывших коммунистов, желавших искупить свою вину.
5. Намеки в западной печати на литовцев-эсэсовцев — клевета, поскольку всем известно, что литовцы, в отличие от латышей и эстонцев, решительно отказались создать легион СС.
6. Обвинения против отдельных лиц, особенно тех, кто отличился своей патриотической деятельностью, — политический маневр оккупанта, основанный на фальсифицированных документах КГБ.
7. Западные средства массовой информации контролируются евреями, которые все внимание направляют на осуществленный нацистами геноцид, игнорируя преступления коммунистов, масштаб которых куда больше.

До тех пор пока будут господствовать эти, пусть частично основанные на исторических фактах стереотипы, трудно будет трезво оценить самую кровавую страницу истории Литвы. Мы все еще занимаем оборонительную

позицию. Сохраняя неадекватную ситуации позицию, мы нередко переходим в контрнаступление: а вы что делали? Я всегда думал: если ты сам способен критически себя оценивать, другой уже не сможет тебя обвинять, ты словно выбиваешь у него из рук оружие. Придет время, когда нам все же придется откровенно сказать самим себе, какой была наша история и что в ней было плохого.

ПОСТСКРИПТУМ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Важнейший вопрос, который я задала себе в начале книги, прочитав главу о Холокосте в учебнике истории для десятого класса: кто виноват? Власти Литвы? Горстка подонков? Тысячи литовцев? Историк Саулюс Сужеделис говорит: как минимум — несколько тысяч.

В составленном Центром исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы, пусть и секретном, списке людей, возможно, причастных к Холокосту, 2055 фамилий.

Автор социального портрета расстрельщика евреев Римантас Загрецкас пишет, что в Особом архиве хранятся дела нескольких тысяч лиц, связанных с Холокостом.

По данным историка Арунаса Бубниса, в годы немецкой оккупации в батальонах самообороны служили примерно от двенадцати до тринадцати тысяч человек. По крайней мере, десять батальонов так или иначе причастны к Холокосту. Так, значит, убийц было пять или шесть тысяч?

По подсчетам историка Людаса Труски, участников Холокоста было приблизительно десять тысяч.

Историк Альфредас Рукшенас считает по-другому. По словам этого историка, Холокост состоит из двух частей, двух преступлений. Первое — это изоляция евреев, когда их сосредоточивали во временных лагерях, создавая условия для второго — массового уничтожения.

Одни во время июньского восстания 1941 года и после него работали в восстановленных властных структурах различного уровня. Другие были в литовских вооруженных структурах — это члены отрядов литовской вспомогательной полиции, Национального трудового охранного батальона, вспомогательной полиции (белоповязочников), чаще всего подчиненных начальникам участков литовской общественной полиции. Третьи служили в батальонах самообороны. В Литве были сформированы двадцать шесть батальонов самообороны, в которых служили от двенадцати до тринадцати тысяч бойцов¹.

По подсчетам израильских историков, кроме подчиненных нацистам военных структур, в каждой волости было несколько десятков лиц, которым пришлось сотрудничать с оккупационной властью и способствовать изоляции и убийствам евреев. Эти историки утверждают, что, если подсчитать всех прямых и непрямых участников Холокоста, общее их количество в Литве достигло бы двадцати трех тысяч.

Истина, наверное, где-то примерно посередине. От десяти до двадцати тысяч. Историки, с которыми я беседовала, думают, что установить хотя бы приблизительное число участников Холокоста было бы возможно, если бы пять историков посвятили только этой работе хотя бы пять лет, исследуя десятки тысяч хранящихся в Особом архиве дел кара-

¹ Alfredas Rukšėnas. *Lietuvos gyventojų stojimo į Kauno savisaugos batalionus 1941m. vasarą ir rudenį motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, № 2 (32), p. 40.

телей, а также материалы израильских, польских, латвийских, белорусских и немецких архивов.

Таких исследований литовским историкам за двадцать шесть лет независимости так никто и не заказал. Скорее всего, мы так никогда и не узнаем, сколько в Литве было участников Холокоста. Однако всегда будем знать, что их было слишком много.

Часть вторая
**Путешествие
с врагом**

ПО ЛИТВЕ С ЭФРАИМОМ ЗУРОФФОМ

Литовские историки утверждают, что Холокост в литовской провинции — белое пятно, явление, за столько лет почти не исследованное. Жизненная логика подсказывает, что в Литве осталось очень мало людей, своими глазами видевших массовые убийства евреев. Тем, кому в 1941 году было десять лет, теперь уже 85. Тем, кому тогда было 7, теперь 82 года. Про свое личное обязательство, взятое после проекта “Быть евреем” — докапываться до истины не только в архивах и в книгах историков, но и поехать по местам массовых убийств и поговорить с еще живыми свидетелями, я не забыла. Ехать одной? С кем-нибудь? Но ни у кого не найдется на это времени, а нанимать кого-нибудь не на что.

Что остается? Путешествие с врагом? Путешествие в сторону правды... Удастся ли? Согласится ли враг Литвы на такую авантюру, или он и без путешествия знает, что в Литве все были убийцами?

Я написала письмо Эфроиму Зуроффу — предложила проехать через 12 городов и местечек Литвы. Половину из них может выбрать он — *штетлы*, где жили родители

или предки, или города, которые были важнейшими центрами еврейской культуры. Вторую половину выбирала бы я — родные места моих родителей или предков, города, где я жила. Расходы на бензин — пополам.

Ответ пришел сразу же. Это было очень длинное письмо врага Литвы о его связях с Литвой.

Эфраим Зурофф. Литва в моей жизни

Самых юных лет Литва очень много для меня значила. Здесь родился мой дед — зейде, как это называется у евреев, Шмуэль Лейб Зар (в Америке его имя почему-то превратилось в “Самуэль Л. Сар”). Дед очень во многом повлиял на мою жизнь — даже еще до моего рождения.

На самом деле это он выбрал мне имя в честь одной из жертв Катастрофы в Литве. Это было решение, которое мистики сочли бы роковым для моей человеческой жизни.

Я все еще храню телеграммы, которые посылали друг другу отец и дед, когда я родился. “Эстер родила мальчика”, — написал мой отец тестю, который в то время занимался помощью пережившим Катастрофу евреям в европейских лагерях для беженцев. И мой зейде сразу же ответил: “Предлагаю имя Эфраим”. Скорее всего, тогда, в августе 1948 года,

он уже был уверен, что самый младший из его братьев, Эфраим (один из шести), был убит во время Холокоста в Литве. Так вот, его предложение было принято, и родители вместо предполагавшегося Моше Даниэль назвали меня Эфраим Яков.

Дедушка не только выбрал для меня имя, но и решал вопросы моего образования, предлагая школы, которые я должен был посещать, и интересуясь моими успехами. Никогда не забуду открытку, которую он прислал мне из отпуска в Майами в ответ на мое письмо. В этом письме я хвастался, что чистил снег и заработал деньги. Он написал, что готов заплатить мне столько же, сколько я заработал бы, чистя снег, если я это время проведу за учебой. Он оказал огромное влияние на мою жизнь — еще и потому, что дедушка был одной из главнейших фигур Иешивы-университета в США — важнейшего современного ортодоксального учебного заведения.

Мои родители встретились тоже по замыслу деда. Он выбрал моего отца как одного из наиболее способных студентов, видя в нем и возможного зятя. Моему отцу едва исполнилось 24 года, когда он стал преподавателем. Так что в нашей семье дед был настоящим патриархом и примером для всей мужской части родни.

Мой дед гордился тем, что он литвак. Он был уверен, что литваки необыкновенно умны и талантливы. У него был явный комплекс литвацкого величия. Это сочетание — интеллектуальный анализ со стороны деда и “бубба майсес” (бабушкины сказки) с другой — очень сильно на меня повлияло.

Странно, но тема Холокоста в нашей семье не поднималась, и тот факт, что брат моего деда Эфраим был способным исследователем Талмуда, для нас значил больше, чем трагическая гибель в Литве его самого, его жены Бейлы и сыновей Гирша и Элиягу. Лишь намного позже я узнал подроб-

ности их гибели. В то время я уже втянулся в тему Холокоста в Литве и других местах. Новые для меня факты еще больше связали меня с Литвой.

Впервые я прибыл в альте хайм — на родину предков, когда Литва еще входила в состав Советского Союза. Я уже с 1970 года жил в Израиле, и в 1985 году израильское правительство предложило мне поехать в Советский Союз и встретиться там с так называемыми “отказниками”, то есть евреями, которые хотели эмигрировать в Израиль, но советская власть им этого не позволяла. Люди, с которыми нам предстояло встречаться, были сионистами, преподавателями иврита. Организаторы искали людей, которые приехали жить в Израиль из западных стран, еще имели паспорта этих государств и, таким образом, могли поехать в Советский Союз, притворившись туристами. Я выбрал для себя Вильнюс, и мне разрешили поехать туда.

И вот осенью 1985 года я впервые приехал в Вильнюс. Мне очень хотелось съездить в Панеряй, где был убит брат моего деда Эфраим. Я знал, что мне не попасть в Линкменис, поскольку туристы с Запада не могли свободно путешествовать по стране. Однако Панеряй — это все еще Вильнюс. Накануне запланированной нами поездки в Панеряй мы столкнулись с КГБ.

Как в каждом городе СССР, в котором побывали, мы пошли в синагогу — евреям в Советском Союзе не запрещено было ее посещать. Конечно, среди молящихся всегда находился внедренный человек — агент КГБ. Когда мы в тот день пришли на вечернюю молитву, в синагоге были только старики и всего один молодой человек, он-то и вызывался показать нам еврейский Вильнюс.

Мы все вместе свернули с улицы Пилимо, где находилась синагога, на улицу Басанавичюса. Внезапно двое мужчин в гражданской одежде напали на нашего проводника и пова-

лили его на землю. Потом велели нам немедленно вернуться в гостиницу, где на следующее утро нам предстоит разговор. На следующее утро мы спустились в вестибюль гостиницы “Литва” и стали ждать назначенного разговора. Никто так и не появился. Мы отправились в Панеряй — если им понадобится, они все равно нас найдут, где бы мы ни были.

Три десятилетия спустя, летом 2015 года, подав в Литве просьбу, я получил архивную справку КГБ, в которой было написано, что наш разговор в синагоге прослушивался — слушали и информировали КГБ сотрудники милиции. Были ли они в синагоге или слушали из стоявшей поблизости машины — этого мы уже не узнаем...

ОХОТА ЗА НАЦИСТАМИ В ЛИТВЕ

Двинемся дальше, во времена распада Советского Союза. Удивительная новость: Литва становится независимым государством, и это пробуждает у меня множество надежд. То, чего десятилетиями и представить себе было нельзя, теперь, в новых политических обстоятельствах, скорее всего, станет возможным. Я принялся писать статьи, в которых говорил о том, что свободная Литва должна добросовестно посмотреть на свое кровавое прошлое — на Холокост. “Будем ждать справедливости от Литвы” — эта статья, напечатанная в марте 1990 года в ежедневнике *Jerusalem Post*, была словно бы стартовым выстрелом для моей многолетней деятельности в Литве.

Первая моя встреча с независимой Литвой состоялась в июне 1991 года при довольно своеобразных обстоятельствах. Литва пригласила большую израильскую делегацию, в том числе и людей, переживших Холокост в Вильнюсе, на открытие нового монумента в Панеряе. На этом монументе уже

не будет советских надписей, маскирующих происхождение и жертв (евреев), и палачей (большей частью литовцев). Уже не будет мелких памятников там, где были убиты около ста тысяч человек, из которых семьдесят тысяч — евреи. Однако только во время церемонии открытия этого памятника, под проливным дождем, я начал осознавать, с какими трудностями придется столкнуться евреям при решении связанных с Холокостом вопросов как в Литве, так и в других посткоммунистических государствах. Эти вопросы связаны и с поминовением жертв, и с преследованием убийц, и с документированием истории, и с образованием, и особенно со сложной проблемой реституции.

Главный оратор на этой церемонии, премьер-министр Литвы Гедиминас Вагнорюс, пытался умалить и масштаб трагедии, и роль литовских убийц в уничтожении еврейской общины в Литве. “Мы не должны забывать о том, что эта трагедия произошла не в одно мгновение, но продолжалась самое меньшее три месяца”, — торжественно произнес Гедиминас Вагнорюс, сократив три года убийств до трех месяцев.

Еще того хуже — он попытался охарактеризовать участие местных жителей в массовых убийствах евреев как действия преступной группировки, хотя факты свидетельствуют о том, что с нацистами сотрудничал весь спектр литовского общества — от ксендзов и интеллигентов до криминальных элементов и хулиганов. Так вот, по мнению Вагнорюса, подвиги литовцев, спасавших евреев во время Холокоста, и общие усилия евреев и литовцев по восстановлению независимости Литвы куда важнее для истории, доброго имени страны и совести нации, чем действия преступной группировки.

Таким образом, в самом начале независимости, на самом высочайшем уровне, Холокостом пренебрегли, провозгласив ложную симметрию между небольшим числом тех,

кто спасал евреев, и тысячами тех, кто активно участвовал в истреблении практически всей еврейской общины Литвы. Так вот, если кто-то надеялся, что литовцы открыто взглянут на кровавое прошлое страны и действительно попытаются привлечь к ответственности нацистских преступников, то, слушая Вагнорюса, он должен был понять, что его надежды рушатся.

После церемонии в Панеряе мне удалось добраться до местечка Линкменис — штетла, где родились мой дед и пять его братьев. Мой дед Элиягу совсем молодым утонул в озере, и вдова, моя бабушка (буббе) осталась одна с шестью сыновьями. Это была очень волнующая поездка, прежде всего потому, что в местечке не осталось никаких признаков, свидетельствующих о том, что целыми десятилетиями, а может, и столетиями здесь жили евреи. Путь на землю моих предков был открыт и достижим, но никто там уже не помнил прошлого моей семьи.

Это я пишу теперь, когда после того посещения Литвы прошла четверть века, когда страна вновь обрела независимость и получила возможность впервые в своей истории взять на себя ответственность за свое прошлое. Я стремлюсь к этому все двадцать пять лет своего общения с Литвой, общения со страной, в которой родились и выросли мои предки и с маминой стороны, и со стороны отца. Четверть века я стремлюсь к тому, чтобы память жертв почитали, привлекая к ответственности убийц, чтобы историческая правда об участии литовцев в Холокосте была раскрыта и стала известна и в Литве, и за ее пределами. Мне было очевидно, что эта задача — не из легких и что мои старания в Литве оценены не будут. Однако мне казалось, что, выполняя эту миссию, я не должен стремиться ни к компромиссам, ни к популярности. Враждебное отношение литовцев ко мне и к тому, что я делал, было ценой, которую мне придется заплатить, и я об этом знал.

Теперь, двадцать пять лет спустя, я не жалею о том, что выбрал этот путь, но признаюсь, что недооценивал все те трудности, с которыми пришлось столкнуться. Я не мог себе представить, что спустя четверть века Литва еще больше отдалятся от правды и станет, будто слово Божие, распространять по миру искаженные факты о Холокосте и двойную теорию геноцида. Согласно этой теории, геноцид, осуществленный Сталиным, и Холокост равнозначны. Все равно я не думаю, что моя борьба за правду окончена, и уверен, что ложь, распространяемая властью и организациями, которые она финансирует, не будет всемогущей. Однако “победы”, наверное, удастся добиться лишь в отдаленном будущем, когда историки Литвы и другие известные люди бросят вызов рассказу, впервые сфабрикованному после начала независимости. А я могу утешать себя хотя бы тем, что не предал жертв Холокоста в Литве и не принял их память.

Человек, вдохновивший меня выбрать такой жизненный путь и упорно по нему идти, — это прославленный охотник за нацистами Симон Визенталь, чьим именем назван наш центр. Когда его спросили, почему он после окончания войны отказался от карьеры архитектора и стал охотиться за нацистами, Симон ответил: “Я не религиозен, но верю, что существует не только этот мир. Я уверен, что после смерти мы все попадем на небо и встретимся там с жертвами Холокоста. Они сразу скажут нам: «Вам повезло, вы выжили, вы сэкономили свою жизнь и сохранили много ее даров. Как вы распорядились этими дарами? Что сделали со своей жизнью?» Некоторые из нас ответят: «я стал бизнесменом», другие — «я стал юристом», третьи — «я стал учителем». Я хочу ответить им так: «Я не забыл вас».”

Это путешествие с врагом — важная часть книги “Свои”, и вместе с тем своеобразное примирение, а может, даже

и прощание с Литвой, передающее факел памяти о Катастрофе литовцам, в том числе — и автору книги Руте Ванагайте, которой хватило смелости признаться, что и ее родственники участвовали в Холокосте. “Свои” — это попытка открыто сказать, что убийства местных и привезенных из других стран евреев были трагедией Литвы, и эта трагедия будет бросать тень на прекрасную страну до тех пор, пока ее не осознают и не признают. Только тогда, когда вы, литовцы, поймете, что мой народ, убитые евреи, хоть они и были другой веры, с другими традициями, вели другой образ жизни, тоже были своими для вас, — только тогда в вашей стране начнется настоящий процесс исцеления. Я на это надеюсь и об этом молюсь.

Миссия выполнима?

Разговор перед дорогой

Итак, Эфраим Зурофф прибывает в Литву — путешествие с врагом состоится. Идеей заинтересовался один из телеканалов, они предлагали себя в попутчики, но я с этим замыслом не согласилась — была уверена, что камеры и микрофоны принесут вред нашей книге: люди в Литве попросту испугаются.

Однако перед тем как начать планировать путешествие, нам надо было поговорить и кое-что выяснить. Так что первый не очень дружеский разговор состоялся сразу после приезда Эфраима Зуроффа.

РУТА: Многие мои знакомые, узнав о том, что я задумала “Путешествие с врагом”, меня предостерегали. Говорили, что вы — человек агрессивный и опасный, и лучше с вами не связываться. Первое, что средства массовой информации и люди говорят о вас: Зурофф ненавидит Литву. Он не успокоится, пока на Земле будет жить хотя бы один литовец. Это и правда так?

ЭФРАИМ: Да, в мире действительно есть пережившие Катастрофу люди, чьи близкие погибли от рук литовцев. Не-

которые из них думают: если бы на Литву упала атомная бомба, этого было бы еще недостаточно. Есть и другие люди, такие, как я, которые убеждены, что преступники должны ответить за свои преступления, но их детей и внуков обвинять нельзя. С тех самых пор, как я начал свою деятельность в Литве, я всегда говорил, что не испытываю ни малейшей ненависти к странам Балтии. Напротив, то, чего я добиваюсь, со временем будет для Литвы очень полезно. Ваша страна должна оглянуться на свое прошлое, добросовестно оценить то, что произошло во время Катастрофы. И тогда она встанет вровень с другими демократическими странами Запада. Вы должны это сделать. Сделать не для меня или для какой-нибудь еврейской организации, чтобы нам угодить. Вы должны это сделать ради самих себя.

РУТА: Спрошу вас по-другому: вы можете сказать про Литву что-нибудь хорошее?

ЭФРАИМ: Я бы сказал две вещи. В глазах евреев Литва — главнейшая из стран Балтии. В начале нацистской оккупации в Литве жили двести двадцать тысяч евреев, в Латвии их было семьдесят тысяч, в Эстонии — всего тысяча. Второе — литовская природа необыкновенно красива. Моя проблема в том, что я, когда вижу ваши леса, говорю себе: увы, в этих прекрасных лесах несколько сотен мест массовых убийств. Эти убийства резко противопоставлены красоте литовской природы. И еще одна вещь, которую я должен признать: я стараюсь не реагировать на Холокост слишком эмоционально, однако я старею и все больше думаю про брата моего деда, Эфраима, и его семью, убитых в вашей стране. Их убили ваши.

РУТА: Вы любите свой народ. Я люблю свой. Ну хорошо, представители моего народа убили людей из вашего народа. Так что я понимаю, что вы не считаете наших людей людьми — ни убийц, ни тех, кто равнодушно наблюдал за убийствами. Мы враги, и это неизбежно. Вы — представитель жертв, я, хотя бы в ваших глазах, представляю нацию палачей. Если я отправляюсь в путешествие с врагом, то в первую очередь для того, чтобы понять, что случилось с моими людьми, с литовцами, которые убивали. Почему они это делали? Ведь они не были ни роботами, ни извергами... Что расскажут мне об этом их соседи, еще оставшиеся в живых? Хочу понять, что случилось с моим народом и, если однажды это уже случилось, может ли случиться снова?

ЭФРАИМ: Мне неприятно вам такое говорить, но это может случиться снова. Потому что один раз уже случилось. Если бы в 1930 году кто-нибудь начал предсказывать, что тысячи литовцев станут убивать своих соседей, этого человека заперли бы в сумасшедший дом. Но как раз это и произошло. Я вот что хочу сказать: мой многолетний опыт показывает, что 99,99 процентов тех, кто участвовал в Холокосте, были нормальными людьми. Они не участвовали в преступной деятельности ни до Катастрофы, ни позже. У них были семьи, они жили нормальной жизнью.

РУТА: Один из нацистов во время Нюрнбергского процесса отрицал, что он преступник. Он сказал, что в полицейской школе давали определение преступления. Преступление должно включать в себя четыре компонента: это субъект, объект, намерение и действие. Поскольку он, подсудимый, убивать не намеревался, то не было и преступления. Так и те молодые литовцы, которые вступали

в батальоны самообороны, чтобы служить своей родине, не намеревались убивать евреев. Их просто приводили или привозили на предназначенное для этого место и приказывали охранять евреев, конвоировать их или... да, расстреливать. Шаг за шагом их втягивали в убийства. Попавший в такую ситуацию человек оказывается под огромным давлением, и требуется невероятно много сил, чтобы отказаться делать то, что велено, и что делают все. Ты ведь не в саду у тетушки, ты в армии.

ЭФРАИМ: Прежде всего, нам всем известно, что можно было отказаться стрелять. Так говорил не один преступник во время допроса. Можно было не принимать участия в том, чтобы изолировать евреев или вести их на место расстрела. Сколько литовских мужчин воспользовалось этой возможностью? Сколько представителей власти отказалось помогать нацистам организовывать изоляцию и убийство евреев? К сожалению, большинство делало то, чего от них ожидала власть. То есть — участвовало в массовых убийствах или создавало условия для того, чтобы эти убийства совершались.

РУТА: Но вы прекрасно знаете, как велика сила инерции. Идешь в армию. Получаешь оружие. Соглашаешься охранять территорию или собранных на ней людей. Охранять от чего? Или для чего? Ты ведь не знаешь... Если уж начал, обратной дороги нет.

ЭФРАИМ: Вот почему международное право признает личную криминальную ответственность. Никто не говорит, что эти юноши — преступники того же уровня, что Антанас Импулявичюс. Никто не говорит, что они руководили убийствами. Однако они стреляли. Они соверши-

ли преступление. Холокост никогда не достиг бы такого масштаба, если бы те люди этого не делали. Они должны взять на себя вину.

РУТА: Я не могу не испытывать жалости к этим юношам, которых ввели в заблуждение...

ЭФРАИМ: Ваша жалость просто неадекватна. Если бы убийство было однократным действием, то, что человека ввели в заблуждение, было бы сильным аргументом. Но убийства совершались одно за другим. Скажем, люди Импульвичюса или бойцы Особого отряда — они-то прекрасно знали, что делают, и все равно это делали.

РУТА: Власть независимой Литвы вроде бы и побуждала их это делать, поощряла, командиры им приказывали, Церковь молчала, все остальные в отряде это делали и, в конце концов, Бог допускал, чтобы это совершалось — что тут может поделаться человек? Поймите меня правильно — это они так думали, а не я. Будем реалистами: большинство этих людей образования не получило, половина из них были неграмотными или едва умели читать. Они не слишком задумывались о нравственных ценностях. Некоторые из них — просто недалекие деревенские парни...

ЭФРАИМ: Пойдите к людям, чьи близкие были убиты во время Холокоста, и скажите им: “Извините, но, знаете ли, наши, которые это сделали, были не очень образованными”. Убедительно ли это звучит?

РУТА: Нет. Но я все равно думаю о роли Церкви, важнейшего нравственного авторитета в тогдашней Литве. Или, проще говоря, о роли Бога. Невероятная, даже абсурд-

ная мысль, но то, что большинство убийц были верующими, ходили в церковь, исповедовались, позволяло им чувствовать себя менее ответственными за то, что они делали. “Почему Бог допускает такие ужасы?” — сказал один убийца из батальона Импулявичюса. Если Бог это допускает, что может поделаться ничтожный человек?

ЭФРАИМ: Все равно мы должны требовать, чтобы каждый человек сознавал: то, что он делает — самое страшное преступление, какое только можно вообразить. С каких пор необразованность или глупость избавляет от ответственности? Мы говорим не о каком-нибудь неудачнике, один раз нечаянно нажавшем на спусковой крючок и убившем одного человека. Мы говорим об убийствах тысяч людей — мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Человек должен быть совершенным аутистом, чтобы делать это, не сознавая, что делает. В таком случае в Литве действительно было два рода преступников. В маленьких городках были люди, которые стреляли один или два раза. Но есть и такие, которые служили в Особом отряде, в летучем отряде Хаманна или в батальоне Антанаса Импулявичюса, которые убивали целыми часами, месяц за месяцем, год за годом.

РУТА: Я думаю и об этих людях. Некоторые из них говорили, что стрелять трудно только в первый раз, а потом тупеешь, стреляешь автоматически и ничего уже не чувствуешь. Ведь те, кто стрелял, даже не видели лиц тех, кого убивали, жертв ставили спинами к ним на расстоянии десяти метров или укладывали в ямы ничком...

ЭФРАИМ: Вы словно пытаетесь любой ценой их оправдать или уменьшить их вину. Не хочу говорить о трагедии

своей семьи, но думаю об Эфраиме, брате моего деда, ни в чем не повинном, чудесном, талантливом человеке, о его маленьких детях. Кем они могли бы стать? Сколько чудесных людей потеряли мы, потеряли вы — сколько они могли бы дать вашему государству?

РУТА: Понятно, я думаю как литовка. Но я думаю и о том, что кто-то из тех почти неграмотных, запутавшихся, нетрезвых деревенских парней, может, быть, расстрелял какого-то будущего ученого, который нашел бы лекарство от рака и спас бы сестру этого парня... Но он нажал на спусковой крючок, а потом хватил еще водки.

ЭФРАИМ: Превосходно подмечено. Но так думает человек, которому не хочется признавать вину своих.

РУТА: Я не могу принять всех обвинений, которые вы обрушиваете на головы моих соотечественников. Я раскрыла присланную вами книгу, свидетельства евреев из литовской провинции, — и меня едва не стошнило. На каждой странице ужасающие обвинения, обвиняют всех литовцев: литовцы грабили, насиловали, пытали, расстреливали, разбивали детям головы... Нигде не сказано, что это были бойцы батальонов или полицейские, просто литовцы. Книга пронизана ненавистью ко всему моему народу. Я бы хотела, чтобы во время этого путешествия с врагом и вы попытались бы понять, что бывают разные люди, разные судьбы, не одни только убийцы, равнодушные или спасители. Я и сама хочу увидеть более полную картину — это ведь мои люди, это история моей родины.

ЭФРАИМ: Послушайте, так ведь большинство литовцев и составляли равнодушные — не убийцы и не праведники.

Совершенно очевидно, что вы своими аргументами стараетесь хотя бы отчасти оправдать убийц.

РУТА: Нет, точно нет.

ЭФРАИМ: Вы в этом уверены?

РУТА: Нет, не вполне.

ЭФРАИМ: Хорошо, что вы хотя бы честно это признаете. Но все равно стараетесь смягчить удар. Стараетесь, чтобы литовцам было легче примириться со своим прошлым. Но если вы хотите примириться с прошлым, вы должны принять его таким, каким оно было, а не приукрашенную, продезинфицированную его версию. Принять факты такими, какими они были. Это ваш долг перед собой, перед своей страной. Не передо мной. Я здесь не живу. Я поеду домой. И моя страна этого не делала.

РУТА: Я знаю, почему вы ненавидите Литву. Потому что она вас отвергла. Вы приехали к нам в 1991 году, мы тогда только что завоевали независимость. И сюда вы приехали для того, чтобы сказать нам: вы убийцы. Вы приехали, чтобы испортить свадебный пир, испортить наш праздник. Вы должны были начать медленно и осторожно, издали, шаг за шагом. Дать нам больше времени.

ЭФРАИМ: Как вы думаете, сколько времени должна была продолжаться эта свадьба?

РУТА: Ммм... Может, лет двадцать. Может, десять. А потом пришло бы время похмелья. И это время уже пришло. Все немного затянулось, мы не сразу поняли, что весе-

лая свадьба еще совсем не означает счастливого брака... И еще одна ваша ошибка. Вы взваливаете на нас слишком большой груз вины. Нам невероятно трудно признать, что мы, литовцы, сотрудничали с нацистами. Если бы это было единственное ваше обвинение, мы бы, может, и сказали: хорошо, может быть, мы посмотрим, исследуем, как там было на самом деле. Но вы яростно нападали на нас, говоря, что мы начали убивать евреев задолго до появления нацистов. Это уж было слишком. И еще одна ваша ошибка. Вы приехали и попытались прикончить наших стариков — бывших преступников Казиса Гимжаускаса и Александра Лилейкиса, депортированных из США. Стариков, которым тогда уже было под девяносто...

ЭФРАИМ: Потому что они прикончили брата моего деда и его семью.

РУТА: Но если вы прикончите брата моего деда, это не вернет к жизни брата вашего деда. Те два старика, которых вы старались дотащить до суда, были совсем дряхлыми. Лилейкис жил в Вильнюсе в соседнем доме, на улице Театро. Я несколько раз встречала его на улице. Выглядел жалко. Какой уж там суд... Вся Литва видела этих стариков по телевизору. Мы, литовцы, католики, глядя на разъяренного Зуроффа и на этих стариков, думали: ехал бы этот Зурофф туда, откуда приехал. Если эти старики и правда виновны, они попадут в ад, и очень скоро. Пусть Бог их судит, людям уже слишком поздно что-то делать.

ЭФРАИМ: Вы ничего и не делали. И не пытались. Пятнадцать военных преступников были депортированы и прибыли в Литву. Ни один не был осужден... Это очень пло-

хое известие для всего мира. Если никто не был осужден, значит, и преступления не было. Евреи все выдумали, правда?

РУТА: Почему вы всю свою энергию сосредоточили на преследовании двух стариков? Почему вы никогда не искали человека, который считается в Литве худшим из военных преступников? Я говорю о начальнике полиции Витаутасе Рейвитисе, по чьему приказу по всей Литве начали собирать евреев. Собирать для уничтожения. После войны Рейвитис эмигрировал в Шотландию, потом уехал в Америку и в 1988 году мирно скончался в Чикаго.

ЭФРАИМ: А вы знаете, когда я начал этим заниматься — охотиться за литовскими нацистскими преступниками? В 1991 году. Если Рейвитис умер в 1988-м, этим, наверное, объясняется, почему я его не искал. Но почему его не искали американцы? Это невероятно. Я шокирован. Не знал, что он жил в Америке. Все эти годы я делал все, что мог, чтобы найти военных преступников и добиться, чтобы их судили. Но я был один. Ни одно государство не ждало меня с распростертыми объятиями, готовое судить своих граждан, поскольку этого требует Зурофф. Кроме того, я всегда говорил, что прекрасно понимаю, как трудно Литве признать свою вину. Прошло пятьдесят лет, пока Франция признала свою вину. У Германии не было другого выбора. Но ради вашего собственного блага, ради блага ваших детей вы должны честно посмотреть прошлому в глаза. Чем скорее вы это сделаете, тем скорее заживет огромная рана Литвы.

РУТА: Если Франция признала свою вину только через пятьдесят лет, так и Литве потребуется столько же.

ЭФРАИМ: Нет, Литве потребуется девяносто лет, потому что ваши преступления больше, а способность разделяться с проблемами слабее. Французы собрали своих евреев и отправили их за границу, чтобы там их убили. Убивали не они. В Литве евреев убивали сами литовцы. Ваши.

РУТА: Наши, бедняги наши.

ЭФРАИМ: Можете рыдать до самого Судного дня, но факт остается фактом. Вы должны взглянуть правде в глаза. Вы, не я. Знаете, почему литовцы меня ненавидят? Потому что они знают, что я прав.

РУТА: Так предоставьте мне убедиться в том, правы вы или нет. Предоставьте мне взглянуть правде в глаза. Сделаем это вместе. Отправимся в путешествие по Литве и посмотрим, что мы услышим от людей, которые помнят. Что мы увидим. Отправимся в путешествие с врагом. Бензин пополам. И еще. Я надеюсь, что мы не будем все время ссориться и путешествие не обернется кошмаром.

ЭФРАИМ: Хорошо. Пусть это будет путешествие с врагом, но без драк.

ЛАТВИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ

ЛИТВА

Каварскас

ерге

Линкменис

Швянченис

Вильнюс

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Смиловичи

Дукора

Руденск

Клецк

Слуцк

ПУТЕШЕСТВИЕ

ЛАТВИЯ

ЛИТВА

БЕЛОРУССИЯ

РОССИЯ

ПОЛЬША

Плателяй
Тельшяй
Плунге

Шедува
Паневежис

Тауреге

Каунас

Бутримонис

Каварскас
Шявченис
Линкменис

Вильнюс

Минск

Смиловичи
Дукора
Руденск

Клецк

Слуцк

1. Линкменис / Лингмян

В конце XIX века в Линкменисе жили 297 евреев (35,1 % всего населения)¹.

Первое местечко в Литве, куда приехали два врага — родина дедов Эфраима Зуроффа. Дед Зуроффа утонул в озере Жездрас. Эфраим до сих пор боится воды. В Линкменисе до войны жили двадцать три еврейских семьи.

Рядом с озером Жездрас — деревня Пажездрис. От Линкмениса, а стало быть, и от еврейских домов, до этой деревни полтора километра. В деревне Пажездрис родился Адомас Лунюс, командовавший партизанами, которые убивали евреев.

Что здесь произошло в 1941 году? Свидетельства сохранились в делах, хранящихся в Литовском особом архиве.

¹ Здесь и дальше данные о количестве жителей еврейской национальности приводятся по карте "Литовские евреи, жившие в городах и местечках в конце XIX века", подготовленной Международной комиссией по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов.

Свидетель Билейшис, житель Линкмениса, рассказывает:

В начале войны Германии против СССР в местечке Линкменис и его окрестностях действовал так называемый “партизанский отряд”, командиром которого был сидящий сейчас напротив меня Лунюс Адомас, членом этого “партизанского” отряда был и я. Как командир отряда Лунюс был вооружен пистолетом.

Точно не припомню, но приблизительно в конце июля 1941 года Лунюс Адомас собрал в помещении, где раньше было пожарное депо, а в то время — штаб, всех членов отряда. На этом собрании было человек примерно тридцать-сорок. В том числе и я. Тогда Лунюс Адомас, обращаясь к нам, “партизанам”, “повстанцам”, сообщил, что необходимо согнать все еврейские семьи в помещение школы в деревне Дваришкяй. В тот раз Адомас Лунюс всех повстанцев разделил на группы по четыре-пять человек. Лунюс дал каждой группе задание — какую конкретно еврейскую семью она должна забрать и доставить в помещение деревенской школы в Дваришкяй. Помню, что я с двумя незнакомыми “партизанами” получил задание доставить на место сбора одну еврейскую семью, фамилию не помню. Выполняя это задание, я пошел в дом той семьи, в семье было три или четыре человека, сейчас в этом доме живет Шеренас Юргис.

Когда я вместе с другими пришел уводить еврейскую семью, мы им предложили идти вместе с нами к деревенской школе в Дваришкяй. Мы привели еврейскую семью к школе, где нас встретил Адомас Лунюс, который мне и другим “партизанам”, “повстанцам” предложил доставить евреев на поляну, которая была за деревней Дваришкяй, неподалеку от озера Усяй. Как он сказал, мы там найдем место сбора. Когда мы привели евреев на поляну рядом с озером,

там уже были евреи, которых конвоировали другие “партизаны”. Помню, что евреи сидели на земле одной кучей, а “партизаны” стояли рядом и их сторожили. Приведенных нами троих евреев мы посадили туда, где уже сидели другие евреи.

Всего на этой поляне было собрано около пятидесяти советских граждан еврейской национальности, может, больше, а может, и меньше. Когда всех евреев собрали на поляне у озера, пришел Адомас Лунюс, который осмотрел место сбора и дал команду всем евреям лечь на землю лицом вниз, что они и сделали.

Потом Лунюс сказал: будем расстреливать евреев, и “партизаны” должны будут начать стрелять по его сигналу, то есть когда он выстрелит из пистолета.

Лежавшие на земле евреи, услышав, что их расстреляют, начали кричать и плакать. Стоя рядом с местом расстрела, я хорошо видел, что Адомас Лунюс выстрелил из пистолета, но куда он стрелял, вверх или в лежащих евреев, я не видел.

После его выстрела, это было примерно в 11–12 часов дня, все “партизаны” (повстанцы), у которых было оружие, начали расстреливать лежащих на земле евреев. Расстрел советских граждан еврейской национальности продолжался примерно 15 минут. После расстрела евреев Адомас Лунюс обратился к повстанцам, у которых не было оружия, и сказал, что желающие могут идти домой, что я и сделал.

Несколько дней спустя из квартир расстрелянных евреев в синагоге в Линкменисе были собраны еврейские вещи, а потом некоторые вещи получили “партизаны”, среди них и я получил два полотенца, скатерть и еще что-то, но что — не помню¹.

LYA, K-1, ap. 58, b. 46360/3, t. 2, p. 213–215.

Говорит Адомас Лунюс:

Я не вполне согласен с некоторыми показаниями свидетеля. [...] Повстанцы просили у меня разрешения расстреливать евреев, раздев догола, забирать у них часы, кольца и другие ценности, однако я запретил это делать и дал команду расстреливать евреев в одежде. [...] Показаний свидетеля о том, что после моей команды “Огонь” он сбежал с места расстрела, я не подтверждаю. Случаев бегства повстанцев с места расстрела вообще не было¹.

Свидетель Владас Ключас, живший рядом с местом расстрела:

Я увидел из своего окна, как члены отряда повстанцев гонят евреев на поляну у озера Усяй. Мне стало интересно, что повстанцы сделают с евреями. Я пошел в свой сад и, прячась за деревьями, вошел в сарай, который находился во дворе у Миколаса Пиланиса. Войдя в сарай, я залез, как по лестнице, по приколоченным к стене доскам и стал смотреть через дыру размером 30 см в стене сарая, через которую хорошо было видно поле рядом с деревней Дваришкяй. Со своего наблюдательного поста я видел советских граждан еврейской национальности, которые сидели на земле. [...] Кто-то из евреев стал просить повстанцев позволить им перед смертью помолиться. Как евреи молились — сидя или лежа, — за давностью событий не помню. Когда расстрел закончился, я вышел из сарая и решил пойти посмотреть своего коня, который пасся на расстоянии примерно 300–400 метров от места расстрела. Когда я шел посмотреть коня и прошел примерно 20–25 метров, кто-то из повстанцев подозвал меня к месту расстрела,

1 Ibid., p. 230.

и когда я подошел, Адомас Лунюс показал мне лопату и велел копать яму. Нас было несколько человек, и мы выкопали четыре или пять ям¹.

Свидетель Алекна, 7 января 1960 года в кабинете 157 спецотдела КГБ. Очная ставка происходит *при электрическом освещении*², на литовском языке, через переводчика Тарашкявичюса. В протоколе записано:

Летом 1941 года, в начале войны Германии против СССР, я шел через местечко Линкменис, где встретил Лунюса — он сейчас сидит напротив меня, — который предложил мне вступить в отряд повстанцев под его командованием, еще он сказал, что, если я вступлю в отряд, меня не мобилизуют в немецкую армию и не угонят в Германию. Узнав об этом, я дал Лунюсу согласие вступить в отряд повстанцев. Таким образом, я в отряде командира Лунюса пробыл две недели.

Помню, что два раза по приказу Лунюса я сторожил в Линкмянской синагоге вещи евреев, собранные у расстрелянных евреев, которые жили в Линкменисе. Помню, что Лунюс мне сказал: иди постереги еврейские вещи, потому что их могут растащить. В комнате в штабе отряда стояли винтовки, я пошел и взял себе винтовку и пошел сторожить, в той комнате, где были винтовки, находился и Лунюс, у которого и были ключи от синагоги.

Приблизительно через четыре-пять дней Лунюс сказал мне, чтобы я следил за другими повстанцами, которые стояли на посту у синагоги, как он сказал — чтобы они, будучи на посту, через окна не вытаскивали вещи, что я и сделал.

1 Ibid., p. 235.

2 В тексте эти три слова по-русски, в скобках дан перевод на литовский.

Через несколько дней кто-то из повстанцев сказал мне, что в какой-нибудь день я должен пойти в синагогу, и там я получу часть еврейских вещей, которые комиссия под руководством Лунюса будет раздавать повстанцам. В тот день я пришел к дверям синагоги, и кто-то из повстанцев дал мне кальсоны, простой воротник и еще какие-то мелкие вещи. Получив эти вещи, я ушел¹.

Отряд повстанцев под командованием Адомаса Лунюса убил семьдесят человек. В том числе — девять детей. Приказ убивать Лунюс получил в каком-нибудь штабе, скорее всего, от нацистов. Своих соседей расстреливали не все повстанцы из отряда, а только те, кто раньше служил в армии независимой Литвы — по одному в каждой группе повстанцев. Только у них были винтовки. Так сказано в протоколах допросов.

Когда Лунюс руководил убийствами, ему было 26 лет. У него были жена и двое детей, которые жили там же, в деревне Пажездрис. Про его семью в деле записано все — и про отца, и про детей, и про других родственников. Старшая сестра Лунюса в то время, когда брата арестовали, жила в Австралии. Ее фамилия — Ванагене. Мне даже не по себе стало, когда я это прочла. Может ли быть, что Она Ванагене, сестра убийцы, — жена кого-то из моих родственников? Я никогда этого не узнаю, но иногда думаю о том, как все мы связаны..

В 1950 году Адомас Лунюс был в первый раз арестован и приговорен к пяти годам лишения свободы по статье 117 Уголовного кодекса. Тогда КГБ было неизвестно, что он убивал людей. Вернувшись из заключения, Адомас Лунюс создал новую семью на новом месте. Во второй раз он был арестован 25 декабря 1959 года. В Рождество.

1 Ibid., p. 210–212.

Личные вещи арестованного Адомаса Лунюса, сданные на тюремный склад:

Кожаный ремень — один
 Шерстяной пиджак — один
 105 рублей 05 копеек
(Подпись кладовщика)

Ведь везде у арестованных прежде всего отнимают то, что можно использовать, чтобы повеситься.

В следственном изоляторе заключенный Адомас Лунюс жаловался на боли в плече, и 23 мая 1960 года тюремный хирург д-р Овсеюс начал лечение. Сделав рентгеновский снимок области плеча, доктор нашел у Лунюса неподвижность плечевого сустава.

Предписанное пациенту лечение:

1. Прогревание (парафин, “Соллюкс”)
2. ЛФК и массаж.

Помогло ли лечение — неизвестно. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1960 года, смертный приговор Лунюсу был приведен в исполнение. Его дочке было тогда пять лет.

ИЮЛЬ 2015 ГОДА

Семьдесят четыре года спустя после гибели евреев из Линкмениса мы с Эфраимом Зуроффом стоим на лужке, где в июле 1941 года евреев по приказу Адомаса Лунюса сначала посадили на землю, потом уложили лицом вниз. Наверное, он все же разрешил им помолиться. И не раздел догола, расстрелял одетыми. Поступил гуманно. Лес вокруг красен

от малины — в этом году ее особенно много. Может, и тогда, в июле 1941-го, так было? Путешествуя по Литве, мы увидим огромные ягодники на всех местах массовых убийств. Зурофф никогда в жизни не видел лесной малины. И вот как увидел. А мне, когда я смотрела на ягоды малины, вспомнилось давно читанное стихотворение Марины Цветаевой:

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Эфраим Зурофф стоит рядом с памятником и читает кадиш — поминальную молитву. Молится, а потом поет. Не знаю, как мне себя вести, и потому стою поодаль и жду, пока он закончит. И тут слышу странный звук. Очень странный. Охотник за нацистами плачет.

Здесь же, совсем рядом с местом расстрела и памятником, — усадьба. Мужчина трактором убирает сено, женщина пропальывает грядки в огороде. Подхожу, спрашиваю про убийства, которые совершались прямо у них под окнами — под окнами у их родителей или дедушек и бабушек, потому что эти двое слишком молоды, сами они ничего видеть не могли. Здесь жили их родители. Женщина показывает нам старый сарай. В тот день, когда отряд Лунюса расстреливал евреев, белоповязочники на полдня закрыли всех детей из деревни Дваришкяй в этом сарае и стерегли их, чтобы не вылезли оттуда и не увидели. Хлев Миколаса Пиланиса на холме уже развалился, а сарай этот еще стоит. А кто, спрашиваю, расстреливал. Литовцы, все они были литовцы, из Линкмениса, отвечает женщина. Так отец говорил. И родители моего мужа, и они были в этом сарае, когда расстреливали евреев. Они знали и тех евреев, и тех литовцев.

Соседняя изба. Здесь живет одинокая девяностолетняя старушка Янина. Она все помнит. Так сказала соседка. Но она не расскажет. Муж Янины был партизаном. Долго сидим в доме у старушки. Не хочу, не скажу, говорит она. Кто расстреливал? Немцы, отвечает, только немцы. Потом все-таки рассказывает:

Молодая была. Когда евреев вели расстреливать, я была у соседских дочек по ту сторону дороги. Вели прямо мимо нас. Мы думали, что их увели из домов, говорили, на собрание. Мы решили, что, пока их не будет, в их домах сделают обыск, а потом их приведут обратно. Пока сидели, слышали выстрелы. Когда выстрелы стихли, я вернулась домой, и только потом от мамы узнала, что всех евреев расстреляли.

Мужа Янины, когда вернулись русские, застрелили люди из истребительного батальона. Ее саму сослали в Сибирь — видно, из-за мужа. Был ли будущий муж Янины, партизан, на поляне в то время, когда расстреливали евреев? Не знаю. Хочу спросить фамилию старушки, но зачем? Чтобы и ее поискать в архивах среди перечисленных убийц? Но ведь эта одинокая старушка, живущая в убогом домишке, здесь ни при чем. Прощаемся. Вижу на стене фотографию в рамке — красивый молодой мужчина. Это он, ваш муж? Нет. Это сын, говорит она. Единственный. Умер уже.

Идем к машине, собираемся ехать дальше. Нас догоняет женщина, которая познакомила с Яниной, хочет дать только что выкопанной картошки, лука. Она не хотела ни идти с нами к Янине, ни разговаривать. Узнала меня, видела по телевизору. Отдавая картошку, сказала, почему не хотела ни говорить, ни участвовать в этом: “Ай, еще напишете или по телевизору расскажете... Не хочу”.

Швянчёнис / Свенцян

В конце XIX века в Швянчёнисе жили 3172 еврея (52,6 % населения местечка).

1941 ГОД

Еврейский Новый год — 7–8 октября. Из Вильнюса прибыл Особый отряд. Тридцать мужчин.

Как записано в протоколах допросов членов Особого отряда, 7 октября 1941 года на грузовике из Вильнюса расстреливать евреев из Швянчёниса и окрестных населенных пунктов прибыли эти сыны Швянчёнского края: Губертас Денинис, Стасис Чепонис, Дионизас Голцас, Владас Ключас, Владас Буткунас¹.

Свидетельствует Юозас Буткявичюс, кормивший расстрельщиков:

1 LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 3, p. 115–116.

В то время когда расстреливали людей я работал заведующим складом в Швянчёнельском литкоопсоюзе, выдавал продукты столовым и ресторанам города Швянчёнеляй. В день расстрела руководитель кооператива Дуденас сказал мне, что несколько дней надо будет кормить какой-то откуда-то прибывший отряд военных. Что это был за отряд и откуда прибыл — мне не объяснил, сказал только, что надо будет накормить их обедом в зале вокзального буфета в Швянчёнеляе, и велел мне дополнительно выдать продовольствие со склада кооператива на тридцать человек.

Я захотел посмотреть, что за люди были эти убийцы, и около 13 часов пошел на вокзал, где в зале буфета был приготовлен для них обед. Убийцы прибыли в двух открытых грузовиках. Все были в военной форме, однако какой армии — теперь не припомню. Убийц было, наверное, человек тридцать. Пообедав в буфете, они сели в грузовики и поехали в сторону полигона, где до вечера снова слышались выстрелы. [...]

Сейчас не помню, в какой из дней расстрела смертников руководитель кооператива Дуденас в разговоре со мной сказал, что есть приказ (чей — не упомянул) организовать ужин для убийц.

Узнав от Дуденаса, что ужин будет устроен в ресторане, расположенном на улице Калтанену, я посоветовал ему отпустить официанток, сказав, что пьяные убийцы могут приставать к молодым девушкам. Насколько я помню, Дуденас так и сделал, направив для обслуживания убийц пожилых женщин из числа работниц ресторанной кухни.

Теперь вспоминаю, что приказ организовать ужин для убийц Дуденасу мог дать городской бургомистр Циценас¹.

LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 3, p. 115–116.

Свидетельствует Юодис-Черняускас:

Осенью 1941 года, это могло быть в конце сентября или начале октября, точно не помню, я увидел идущий по улице Адутишкё отряд пьяных мужчин. Они шли не в строю. Их было примерно двадцать-тридцать человек, одетых в военную форму бывшей армии буржуазной Литвы, одни были вооружены армейскими винтовками, другие автоматами. По тротуару шел мужчина, одетый в немецкую офицерскую форму. Некоторые из них были сильно пьяны и кричали. Один из них орал, что он Степка Мелагянскас или Степка Мелагенский, теперь точно не помню. Он орал: мне этот город знаком. Он и другие кричали на литовском языке.

Когда они появились, местные стали говорить, что из Швянчёнеляя прибыли отдохнуть “*žydšaudžiai*”, которые расстреливали граждан еврейской национальности.

8 и 9 октября 1941 года на Швянчёнельском полигоне были расстреляны 3476 человек. Арифметика проста: каждому из тридцати членов Особого отряда досталось убить по 115 человек.

2015 ГОД

Мы в центре Швянчёниса, у самого гетто. В местном краеведческом музее нас встречает одна из его начальниц.

Спрашиваем о Холокосте. Сотрудница музея: “Почему все время поднимается этот вопрос, есть же другие вопросы. Мы должны разбираться не только с еврейскими, но и со своими обидами. Для местных жителей этот вопрос не очень актуален. Мы и так много сделали, ни один район Литвы столько не сделал”.

(Позже, ближе к осени, мне довелось слышать речь этой музейной начальницы, в которой она поминала жертв убийств в Швянчёнине. Начальница вдохновенно говорила, что в 1941 году для еврейского гетто была выбрана самая красивая, центральная площадь города, и оттуда евреям открыли целых двое ворот в вечность...)

Сотрудница музея дала нам бесплатное пособие для учащихся, и еще я купила брошюру “Евреи Швянчёнско-го края”. Осмотрели мы и стенд, посвященный Холокосту: там размещены очки, кошелек и еще несколько предметов — все, что осталось от 3476 убитых на Швянчёнельском полигоне. Во всех изданиях одни и те же фразы — неопределенно-личная форма глагола: “7–8 октября 1941 года в лесу вблизи Швянчёнеля была уничтожена еврейская община Швянчёнского края”... “были согнаны”... или — “палачи равнодушно убивали детей”... Кто гнал? Кто убивал? Кто эти палачи?

Неопределенно-личная форма исчезает, когда начинается разговор о спасителях. Уже не пишется: “были спасены”. Пишется куда конкретнее: жительница города Швянчёнис Елена Сакалаускене спасла, и т. д. (“Евреи Швянчёнского края”. Тетрадь для практических работ).

Останавливаемся у магазина, за которым должен быть поворот к полигону. Эфраим видит во дворе старушку, она еле ходит, но лицо ясное и умное. Осторожно спрашиваю, где здесь полигон и помнит ли она, как все произошло.

Швянчёнельская старушка:

Видела, как гнали... Ой, как жалко, что евреечек не спасли. Мы с мамой жили в деревне Падумбле. С евреями хорошо уживались, они нам муку давали в долг. У Бентскиса две девчушки были, примерно лет пятнадцати и семи.

Когда их мимо вели, все с оружием, мы с мамой плакали, что не можем маленьких девочек спасти. Как отнять — все с оружием. А если бы раньше забрали, спрятали бы в подвале. Много кто взял бы еврейских детишек, но боялись. Не немцев боялись, своих. Свои не скажут, так немцы и не узнают... Страшные дела были. Озверели люди. Потом, когда расстреляли всех там у озера Шалнайтис, говорят, на полигоне два дня кровь из земли сочилась. Кто все это видел, уже перемерли, а другие, кто помоложе, только выпить хотят. И не кумекают ничего, и знать не хотят.

Кто стрелял, спрашиваю у старушки.

Стреляли все, кто хотел, — отвечает она. — Никто не мог остановить. Как ты взбесившихся остановишь. Они разве что ксендза боялись.

Спрашиваю, как ее зовут. Старушка называет свое имя, но просит, чтобы мы никому не называли. Мне жить надо, а я одна живу, говорит она. Разумеется, не скажем. Прощаемся. Оставляем ее плакать по ту сторону забора, у порога домишки. Оплакивать девчушек Бентскиса, которых они с мамой 75 лет назад так и не спасли.

Памятник жертвам на полигоне у Швянчёнеля установлен в советское время (1961 год).

В 2001 году мемориал обновлен на средства английского посольства, написано в музейном буклете. Молодцы англичане...

Разговор с врагом

ШВЯНЧЁНЕЛЯЙ — ВИЛЬНЮС

ЭФРАИМ: Меня шокировало то, как близко к месту массовых убийств живут люди в Линкменисе. Поселились в таких местах, где под землей лежат убитые, и живут себе как ни в чем не бывало. Как будто эти убийства — вполне рядовое событие.

РУТА: Может, вы думаете, что они взяли и придумали переселиться сюда после убийств? Да ведь здесь жили их прадеды и их родители. Здесь всегда были их дома, их земля... Эту землю, придя сюда, осквернили другие, оросили ее кровью невинных людей. Куда деваться тем, кто здесь родился и столько лет прожил?

ЭФРАИМ: Эти люди не хотят рассказывать о том, что здесь случилось. Может, они как-то связаны с теми страшными событиями, или, может, боятся, что, заговорив, скажут что-нибудь такое, чего не хотелось бы, или вспомнят что-нибудь, чего не хотят вспоминать? Их соседи, ни в чем не повинные люди, были стерты с лица земли, словно их никогда здесь и не было. Их вещи были разворованы, даже скатерти... Повторяю еврейскую скорбную молитву — кадиш, снова кадиш, и снова кадиш, я молюсь в Пабраде, в Линкменисе, на полигоне в Швянчёнеляе... На такой маленькой территории так много мест массовых убийств. Хочется ревмя реветь, чтобы услышали все: как это могло случиться?

РУТА: А вас не удивляет, что старые люди так боятся говорить? Я удивляюсь...

ЭФРАИМ: И да, и нет. Кажется, когда прошло столько лет, люди могли бы осмелиться заговорить. У меня ощущение, что люди будто бы что-то скрывают. Они отказываются говорить или из страха, или из солидарности с другими, с соседями. Они больше боятся вас, а не меня, иностранца. Ведь вас они видели на телеэкране. Они боятся, что литовское телевидение покажет или скажет: вот этот человек рассказал про массовые убийства, совершавшиеся в вашей стране.

РУТА: Это старые люди. Они одиноки. И они боятся. Если такие страшные вещи некогда происходили, они могут повторяться. Один очень старый человек, живущий в Швянчёнском районе, когда-то рассказывал мне про убийства. Потом я приехала с диктофоном, и он отказался говорить. Убьют, сказал. Кто убьет, спросила я. Улыбнулся невесело и говорит: кто-кто... литовцы. Люди боятся, и я прекрасно их понимаю. Их деды, их родители и они сами пережили столько исторических потрясений и опасностей, что им куда безопаснее молчать. За молчание не наказывают. Есть русское выражение: “тише воды, ниже травы”. Вся жизнь этих людей — сплошной литовский, русский и немецкий урок: молчи и выживешь. Еще одно: если вы видели преступление и дали показания, преступника осудят, но когда его выпустят из тюрьмы, он или его сообщники придут и отомстят вам.

ЭФРАИМ: Простите, но это совсем уже глупый аргумент, потому что почти все расстрельщики евреев давно умерли. А если и не умерли, сколько из этих девяностолетних стариков могут прийти и отомстить вам? И еще одно. Вы говорите, что эти люди видели убийства. Однако для убийств выбирали уединенные места, чтобы не было

никаких свидетелей, за исключением тех, кто расстреливал и закапывал трупы. Они видели только как людей ведут, но не как расстреливают.

РУТА: Они слышали выстрелы. Слышали рассказы. Ведь в каждой деревне люди говорили о том, что произошло, как земля была пропитана кровью, как она еще несколько дней шевелилась, потому что и живых людей закапывали... Поэту, чье свидетельство помещено в начале этой книги, было пять лет, когда он увидел приползшего ночью, окровавленного, выбравшегося из-под груды трупов еврея. Это ужасное впечатление, такое остается на всю жизнь.

ЭФРАИМ: Может быть, это и повлияло на некоторых людей...

РУТА: Те, кто в детстве видели убийства евреев, никогда этого не забывают. Но если никто никогда публично об этом не говорил и не говорит, тема остается запретной. Если полиция не расследует преступление, не станешь ведь сам его расследовать. Если никто не говорит про массовые убийства евреев, не протиснешься на телевидение поговорить. Кто ты такая, одинокая старушка, живущая на опушке леса? Почему ты должна говорить? Почему теперь? Ведь погибших не воскресишь...

ЭФРАИМ: Должно было произойти совершенно противоположное. Если полиция не берется расследовать преступление, а ты — его свидетель, иди в полицию и рассказывай. Старушке девяносто лет? Хорошо, но почему она не стала рассказывать раньше? Понимаю, почему она молчала в советское время, но ведь Литва уже двадцать пять лет независимое государство. Кроме того, Центр

Симона Визенталя объявил инициативу “Операция «Последний шанс»”, мы выделили деньги, чтобы платить за информацию о Холокосте. Все литовские газеты печатали наши объявления. Почему вы все время говорите про страх? Ведь вы живете в демократическом государстве, вы — часть Европейского Союза..

РУТА: Но убийцы были их соседями. Дети этих соседей по-прежнему живут рядом. А если не рядом, то живут где-то в Литве. Если начнешь об этом рассказывать, называть имена людей, тебя остановит твоя семья. Вся деревня, вся родня будет считать тебя доносчиком. Когда я сказала своим родственникам, что намерена писать книгу о Холокосте, упоминая и нашу родню, они очень рассердились. Ты что, Павлик Морозов? А может, на евреев работаешь за тухлые евро? Наверное, меня осудят, заклеят, я стану паршивой овцой в своей семье. А мне это надо?

ЭФРАИМ: Но у каждого преступления есть своя цена, и кому-то придется ее заплатить.

РУТА: Почему мне? Если мое правительство, суд, полиция ничего не делают? Если мне девяносто лет, и я живу в избушке у леса, как Янина из Линкмениса? Да, я, Рута Ванагайте, лично я приготовилась стать паршивой овцой, поскольку верю, что обязана сделать то, чего не сделали другие люди. Если не я, то кто? Если не теперь, то когда? Почти все свидетели повымирали. Но знаете, я скажу вам одну вещь. Если бы мой дед лично расстреливал евреев, я бы, наверное, промолчала. Мне было бы слишком больно, слишком стыдно. Я уверена, что никто из моей родни никогда не целился из ружья в другого человека и не нажимал на спусковой крючок.

ЭФРАИМ: Почему вы в этом так уверены? Может, вы просто этого не знаете. Однако давайте вернемся к разговору о страхе. Вы пытаетесь сказать, что люди жили в советское время, жили, охваченные страхом, и до сих пор продолжают бояться. Я хочу спросить: когда придет время, и вы перестанете прикрываться советским прошлым? Даже если у кого-то детство было очень тяжелое, все равно наступает время, когда этот человек должен взять на себя ответственность за свою жизнь и перестать обвинять во всем отца или мать.

РУТА: Мы говорим не о чем-то детстве. Мы говорим обо всей жизни человека. О жизни нескольких поколений. О жизни в страхе. Здесь большая разница.

ЭФРАИМ: Хорошо. Другими словами, через двадцать пять лет люди начнут говорить?

РУТА: Те, кто знает, уже давно к тому времени умрут. Сейчас они уже очень старые, а старость — не та пора, когда хочется стать героем.

ЭФРАИМ: Значит, единственный способ нам достичь своей цели — обратиться к молодому поколению Литвы, к тем, кто не застал советского времени. Однако это означает, что вы освобождаете от какой бы то ни было ответственности старшее поколение, а также власти Литвы.

РУТА: Власть не хочет слышать правды потому, что этого не хотят ее избиратели. Власть хочет остаться у власти. Это ее единственная цель. Если бы кто-то и взялся расследовать, свидетельствовать, никто бы на это особенно внимания не обратил. Центр исследования геноци-

да и сопротивления жителей Литвы составил список 2055 лиц, возможно, причастных к Холокосту, и отправил его правительству Литвы. Вы думаете, что-нибудь произошло? Ничего не произошло. Так что было бы, если бы бабушка из Линкмениса заговорила с телеэкрана о том, что отец ее соседа расстреливал евреев? Ну, расстреливал, и что, как сказал один литовский историк, которого я уже цитировала.

ЭФРАИМ: Но тогда наконец выяснилась бы правда.

РУТА: И что с того? Какая от этого польза?

ЭФРАИМ: Огромная польза для Литвы, для вашего общества.

РУТА: А что оно такое, это литовское общество? Я говорю с позиции той старушки.

ЭФРАИМ: Общество, в котором она живет, чье будущее ее заботит.

РУТА: Но...

ЭФРАИМ: Я знаю, что вы мне сейчас скажете. Что та старушка живет в своем маленьком мирке, в маленькой убогой деревенской избушке без туалета и водопровода. Ее не заботит никакое общество. Общества для нее не существует. Все это очень печально.

Каварскас / Коварск

В конце XIX века в Каварскасе жили 979 евреев (63,3 % всего населения местечка).

Каварскас — это дом моего деда, родной край моего отца. Дом на главной улице Укмергес все еще стоит. Во дворе должен быть колодец. Старый Ванагас, как мы и сейчас его называем в семье, черпал воду и упустил из рук ворот. Рядом с колодцем сидел его десятилетний сын Витукас, единственный брат моего отца. Вращаясь, ручка ворота ударила мальчика по голове. Витукас умер десять дней спустя, и все эти десять дней кричал от боли. Сестра отца Эмилия умерла, едва родившись. Перед самым началом войны умерла от чахотки и сестра Валерия, ей был двадцать один год. Всех остальных членов семьи Советы сослали в Сибирь. Сослали из-за моего деда.

На кладбище в Каварскасе похоронена вся моя родня. Кладбище ухоженное, на всех могилах посажены цветы, трава выполота. Я немного постояла у могил родни, хотя у ме-

ня на этот раз даже свечек для них нет. “Я впервые в жизни оказался на католическом кладбище”, — говорит Зурофф. Но наше путешествие — по другим могилам. По тем, которые ничем не отмечены, за которыми никто не присматривает. По безымянным.

На этом кладбище стоит и памятник моему деду Йонасу Ванагасу, хотя он умер где-то в Карлаге, лагере в Казахстане. Его дело в Литовском особом архиве невелико — один том в 96 страниц на двоих: дело моего деда и его соседа Балиса Шимке, арестованного Советами в тот же день, 20 января 1945 года. Оба они проходили по одному делу, и судили их вместе, и сидели они потом вместе. Вернувшись из лагеря, Шимке рассказал, что старый Ванагас в лагере прожил всего полгода, 16 февраля 1946 года он умер, замерз на лагерных нарах.

Свидетели по делу рассказывают, что Йонас Ванагас был богат — 50 гектаров земли, 6–8 коней, 14 коров, 16–18 овец, большой дом. Он был зол — советская власть отняла у него 20 гектаров земли и поделила между безземельными жителями Каварскаса. Он был довольно стар в начале войны — шестьдесят лет, так что вроде бы и не должен был вместе с молодыми повстанцами вооруженным шататься по Каварскасу.

Что в действительности сделал мой дед? Три свидетеля рассказывают одно и то же — он был человеком, которого немцы уважали, у него был браунинг, он был членом нацистской судебной комиссии. Эта комиссия в самом начале войны составила список десяти активистов, и активистов тогда же, в самом начале войны, расстреляли. Кто был в этом списке? Одни только евреи? В деле упоминается фамилия только одного из убитых — Яков Овчинников, секретарь комсомольской организации апилинки¹.

¹ Апилинка — административно-территориальная единица меньше района с собственным самоуправлением, аналог сельсовета. (Прим. пер.)

На суде мой дед себя виновным не признал. Опираясь на показания трех свидетелей, его приговорили к пятнадцати годам лишения свободы. Дедушка, как там было на самом деле? Лгали те свидетели или нет? Мстили за что-то?

АВГУСТ 2015 ГОДА

Мы уже в Каварскасе. Где места убийств — мы не знаем, они просто не отмечены. На центральной улице Каварскаса видим пожилого мужчину. Этот человек по имени Ромас работает завхозом в сенюнии (старостве) и знает все. Время у Ромаса есть, и он соглашается все показать. Спрашиваем, где была синагога, в которую по указанию начальника местной полиции Мажейки в августе 1941 года согнали всех евреев из окрестностей Каварскаса, пятьсот человек.

Синагога по-прежнему стоит в самом центре Каварскаса. Она приватизирована. В советское время здесь был магазин хозтоваров, теперь — склад и гаражи одного предприимчивого жителя Каварскаса. Никакого знака, указывающего на то, что здесь было до войны или во время войны, разумеется, нет. Мама предприимчивого жителя Каварскаса открывает для нас бывшую синагогу. Ходим среди какой-то рухляди и автомобильных деталей, поднимаемся на второй этаж синагоги. Как здесь уместились пятьсот человек, чем они дышали эти два дня, до того как их погнали в Укмерге на смерть? Молились ли они, верили ли — измученные жаждой, изголодавшиеся, запертые в смрадном помещении?

Спрашиваем Ромаса о месте гибели вблизи Каварскаса тех десяти еврейских активистов. Один вариант — рядом с тем местом, где хоронили неверующих, другой — в деревне Пумпучай у реки Швянтойи. Скорее всего — там. Ромас едет с нами в деревню Пумпучай, она совсем близ-

ко от Каварскаса, среди полей. Никакого знака, указания на место убийства нет. Дорожка заканчивается, дальше около километра вниз идем пешком. Тропинка едва различима, трава высокая, у реки — сплошной кустарник, даже и реки не видно. “Надо будет как-нибудь выкосить”, — говорит Ромас. Среди кустов — небольшой памятник. Кто-нибудь когда-нибудь приходит сюда? Вряд ли. В прошлом году была пара из Израиля, Ромас их и привел. Зурофф стоит молча. Вижу, как он смотрит на улитку, ползущую по памятнику. Убираю ее. Пока он читает кадиш, мы с Ромасом ждем поодаль. Молчим.

Потом мы все втроем поднимаемся в гору, обходим соседей, живущих в какой-нибудь сотне-другой метров отсюда. Одна изба, вторая — никто не знает, не помнит. Вот были бы живы Вебры, они бы точно знали... Да, их фамилия как свидетелей упоминается в делах об убийствах в Каварскасе. Но Вебров уже нет, нет и убийц. Только заросли, кустарник, наглухо загораживающий реку Швянтойи.

1941 ГОД

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЦЕРКОВНОГО ЗВОНАРЯ

Протокол допроса осужденного в 1952 году Антанаса Гуденаса, свидетеля по делу. Гуденас упомянут в деле моего деда среди белоповязочников. За пребывание в отряде и инкриминируемые ему преступления Гуденас был осужден на 25 лет и увезен в лагерь в Мордовии. В 1963 году его под конвоем доставили из Мордовии в Вильнюс, чтобы он выступил свидетелем по уголовному делу командира отряда белоповязочников Каварскаса Каролиса Чюкшиса.

Антанас Гуденас, звонарь костела в Каварскасе, в отряд белоповязочников вступил на четвертый или пятый день

войны и пробыл в нем до октября 1941 года, когда отряд распался. Все евреи Каварскаса к тому времени уже лежали в земле.

В июле 1941 года, числа не помню, примерно в 20 часов, я по какому-то делу, сейчас не помню, шел из своего дома в город. Как только вышел со двора, так встретил троих белоповязочников из города Каварскаса, из которых я сейчас помню только Мисюнаса Йонаса и Бригацкаса Йонаса, а третий белоповязочник был незнакомый. Все они тогда были одеты в гражданскую одежду, а в руках держали по лопате. Кроме того, у одного из них, у которого — не помню, было две лопаты.

Как только я их встретил, так Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас сказали мне, что мне дано указание идти вместе с ними на берег реки Швянтойи и помочь им выкопать яму. Кто именно дал им такое указание и с какой целью надо было выкопать яму — они мне не сказали, и я их об этом не спрашивал. Сначала я хотел отказаться копать яму, но когда Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас сказали, что я непременно должен идти, потому что больше людей нет, я взял у одного белоповязочника, у которого было две лопаты, лопату, и пошел следом, куда повели, прямо через поля на берег реки Швянтойи. Когда мы отошли от Каварскаса примерно на километр и были на территории деревни Пумпучяй, Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас остановились на берегу реки Швянтойи у растущих там кустов и сказали, что на этом месте мы должны выкопать яму.

Когда Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас показали место, где копать яму, мы все четверо на этом месте начали копать яму. Больше никаких лиц на том месте в то время не было. Когда мы начали копать яму, солнце уже зашло и в поле стемнело.

Пока копали яму, мы увидели, что в нашу сторону от дороги Каварскас — Укмерге по дорожке через поля едет открытый грузовик, который остановился, не доехав до нас примерно пятидесяти метров. Когда грузовик остановился, мы увидели сидящих в кузове людей. Вокруг них стояли вооруженные винтовками и автоматами мужчины, и я понял, что это привезли на расстрел заключенных под стражу советских граждан.

Из грузовика вылез незнакомый мне мужчина, который прямо от грузовика подошел к нам. Дойдя до нас, он сначала осмотрел яму, которую мы копали, а потом велел нам из ямы вылезти и отойти в сторону. Сказав это, он снова вернулся к грузовику. Этот мужчина тогда был одет в гражданскую одежду, а было ли у него какое-нибудь оружие, теперь не помню.

Когда этот мужчина ушел, мы тут же вылезли из ямы и отошли от нее примерно на двадцать метров. Таким образом, мы тогда рядом с кустами на берегу реки Швянтойи выкопали одну яму длиной 2,5 метра, шириной 2 метра и примерно 160–170 сантиметров глубиной.

Вышеупомянутый мужчина вернулся к грузовику, и сначала из грузовика вылезли примерно восемь или десять вооруженных винтовками и автоматами мужчин, а после этого из грузовика высадили примерно десять или двенадцать арестованных, но сколько их точно было, сейчас не помню.

Когда задержанные вылезли из грузовика, их окружили вышеупомянутые вооруженные личности, которые и пригнали их к выкопанной нами яме. Все эти вооруженные личности были одеты в гражданскую одежду и были среднего возраста. Среди них моих знакомых не было. И среди задержанных я тогда тоже никого не узнал. Один из задержанных был с бородой.

Их пригнали к яме, и им было дано указание раздеться до нижнего белья, а одежду свалить в одну кучу. Потом, когда задержанные разулись и, раздевшись до нижнего белья, сложили все в одну кучу, кто-то из вооруженных лиц велел им идти к выкопанной яме и встать в один ряд лицом к яме. Таким образом задержанные встали, в нижнем белье и босые, на расстоянии примерно одного или полутора метров от края ямы, лицом к яме и спиной в сторону реки Швянтойи. Когда задержанные встали, за ними, на расстоянии примерно четырех метров, встали в один ряд и все вооруженные лица, которые между собой говорили по-литовски. Каких-либо лиц, одетых в военную одежду, среди них не было, а также не было никого и из белоповязочников города Каварскаса.

Когда вооруженные лица встали с направленными на смертников винтовками и автоматами, послышалась команда: “Стреляй!”, но который из них дал эту команду, я не заметил. После того как раздалась команда “Стреляй!”, стоявшие в один ряд палачи начали расстреливать из винтовок и автоматов стоящих напротив них приговоренных к смерти советских граждан, и те падали на землю. Во время расстрела никаких криков среди приговоренных к смерти лиц не было. Этот расстрел продолжался всего несколько минут.

Когда стрельба стихла, палачи подошли к лежащим на краю ямы трупам, но поскольку одно или два из приговоренных к смерти лиц были только тяжело ранены, их прикончили единичными выстрелами из винтовок. Убедившись таким образом, что все задержанные застрелены, палачи сбросили последние трупы в выкопанную яму, а после этого, взяв с собой одежду и обувь всех расстрелянных лиц, пошли к грузовику. Там они все вещи погрузили в кузов, а потом сами туда уселись и поехали тем же самым

путем через поле по направлению к дороге Каварскас — Укмерге. [...]

Когда палачи, сев в грузовик, уехали, мы вчетвером закопали трупы расстрелянных. Закопав трупы, мы взяли с собой лопаты и пошли в город Каварскас, а оттуда, никуда не заходя, разошлись каждый к себе домой¹.

Продолжаю читать дела. Кажется, Гуденас все же был не только свидетелем, не только могильщиком. Звонарь делал намного больше. Так утверждают другие участники убийств и свидетели. Неудивительно — и церковный звонарь хочет жить. По словам всех свидетелей, активистов в тот день расстреляли вовсе не прибывшие откуда-то незнакомцы. Расстреляли свои, из Каварскаса. Соседи.

Разговор с врагом

КАВАРСКАС — ВИЛЬНЮС

ЭФРАИМ: Едем из Каварскаса. Место убийства советских активистов не обозначено. В семистах метрах от дороги, через поля к яме у реки — мы никогда бы не нашли его без помощи местного жителя. Можно прекрасно понять, почему их убили здесь. Никто не видит, никто не знает. Кто-то приезжал сюда из Израиля год назад, какая-то пара года два назад, но, кажется, никто из живущих в Литве людей не приезжает сюда даже в день памяти жертв Холокоста, 23 сентября. Этот дальний уголок среди прибрежных кустов — одно из самых шокирующих мест ги-

¹ LYA, K-1, ap. 58, b. 47397/3, t. 3, p. 170–176.

бели евреев, какие я видел. Нет никакого знака, сообщающего, кто погиб, сколько их погибло, когда они погибли и кто убийцы. В советских протоколах допросов и показаниях свидетелей говорится о десяти-двенадцати убитых, опубликованные в Израиле источники говорят о том, что здесь были убиты тридцать-сорок человек.

РУТА: Израильские источники в два-три раза увеличивают как число жертв, так и масштабы жестокости.

ЭФРАИМ: Здесь мы не договоримся. Мы посетили синагогу, то есть то, что осталось от синагоги, теперь превратившейся в склад частного лица. Это не вина Литвы — советская власть уже много лет назад превратила синагогу в магазин хозтоваров. Мы поднимались на второй этаж синагоги, где когда-то молились женщины. Там евреев держали до тех пор, пока не увели под конвоем в тюрьму в Укмерге, а вскоре после этого они были убиты в лесу Пивония. Я могу только представить себе эту исполненную страшной тревоги молитву, которую произносили евреи, моля Бога, чтобы спас их. Они, скорее всего, не знали, что их ждет, однако чувствовали, что их всех постигнет страшная участь.

Теперь это только маленькая точка среди множества других точек — мест массовых убийств евреев в Литве. Один польский историк еврейского происхождения, Ян Гросс, написал книгу “Соседи” — про убийства в польском местечке Едвабне. Там местных евреев расстреляли сами поляки. Когда вышла эта книга, вся Польша была потрясена. Так и должно было произойти. Я говорю себе: здесь же, через границу, есть страна, полная таких мест, одно сплошное Едвабне, и эту страну до сих пор не потрясло то, что тогда происходило. Вот о чем мы

должны говорить. Не важно, что мы находимся по разные стороны баррикад, что стоим на разных позициях, — наши чувства в определенном смысле схожи, равно как и наша цель: распространить правду, добиться, чтобы люди услышали ее и осознали.

РУТА: Я думаю про своего деда, который точно ненавидел советскую власть и, если он был в комиссии, которая составляла списки евреев-коммунистов, он не знал, с какой целью составлялись эти списки... Думаю о тех двенадцати или — по вашему мнению — тридцати-сорока мужчинах, которых вели через поля, через кусты к зарослям у Швянтойи. Семьсот метров дороги вниз, к смерти. Они знали, куда их ведут, потому что их вели пять вооруженных мужчин. Ненавижу такие места. Никогда не пошла бы гулять здесь, не стала бы пробираться к реке через высокую траву, в которой полно клещей. Это самые безобразные клочки литовской природы. Когда вижу такие непроходимые места, заросшие кустарником, думаю: если бы меня задавили и бросили в такие кусты, никто бы не нашел, пока не начала бы смердеть... Это ужасный, страшный последний путь человека. Ужасное место, чтобы лежать после смерти. Перед тем как читать кадиш, вы показали мне улитку, которая ползла по памятнику вашим. Вы ничего не сказали, но я поняла, что вы хотите, чтобы я убрала эту улитку. Я так и сделала. Убрала улитку с памятника вашим.

ЭФРАИМ: Да. Спасибо вам за это. Теперь мы едем через местечко Каварскас по центральной улице Укмергес. Эту улицу, по словам свидетелей, вскоре после прихода нацистской армии подожгли. Ее подожгли местные, потому что на ней жили евреи. Странно, дед и отец Ру-

ты жили как раз на этой улице — мы только что видели их дом.

РУТА: Я в это не верю, мой отец рассказал бы про пожар. Отец родился в 1921 году, так что в начале войны ему было двадцать. Он учился в Каунасе, но лето проводил здесь, в Каварскасе, помогал родителям по хозяйству. Он рассказывал мне о том, как жил здесь до войны, рядом с евреями, и говорил, что антисемитизма почти не было. Вы постоянно, непрерывно повторяете, что литовцы еще до прихода нацистов только и жаждали расправиться с евреями. Возможно, был такой единичный случай, но я не могу поверить, что это было повсеместным явлением. Никогда об этом не слышала от своих бабушек и дедушек или от родителей. Я знаю, что происходило в Литве после прихода нацистов, но очень прошу не заставлять меня поверить, что зверства повсеместно начались еще до того, как они пришли.

ЭФРАИМ: Хорошо. Прочитаю вам отрывок из книги “Евреи Литвы” — “*Yahadut Lita*”, изданной в Израиле. Том четвертый. Глава про Укмерге. “В Укмерге было много литовцев, которые, как только началась война, стали грабить еврейские дома, мучить и убивать евреев. Женщины, которые работали в еврейских домах, приводили вооруженных мужчин и показывали, где спрятаны ценности, которые были у евреев”.

РУТА: Когда вы говорите “много”, у меня сердце останавливается. Что значит “много”? То, что вы говорите, словно превращает всю мою страну в одно огромное чудовище. Все два миллиона литовцев из года в год ждали случая убить своих соседей-евреев, шестьсот лет живших рядом? И наконец дождались?

ЭФРАИМ: Я не говорил “все литовцы”. Я сказал “много литовцев”. Их действительно было много. Укмерге был большим городом. Там жили восемь тысяч евреев.

РУТА: Сколько это — “много”?

ЭФРАИМ: Много — это сто, пятьдесят, восемьдесят, двести. Что с вами происходит? Вы слишком болезненно реагируете.

РУТА: Да, я болезненно реагирую, когда на мой народ клеветают. Это нормально. Когда вы говорите “много литовцев”, меня просто тошнить начинает.

ЭФРАИМ: У меня есть предложение. Вы можете спеть гимн Литвы, если вам от этого легче. Как это делали ваши соотечественники после резни в гараже “Летукиса” в Каунасе.

Укмерге / Вилкомир

В конце XIX века в Укмерге жили 7287 евреев (53,8 % всего населения местечка).

Едем по дороге, по которой осенью 1941 года вели из синагоги евреев. Мой дед Йонас их не сопровождал. К счастью, деду в то время было уже шестьдесят лет, и никакой начальник полиции ни во что его впутать не мог. А вел ли их Балис Шимке, которого арестовали и посадили в тюрьму вместе с Йонасом? В протоколах следствия записано, что да. Что за конвоирование и охрану Шимке получил вознаграждение — еврейский дом и 4,5 гектара земли. В другом месте написано, что Шимке был командиром белоповязочников, еще в одном — что в свидетельствах об убийствах в Укмерге рядом с фамилией Чюкшиса упоминается Б. Шимкус. Не тот ли это самый Балис Шимке, с которым мой дед проходил по одному делу?

Пятьсот евреев, жителей Каварскаса, из синагоги пригнали в тюрьму в Укмерге. В тюрьме было 37 камер. За июль

1941 года число заключенных выросло с 45 до 789. В тюремных книгах зафиксировано количество получавших питание узников:

1 августа — 667 взрослых, 8 детей

5 августа — 1409 взрослых, 24 ребенка

6 августа — 11 взрослых, 0 детей.

Мы останавливаемся у развалин имения Вайткушкиса. Сюда согнали тысячи евреев. Группами вели по дорожке вниз. Группами расстреливали. Это частное владение. Обнесенное оградой. Никакого знака, конечно, нет. Имение, видно, ждет поддержки Евросоюза и будет отреставрировано. Тогда здесь будет знак — логотип Евросоюза. Смерть логотипа не имеет, потому его здесь и нет.

1941 ГОД

Свидетель Адомас Данюнас, 24 года, работал в больнице Каварскаса дезинфектором, вступил в отряд белоповязочников, потому что начальник полиции Каварскаса ему пригрозил: если не вступит, его пошлют в Саксонию.

В октябре или сентябре 1941 года, точно не помню, мне вместе с другими членами отряда националистов Каварскаса один раз пришлось участвовать в массовом расстреле лиц еврейской национальности в лесу Пивония.

В тот день около десяти часов утра ко мне домой пришел Чюкшис Каролис и велел вместе с ним ехать в Укмерге. Он сказал мне, что по приказу начальника полиции я должен отправиться в Укмерге, чтобы охранять. Однако кого или что охранять, он мне не сказал.

Одевшись, я вместе с Чюкшисом Каролисом вышел из своей квартиры, которая в то время была в помещении школы. На дороге у школы я увидел подводы, на которых сидели члены отряда националистов Каварскаса. Сколько всего была подвод, сейчас не помню, а также не помню, кому они принадлежали и кто были возчики. Из Каварскаса нас ехало примерно 12 мужчин. Все были вооружены армейскими винтовками. Мне ружье тогда дал Чюкшис, который был старшим в группе. Я получил русский карабин. Карабин лежал в повозке, в которую меня посадили. Патроны были в обойме, т. е. карабин был заряжен боевыми патронами.

Выехав из Каварскаса примерно в 10.30, мы поехали прямо в поместье Вайткушкиса. Поместье было приблизительно в четырех или пяти километрах от Укмерге. Развалины дома и теперь стоят недалеко от дороги, ведущей из Укмерге в Вильнюс. Приехав в поместье, мы остановились во дворе, и все вылезли из повозок. Было примерно час или два дня. В поместье мы застали около сотни вооруженных мужчин. Кроме нас, в гражданской одежде было больше половины всех вооруженных мужчин, которые находились в поместье Вайткушкиса. Немцы были одеты в зеленую форму. Полицейские были одеты в прежнюю форму полиции буржуазной Литвы.

Примерно час спустя после того, как мы приехали в поместье, неизвестные мне лица, вооруженные винтовками, пригнали из риги группу граждан еврейской национальности, среди которых были дети, женщины, мужчины и старики. Всего в группе могло быть около пятидесяти человек. Чюкшис велел нам всем, приехавшим из Каварскаса членам отряда националистов, забрать эту группу еврейской национальности во дворе поместья у тех, кто привел ее из помещения, и гнать по дорожке в сторону леса. Пона-

чалу мы не сообразили, для чего мы должны гнать их в лес. Нам сказали, что их посылают куда-то на работу.

По ведущей через поле в сторону леса тропинке мы пригнали их на поляну, которая была приблизительно в сорока-пятидесяти метрах от опушки леса. Какого размера была поляна, теперь не помню. На поляне было несколько больших ям. Ямы были примерно одинаковые. Они могли быть около двадцати метров длиной, приблизительно два с половиной метра шириной и метра два глубиной. Края ям были пологими. Рядом с ямами мы нашли группу людей. Среди них было примерно двадцать немцев и полицейских в форме. Они со всех сторон окружили лесную поляну. Там было также примерно десять или пятнадцать вооруженных мужчин в гражданской одежде.

Когда мы пригнали их на поляну, Чюкшис Каролис велел всем гражданам еврейской национальности раздеться до нижнего белья. Когда они разделись, Чюкшис велел им сойти в яму. Одни сошли, а другие идти не хотели. Тогда Чюкшис и незнакомые мне вооруженные мужчины в гражданской одежде стали бить их деревянными палками и гнать в яму. Палки они выломали из растущих в лесу кустов. Мы все стояли на краю ямы. На противоположном краю ямы стояли пять или шесть немцев с автоматами. Когда всех граждан еврейской национальности согнали в яму, им велели лечь один рядом с другим. Они легли как попало. Когда всех граждан еврейской национальности уложили в яму, нам всем велели выстроиться у края ямы в один ряд. Мы, все без исключения члены отряда националистов, приехавшие из Каварскаса, выстроились у края ямы. Выстроились на расстоянии примерно одного метра от края ямы. Когда мы выстроились, кто-то приказал нам зарядить ружья, что мы и сделали. Потом кто-то скомандовал по-литовски: “В яму — огонь!”

После команды “огонь” мы все выстрелили в яму. Я выстрелил только один раз, но куда попал, не видел. После этого выстрела у меня задрожали руки, и, увидев это, стоявший по другую сторону ямы немец прогнал меня от ямы. Один из них, говоривший по-литовски, велел мне отложить ружье в сторону и взять лопату. Лопаты были неподалеку от ямы. Наша группа расстреляла только самую первую группу граждан еврейской национальности. Расстреляв ее, мы заровняли яму лопатами и, забрав с собой оружие, вернулись в поместье и больше в тот день не стреляли.

Вопрос: Почему вы во время прошлого допроса не рассказали о массовых расстрелах советских граждан в лесу Пивония?

Раньше я не хотел признаваться, что участвовал в массовом расстреле советских граждан в лесу Пивония, потому что мне было стыдно¹.

Каролис Чюкшис так и не был осужден советской госбезопасностью. Ему было чем откупиться?

В рапорте К. Ягера приведена статистика убийств в Укмерге:

5 сентября 1941 г.

4709 человек. Из них мужчин 1123, женщин 1849, детей 1737.

“Прошу, учитывая мою недостаточную образованность, назначить мне более мягкое наказание”.

Апелляция начальника тюрьмы в Укмерге Кузмицкаса. Кузмицкас по списку принимал евреев в тюрьму и по спискам

1 LYA, K-1, ap. 58, b. 47397/3, t. 3, p. 277–282.

выдавал их на расстрел. Он также участвовал в повешении 117 евреев в сарае рядом с поместьем и расстреле людей в лесу Пивония.

2015 ГОД

ЭФРАИМ: Лес Пивония... Здесь убиты 10 239 человек. Это сведения, которыми я располагаю. Всех их пригнали из Укмерге, Каварскаса и всех окрестных деревень и местечек. Самое страшное то, что это место невозможно найти. Мы стоим рядом с четырнадцатью огромными насыпанными могилами, там, где были четырнадцать ям. Боже, мы стоим на одной из могил, стоим на останках тысяч людей!

РУТА: Уму непостижимо, что под нами — груды как попало сваленных тел, костей, черепов... Горы их, один слой на другом, метр за метром... Знаете, есть такой знаменитый польский психиатр Антон Кемпинский, прошедший через концентрационный лагерь Миранда-де-Эбро. Он писал, что выжившие в лагерях позже, вернувшись в нормальный мир, не могли присутствовать ни на каких похоронах. Их смех разбирал: столько суеты из-за одного умершего... Страшно сказать, но иногда я думаю о том, как после этого путешествия буду навещать могилы близких. Каждая могила — красивая, ухоженная, с памятником и именем... Буду пропалывать цветники, мыть памятники, зажигать свечи — все как обычно, но буду думать о других могилах, о десятках тысяч не своих близких, о сваленных под землей безымянных людях — с пробитыми черепами, с развороченными челюстями, с выдранными

зубами... Обнимающих своих детей, которых заживо засыпали землей... И таких мест в Литве — двести двадцать семь... Как может быть, что земля Литвы больше не поднимается?

ЭФРАИМ: Все в Литве должны бы думать так, как теперь думаете вы...

РУТА: Так и будет когда-нибудь, уже есть положительные сдвиги. Вот в лесу Пивония даже металлические столбы вокруг памятника, даже металлические цепи не украдены, как в Каварскасе.

Перед тем как мы садимся в машину, нахожу записи из Особого архива, открываю один протокол эксгумации, о котором постоянно думаю с самого начала этого путешествия и который знаю почти наизусть. Перечитываю его, но Эфраиму не перевозжу. Зачем?

Останки в могилах погребены в два-три, местами в четыре слоя. В одной могиле трупы найдены скорчившимися, их конечности подтянуты к животу или к груди, а верхние конечности у большей части над лицом, над глазами или обхватывают детские трупы.

Едем по направлению к центру Укмерге. Думаю про убитых в лесу Пивония детях или подростках. Вспоминаю стихотворение Юстинаса Марцинкявичюса, которое декламировала в школе, — одно из моих любимых: “О, сколько эйнштейнов и галилеев шестнадцатилетними спят в земле!” Поэт писал о лесных братьях, не об убитых евреях. Возможно, это всего лишь совпадение — то, что он упомянул Эйнштейна, еврея. Всего лишь совпадение — то, что шестнадцатилетних евреев,

будущих эйнштейнов, в 1941 году убивали литовцы, которые и сами были несколько не старше. Не галилеи.

Останавливаемся в центре Укмерге. Заходим в городской музей. Спрашиваем про Холокост. Про лес Пивония. Вот, показывают нам, посвященный Холокосту стенд. Установленный на средства Международного альянса в память о Холокосте (по-английски — *International Holocaust Remembrance Alliance*, IHRA). Несколько фотографий и традиционный, обязательный текст, такой же, как и в музее в Швянчёнисе или в буклетах: евреи были схвачены, были увезены, были убиты. Кто их хватал? Кто убил? Какая разница? Ведь это было давно. И, в конце концов, разве это — история Укмерге?

Пытаемся найти площадь, которую город Укмерге недавно назвал именем партизана Юозаса Крикштапониса. Никто из местных не знает ни площади, ни памятника, ни Крикштапониса. Знают только то, что есть памятник, к которому каждый год приезжал Альфонсас Сваринскас¹. И правда, рядом с центральной улицей Витаутаса, по соседству с публичной библиотекой — громадный памятник с выбитым на нем барельефом, изображением героя. Крикштапонис знаменит тем, что был сыном сестры Антанаса Сметоны, и мало кому известно, что до того, как стать партизаном, он честно служил нацистам в батальоне Антанаса Импулявичюса. Участвовал во всех расправах, большей частью — в Белоруссии, был одним из руководителей совершавшихся там казней. По сведениям историков Лит-

1 Альфонсас Сваринскас (1925–2014) — литовский католический священник, в советское время — политзаключенный. В декабре 1946 года впервые был арестован за связь с антисоветским подпольем, в 1948-м был осужден на 10 лет. В заключении в 1954 году был тайно рукоположен в сан священника. С 1958 по 1988 год еще дважды был арестован и приговорен к лишению свободы. В независимой Литве был главным капелланом вооруженных сил Литвы (1991–1995), позже — настоятелем в ряде церквей. Активно занимался увековечением памяти борцов за независимость Литвы. (Прим. пер.)

вы, батальон Импулявичюса убил там около пятнадцати тысяч евреев. Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы в 2014 году признал Юозаса Крикштапони-са военным преступником. Памятник по-прежнему стоит. Только Сваринскас больше не приезжает, приезжают другие литовские патриоты.

Интересно, самоуправления Литвы, перед тем как принять решение, кому где ставить памятники и вешать мемориальные доски, чьими именами называть улицы, хотя бы спрашивают у историков, кем был каждый из тех героев до того, как начал свою героическую антисоветскую деятельность? Сколько людей убил?

Стоим рядом с громадным памятником палачу, и мне стыдно смотреть Зуроффу в глаза. Он тоже не смотрит мне в глаза, смотрит прямо на барельеф и твердит: “Дерьмо, дерьмо, дерьмо”. Лучше бы мы не нашли этот памятник, думаю я.

Разговор с врагом

УКМЕРГЕ — ВИЛЬНИУС

ЭФРАИМ: В краеведческом музее Укмерге, на третьем этаже, есть стенд, посвященный Холокосту. Этот стенд сооружен с помощью Международного альянса в память о Холокосте. Вот что там написано о Холокосте: “18–19 августа и 5 сентября 1941 года в лесу Пивония поблизости от Укмерге были убиты более 6354 человек”. Однако там не написано, кто их убил. Особенно меня разозлила такая подробность: установку этого отдельного стенда финансировал Альянс в память о Холокосте — то есть эта организация платит деньги за то, чтобы преступле-

ния в Литве были скрыты! Это происходит в городе, где жило больше восьми тысяч евреев...

РУТА: Лучшим способом рассказать о Холокосте был бы не музейный стенд с несколькими абстрактными фразами, а знаки на всех местах, связанных с убийствами. На частном гараже или складе в Каварскасе, бывшей синагоге, куда согнали евреев Каварскаса. Рядом с поместьем Вайткушкиса, которое также приватизировано. Через десять лет никто не будет знать, что там произошло. Никто, к сожалению, и сейчас не знает...

По пути в Вильнюс мы посетили еще два позорных места. Скорее всего, здесь, у дороги на Желву¹, в Антакальнисе П², начальник тюрьмы Кузмицкас, который на суде жаловался на недостаток образования, вместе со своими соратниками повесил больше ста евреев. И почему они так себя утруждали и вешали, ведь обычно евреев расстреливали, как расстреляли и те десять тысяч человек в лесу Пивония. Место убийства не отмечено. Указателей нет. Там, где повесили этих евреев из Укмерге, был построен мясокомбинат. Теперь этот комбинат изготавливает что-то другое.

Едем дальше. Рядом с деревней Шешуоляй мы должны были найти еще одно не удостоенное памятника место убийства. Неизвестно, кто и когда там погиб, сколько их было. Заметив столбик с указателем, с трудом взбираемся на холм, продираясь через заросли, и вскоре нашим глазам открывается большая яма, заваленная ветками, хворостом и пнями. Видимо, здесь и лежат целыми семьями расстрелянные евреи из Шешуоляя.

1 Местечко в Укмергском районе. (Прим. пер.)

2 Поселок в Укмергском районе. (Прим. пер.)

Разговор с врагом

ШЕШУОЛЯЙ — ВИЛЬНЮС

РУТА: Если никто не заботится о местах гибели евреев, о массовых захоронениях, значит, обществу адресуют очень простое сообщение: то, что здесь случилось, неважно. Гибель этих людей не имеет значения... Не имеет значения память о них, неважно, что они жили, и неважно, что мы их утратили. Привели евреев и повесили или расстреляли — ну и что? Была война. Кроме того, это давние времена, и это не наши люди. Не наши люди погибли, не наши люди убили. Разве нет других проблем, как сказала директриса музея в Швянчёнисе.

ЭФРАИМ: Это ужасное сообщение. Те люди не были для вас людьми. Их могилы для вас никакие не могилы.

РУТА: Мы не настолько богатая страна, чтобы ставить памятники и указатели и ухаживать за 227 местами убийств евреев в Литве.

ЭФРАИМ: Об этом надо было думать, перед тем как начать расстреливать евреев.

РУТА: Те, кто расстреливал, были не очень грамотными. Вот и не рассчитали... Если уж мы такие страшные вещи говорим, скажу еще кое-что. Вы заметили вдоль дороги предупреждающие знаки? “Опасность свиной чумы”. Если наших свиней поразила чума, так, может, и евреи умерли от чего-то подобного. Разве есть какая-нибудь разница?

ЭФРАИМ: Наверное, нет.

РУТА: Нет, разница есть. Свиной больше. Не слишком ли черен этот юмор? Холокост был еврейской чумой. Если хотите, теперь свободно можете мне врезать.

ЭФРАИМ: Нет. Это путешествие без насилия. Мы договорились.

Шедува / Шадеве

В конце XIX века в Шедуве жили 2513 евреев (56,2% всего населения местечка).

ЭФРАИМ: Едем в Шедуву. Это город, в котором родилась моя бабушка с маминой стороны — Берта (Батья) Зар. Я позвонил маме в Иерусалим и обрадовал ее, сказав, что навещу родину ее мамы. Семья Зар была довольно обеспеченная. Откуда я это знаю? В Шедуве действовало отделение Тельшяйской иешивы. Учившиеся там мальчики жили в общежитии, в котором не было столовой. Их распределили по еврейским семьям, по домам, где они каждый день ели. Одной из таких семей, принявших за свой стол несколько студентов иешивы, была семья моей бабушки. За обеденным столом бабушка встретилась с моим дедушкой, тогдашним студентом иешивы. Они полюбили друг друга и поженились. Позже оба уехали в Америку. Таким образом они выжили, не погибли во время Холокоста, как брат моего деда Эф-

раим. Тогда, до войны, больше половины населения Шедувы составляли евреи. Теперь здесь нет ни одного еврея. Даже и говорить об этом не надо, это очевидно. Вот идет пожилой человек. Может быть, он покажет нам, где находится еврейское кладбище Шедувы, там похоронены мои предки. Давайте остановимся и спросим у него.

Так мы знакомимся с Ромасом. Ромас, тридцать лет проработавший мелиоратором, прекрасно знает все окрестности Шедувы. Едем на еврейское кладбище, оттуда — на аэродром, где в ангарах держали евреев до того, как вести на расстрел. В центре города, на месте синагоги — несколько временных рыночных павильонов. “В советское время синагога стояла, — рассказывает Ромас, — и здесь проходили животноводческие выставки. Потом ее разрушили”.

Ромас — первый встретившийся нам в этом путешествии человек, который назвал свое имя и фамилию. Он рассказывает:

У моего отца хозяйство было, быков выращивал. Так большей частью евреи у него покупали. Платили золотыми деньгами. С еврейскими детьми мы вместе учились, вместе играли, и всем места под солнцем хватало. Когда пришли немцы, наши подумали, что они здесь останутся навсегда, и стали к ним пристраиваться, прилаживаться. Кто-то убивал из-за богатства. В первую очередь искали тех, у кого много имущества было. Всякое здесь бывало, люди рассказывают, что и верхом на евреях ездили, и пальцы резали — так кольца стаскивали. Были и такие, которые предлагали спрятать какого-нибудь еврея. Тот привозил сколько-то имущества, а потом его и выдавали. У отца брата так осталось много стульев из еврейских домов. Многие белоповязочники были из деревни Вай-

датоняй, сыновья землевладельцев. Помню, как ксендз во время проповеди говорил матерям этих молодых парней: как вы позволяете своим сыновьям убивать. Ведь все у вас есть, всего хватает...

ЭФРАИМ: Я хочу кое о чем спросить вас обоих. Слово *žydšaudys* — расстрельщик евреев — это так просто слово или у него есть отрицательный оттенок?

РОМАС: О, это плохое слово...

РУТА: *Žydšaudys* — это человек, который расстреливал евреев. Я думаю, в литовском языке должны бы появиться и другие похожие слова, характеризующие людей, примкнувших к Холокосту, например, *žydgaudys* — как существует слово *šungaudys* — собаколов. Еще могло бы быть слово *žydvėdys* — тот, кто конвоировал к месту убийства, или *žydvagis* — тот, кто грабил еврейские дома или выдира л зубы...

ЭФРАИМ: А как бы вы назвали людей, которые стояли за всем этим процессом — Литовский фронт активистов или Временное правительство Литвы?

РУТА: Эти люди, возможно, и невольно, изменили слова гимна Литвы. Вместо "*Vardan tos Lietuvos vienybė težydi*" — "В честь судьбы той Литвы единение наше!" — они своими действиями словно бы утверждают: "*Vienybė be žydų*" — "Единство без евреев"...

ЭФРАИМ: Это грустная шутка. Но так и есть. Они к этому и стремились в своем государстве — чтобы Литва осталась без евреев. И им это удалось.

РУТА: Нет, им не все удалось. Единства мы так и не достигли.

ЭФРАИМ: Им удалось избавиться от евреев, но не удалось добиться единства людей Литвы...

РУТА: Вот Шедува... Разве не прекрасно — город без евреев. Только посмотрите, сколько, когда ваших больше не осталось, появилось пустых домов, в которых мы можем поселиться.

ЭФРАИМ: Я привык к такому черному юмору. И в музее Яд Вашем, и в Центре Симона Визенталя иногда тоже так развлекаются. Так что ваши идиотские шутки меня не шокируют. Хочу спросить Ромаса, нашего гида: сколько людей сейчас живет в Шедуве? Всего триста? Так вы убили вдвое больше евреев, чем теперь здесь есть жителей? Вы убили целых восемьсот!

Ромас предлагает поехать в Радвилишкис, где живет его старшая сестра Юра. Она прекрасно помнит те события. Мы едем.

Юра, сестра Ромаса — пенсионерка, бывшая учительница литовского языка. Когда началась война, ей было двенадцать лет. Мы слушаем ее рассказ:

Было очень страшно. Мы знали этих людей. Одна еврейская девушка, лет, наверное, восемнадцати, мне очень нравилась, она в магазине работала, дочка хозяина, и теперь там магазин есть, "Aibé"¹. В школе не было никакой враждебности, классы были рядом. Когда начались убийства, парни с белыми повязками на рукавах выгоняли евреев из дома, не разрешали им ходить по тротуарам,

1 Множество, уйма (лит.).

я видела, как гнали по улице. Были и дети. Куда гнали — не знаю. Говорят, сначала согнали в синагогу, где теперь рынок. Гнали без перерыва, начали в июле и гнали много дней. Немцев в то время в городе не было ни одного. Люди про те убийства говорили по-разному — было очень много сочувствующих, тех, которые хорошо были знакомы с евреями. Наши родители, приехав из деревни, всегда ведь ставили телеги во дворе у евреев. И когда бывала еврейская Пасха, они давали родителям мацу.

Проповедь ксендза я тоже слышала, ту, где он обращался к матерям убийц. Кричал: “Как вы разрешаете своим детям убивать? Кровь потребует крови!” Они возвращались с окровавленной одеждой, матери эту одежду стирали в ручье. Мы убийств не видели, только разговоры слышали.

В городе ведь никто не убивал. Кто жил около леса, видели, как везут, слышали, как стреляют, и рассказывали другим.

Когда уже расстреливали, там, несомненно, были и немцы.

Знали все, что Сenuлис многих убил... Гринюс тоже... Он был учителем математики. Потом вернулись русские и увезли его в Сибирь. Остался сын, внуки есть. Есть и другие, кто убивал, их увезли, а потом они вернулись из Сибири обратно.

Люди говорили про расстрельщиков евреев. В Шедуве все они после войны вымерли. Чаще всего — пили не просыхая. Им мерещились эти убийства, так приходилось пить.

Может, все-таки совесть была. И пить было с чего. Они

не работали нигде, вообще. Спились все. Люди говорили —

у них внутри горело. Были такие люди — на самом деле

плохие. Очень плохие. Не знаю, расстреливали эти сыновья

землевладельцев или нет, может, только гнали евреев. Были

такие безработные, пьяницы, они хотели награть себе.

Люди их не уважали, называли *žydšaudžiais*, расстрель-

щиками евреев. *Žydšaudys* — это уж последний человек.

Сказать что-нибудь против люди боялись. Очень боялись.

Война ведь. Страшное время было. Не помню, пытался ли кто-нибудь спасти или прятать евреев, потому что знали: спасти станешь — сам погибнешь.

Акт специальной комиссии от 10 сентября 1944 года
В лесу Ляудишкяй были осмотрены 20 трупов, из них 8 детских трупов (6–8 лет), у всех на черепе найдены дефекты. На головах трупов найдены повреждения, расколы костей детских черепов свидетельствуют о том, что эти повреждения были сделаны еще при их жизни твердым тупым предметом или от удара головы о твердую поверхность.

Председатель комиссии Сиромолотный¹

Разговор с врагом

ШВЯНЧЁНЕЛЯЙ — ВИЛЬНЮС

РУТА: И Ромас, и сестра Ромаса говорили о важных вещах, о которых я никогда не задумывалась. Когда в 1941 году пришли немцы, большинство литовцев думало, что они пришли надолго. И потому, наверное, многие молодые люди в Литве решили: если они станут сотрудничать с немцами, не только останутся в живых, но будут жить хорошо и в достатке. Это один из факторов, объясняющих, почему они пытались угодить нацистам.

ЭФРАИМ: Я несколько не сомневаюсь, что те литовцы, которые были готовы убивать, хотели угодить нацистам. Это

¹ LYA, K-1, ap. 46, b. 1276, p. 37.

один из аспектов мотивации убийц. Я бы взглянул на это и с другой точки зрения: одним из главных мотивов было желание, чтобы Литва снова стала независимым государством. С одной стороны, литовцы хотели вернуть себе независимость, с другой стороны, они знали, что немцы ненавидят евреев. Значит, они были уверены, что немцам понравится, если литовцы сами, своими руками, уничтожат евреев Литвы.

Это страшное путешествие — от одного места массового захоронения до другого. А когда преодолеешь этот ужас, тебя охватывает другое чувство — гнев. Гнев оттого, что это случилось, что ничего нельзя поделать, чтобы вернуть жизнь этим людям. Это цена, которую евреи заплатили за все ваши “мотивации” и “причины”. Вы, литовцы, ищите оправданий, чтобы облегчить бремя своей вины. Некоторые из вас все равно чувствуют вину, стыд, отвращение, хотя их родственники, может быть, и не нажимали на спусковой крючок. Все ваши люди имели те или иные мотивы.

РУТА: Поскольку они были людьми.

ЭФРАИМ: Да, понимаю. Знаете, что особенного будет в этой книге? Вы пишете о людях словно бы на уровне глаз, словно бы глядя в глаза этим людям. Смотрите на те события не как историк, а глазами обыкновенного человека. Вы хотите, чтобы читатель мог отождествить себя с людьми, в ней описанными.

РУТА: Если я хочу, чтобы литовские читатели внимательнее посмотрели на тех своих соотечественников, которые убивали, я должна и сама взглянуть на них как на людей. Не как на отбросы общества, которые мы могли бы с лег-

костью списать. Так что теперь мы подходим к одной важной теме...

ЭФРАИМ: И это...

РУТА: И это дневник убийцы. Сны бойца Особого отряда, которые он записывал в Лукишкской тюрьме в ожидании расстрела. Я перевела и послала вам эти сны, а вы ответили в письме, что не можете их читать, потому что вам просто плохо становится. Тошно вам делается. Я подумала: как может быть, чтобы человек, который тридцать лет расследует преступления Холокоста, был не в состоянии читать сны убийцы — ему плохо делается? Почему? И нашла ответ. Все, что вы слышали или читали за эти тридцать лет, было свидетельствами своих, то есть родственников жертв или самих выживших. Страшные, потрясающие свидетельства, но это были свидетельства хороших людей. Вы никогда не думали, что плохие, то есть убийцы, тоже были людьми. Что они жили, мечтали, видели кошмарные сны, любили своих детей и боялись смерти. От этого нового ракурса вам и тошно.

ЭФРАИМ: Неправда. Я всегда знал, что убийцы тоже были людьми. Моя проблема в другом. Когда я начинаю думать о них как о людях и пытаюсь их понять, это неизбежно уменьшает мою решимость привлечь их к ответственности за совершенные преступления. На пути, ведущем к возмездию, на пути к правосудию так много препятствий, что я не могу позволить себе роскоши еще и думать о том, что чувствовали преступники. Этим мы и различаемся.

РУТА: Если я более внимательно всматриваюсь в этих людей, чудовищ или не чудовищ, разве это означает, что я пытаюсь их оправдать? Ведь если читаешь сны человека, его стихи, его показания на допросе, этот человек в твоих глазах неизбежно становится человеком...

ЭФРАИМ: Вот в этом и есть вся суть. Величайший ужас Холокоста в том, что преступления совершали нормальные люди. До Холокоста они были нормальными, после Холокоста они были нормальными, но на время Холокоста они сделались самыми ужасающими преступниками. Это можно сказать почти про всех нацистских преступников.

РУТА: Что вы имеете в виду, называя их “нормальными”?

ЭФРАИМ: Мы говорим о людях, которые придерживаются законов и принятых в обществе норм.

РУТА: Знаете что? Эти люди всю свою жизнь были нормальными — до Холокоста, во время него и после него. Просто законы изменились. Новый закон “Долой евреев” не был записан в своде законов или в Конституции. Он просто был. И они повиновались этому закону, повиновались власти, потребовавшей участвовать в применении этого закона на практике. Так что период Холокоста не был “вырезан” из их жизни нормальных людей. Они были нормальными — всегда, всю жизнь были нормальными. Это страшно, но это правда.

ЭФРАИМ: Наверное, это правда. Вы сделали очень интересное замечание, печальное, но сильное. Это очень важно, вы очень проникательны. Вы меня убедили. К сожалению.

РУТА: Обычные, всегда считающиеся с законами или нормами общества граждане Германии или, в данном случае, Литвы, делали то, что им велено было делать их властями. Они стерегли евреев. Конвоировали. Расстреливали. Некоторые — с удовольствием. Некоторые, возможно, без. Стараясь не думать, а позже — не вспоминать о том, что делали. И я, как и вы, раньше об этом не подумала. Я много о чем не думала... Знаете, в чем ценность этих наших разговоров в машине? Вы, профессионально занимаясь Холокостом, углубляетесь в эту тему треть столетия, тридцать пять лет. Для меня это новая тема, год назад я почти ничего об этом не знала. Я задаю наивные вопросы. Однако иногда эти наивные вопросы или замечания позволяют вам по-другому взглянуть на знакомые вещи.

ЭФРАИМ: Да, они раскрывают нечто такое, чего я еще до конца не обдумал. Третий рейх создал действительность, в которой вести себя нравственно могли лишь немногие, только самые сильные. Большинство людей плыло по течению. По течению в Аушвиц — убивать... По течению — к массовым убийствам в лесах Литвы.

РУТА: А теперь давайте помолчим и послушаем музыку. Я помню, что вас не было здесь в апреле, на церемонии Йом ха-Шоа — памяти о Холокосте — в конце проекта “Быть евреем”. Послушайте псалмы, которые школьники пели на Ратушной площади, перед тем как ехать в Панеряй, чтобы почтить память погибших там евреев. Двести детей на ступенях Ратуши, пятьсот держащихся за руки на площади, выстроившихся в звезду Давида. Они пели на иврите, может быть, вы сможете мне перевести? Я до сих пор так и не знаю, о чем го-

ворится в этом псалме. Только знаю, что Бог на иврите — Хашем.

Мы слушаем. Долгая пауза. Эфраим не переводит слова псалма. Он отвернулся к окну. Рыдает.

ЭФРАИМ: Меня просто прорвало, не мог удержаться от слез. Просто прорвало. И совершенно ясно почему. То, что я видел в Литве, потрясло меня в сто раз сильнее, чем посещение Аушвица. Наверное, потому, что это личное. Я всегда думал, что единственный способ выдержать и делать то, что я делаю, то есть охотиться за нацистами, — сохранять холодную голову, добиваться, чтобы Холокост не становился моей личной трагедией. Если нацистов не судят, я не должен сломаться. Если им удастся спрятаться, я должен искать дальше. Много лет я с этим справлялся. Однако теперь я чувствую, что моя защитная стена начинает крошиться, что все это путешествие становится очень личным. Почему мои усилия в Литве не дали тех результатов, на которые я надеялся? Я был практически один. Был иностранцем. И появился в Литве слишком рано. Я приехал сюда в 1991-м, вы тогда едва вновь обрели независимость, и, как вы сказали, я приехал испортить свадебный пир. Я в то время просто не понимал, что я его порчу.

РУТА: Естественно. Это была не ваша свадьба.

ЭФРАИМ: Да. Это была не моя свадьба.

РУТА: И мы вас на нее не приглашали.

ЭФРАИМ: Вы правы. Меня никто не приглашал. И потому мои усилия не дали надлежащего результата. Теперь,

наверное, у меня есть последний шанс чего-то добиться. Я здесь с другим человеком, с партнером из Литвы. С человеком, которому литовцы доверяют. По крайней мере, доверяли до сих пор, до тех пор, пока Рута не взялась писать о Холокосте. Если это доверие существует, может быть, некоторые люди, читавшие более ранние книги Руты, откроют и эту, остановятся и задумаются. Может быть, и другие люди присоединятся к Руте и начнут говорить. Это самое лучшее, на что можно надеяться. История Холокоста в Литве настолько драматичная и потрясающая, что люди, прочитавшие книгу, будут взволнованы и, скорее всего, станут смотреть на историю своей страны другими глазами.

РУТА: Мне в голову пришла мысль. Можете ее раскритиковать, но я вам ее выскажу. Если бы те дети, которые пели, выучили пять-шесть еврейских псалмов, я бы арендовала для них несколько автобусов, и мы бы вместе поехали по самым заброшенным местам массовых убийств. Остановились бы у кустов в Каварскасе, у мясокомбината в Антакальнисе II, у заваленной хворостом ямы в Шешуоляе. И почтили бы память погибших своеобразным детским реквиемом евреям. Мы бы пробрались через кусты и заросли, встали бы и запели, потому что никто ни разу за семьдесят пять лет этого не сделал. Не спел для этих убитых, засыпанных известью, зарытых и забытых. Неважно, десять их в яме или тысяча. Меня сильнее всего приводит в ярость не то, что евреи были убиты. Это я знала и на свой лад примирилась с этим фактом. Однако я не знала, что стерта память о них. Их закопали и оставили под кустами, как какую-нибудь издохшую крысу. Тропинки заросли, памятники были поставлены в советское время или на деньги родственников жертв.

Или на средства посольства Англии... Или памятников нет вообще, если не считать мяскокомбинат памятником бойням. Простите за такую ужасную мысль.

ЭФРАИМ: Ничего, я уже успел привыкнуть к вашим циничным замечаниям.

РУТА: Что с нами, литовцами, случилось? Мы же так почитаем умерших. Вы видели кладбище в Каварскасе, где похоронены мои родственники? Это почти ботанический сад. Мы с родными ссоримся, когда могила не так и не теми растениями засажена, не такой памятник стоит... В день поминовения усопших сотни километров проезжаем, чтобы зажечь свечку на могиле каждого родича, и даже на той могиле, на которой никто другой не зажигает... Почему мы не почитаем общих могил, могил погибших, то есть убитых евреев? Почему мы хотим их забыть? Потому что евреи — не свои? Или потому что свои вас убивали, и чем более непролазные кусты прикроют этот позор, тем легче будет нам?

Во время этого путешествия я открыла для себя две вещи, обе неожиданные. Одна — семьдесят пять лет спустя после трагедии люди все еще боятся говорить. Боятся очень старые люди, боятся, что их самих убьют, хотя они и так уже на пороге смерти... Другая — полное равнодушие к погибшим. К тем, кого убили мы, литовцы. Женщина, с которой мы разговаривали в Каварскасе, живет в нескольких сотнях метров от места убийства. Почему она не пойдет туда, не посадит цветы, почему не попросит мужа, чтобы иногда выкосил тропинку? По всей Литве еврейские могилы приводят в порядок ученики, потому что их туда приводит какой-нибудь учитель. Так пусть и на этот раз не ка-

кой-то национальный хор, а сто обычных учеников поедут в Каварскас, где под кустами уже семьдесят пять лет лежат забытые всеми десять или двенадцать евреев. И пусть они этим десяти лежащим под землей споют мощный реквием, и пусть это услышит весь Каварскас. А может, и вся Литва, если реквием будет транслировать литовское телевидение. И пусть Литва подумает: видишь, как...

Тельшай / Тельц

В конце XIX века в Тельшяе жили 3088 евреев (49,8% всего населения местечка).

Едем в Тельшай. Останавливаемся у Райняйского леса. Райняй — то место, о котором много говорили мои друзья: пишешь о вине литовцев перед евреями, а ведь в Райняе наших замучили они, евреи...

ЭФРАИМ: Перечитаю свидетельства о том, что случилось с евреями в Райняе. Их согнали во временный лагерь — бараки в лесу.

В пятницу вечером раввин Блох попросил коменданта лагеря Платакиса, чтобы тот разрешил евреям помолиться. Раввин сказал: если останемся живы, всегда будем соблюдать три правила: шабат, кашрут и чистоту семейной жизни. Все евреи сказали “аминь” и перед началом субботы опорожнили свои карманы, потому что во время шабата им

нельзя ничего с собой носить. Вечером женщин и детей отправили домой, а мужчины остались. Женщины поняли, что участь мужчин решена. Раввин попросил разрешения мужчинам надеть головные уборы и прочитать молитвы, которые произносят перед смертью...

РУТА: А теперь моя очередь. Поговорим о райняйской трагедии наших.

25 июня 1941 года

Когда началась война, сотрудники НКВД и НКГБ стали считать расстрел заключенных способом эвакуации. В документах это называлось эвакуацией по I категории. [...] В Тельшяйской тюрьме из 162 заключенных 76 были подследственными НКГБ. [...] Красноармейцы вывели заключенных из камер в помещение охраны. Потом заключенных одного на другого уложили в грузовики. Уже на рассвете 25 июня машины с заключенными отправились в сторону Луоке, в Райняйский лес. Что происходило дальше, в точности неизвестно. В Литве это было, наверное, единственное убийство, после которого не осталось ни одного живого свидетеля. Свидетельствовали только исполнители казни. Домас Роцюс утверждал: “Расстрел производили красноармейцы. Из наших там были: начальник отдела НКВД Расланас Пятрас, оперативный уполномоченный Галкин и тюремный надзиратель Поцявичюс”¹.

Среди 26 сотрудников НКВД, участвовавших в арестах, допросах или убийствах тельшяйских заключенных — двое с фамилиями, скорее всего, еврейскими: Нахман Душанский, тельшяйский оперуполномоченный, и Даниил Шварцман².

1 *Rainiņų tragedija, 1941 m. birželio 24–25 d.*, p. 6–7.

2 *Ibid.*, p. 68–69.

Свидетельство Стасиса Кильчяускача, жителя Райняя:

Мученики лежали в ямах. Мы с Йонасом Чинским неожиданно обнаружили в Райняйском лесу свежевскопанную землю. [...] Там лежали два мотора, валялась вареная капуста. [...] Полчаса спустя в лес повалили люди, пригнали евреев. Многие копали руками¹.

Пранас Сабаляускас:

Я родился и вырос недалеко от Райняйского леса. [...] Про убийства знаю из рассказов Антанины Роцене, которая вместе с мужем участвовала в убийствах. В исполнительный комитет пришли два чекиста и велели идти в тюрьму, взяв с собой веревки, гвозди, молотки и ножи. Привели из тюрьмы заключенных и велели пытаться. Способы пытки указали чекисты: увечить, прорезая губы и заламывая руки за спиной. Когда вбивали гвозди в головы, заключенные стали сильно кричать. Чтобы не кричали, им отрезали половые органы и заталкивали в рот, потом несли в стоявшую снаружи машину.

Еще заканчивали пытать в лесу, где был приготовлен чан с капустой. В горячую капусту засовывали руки, и в яму укладывали еще живыми. Из верхней части ямы выползали из леса в рожь, в поле были найдены еще три трупа. Чтобы заглушить человеческие крики, были поставлены три машины с включенными двигателями. Я сам видел, что делалось в лесу.

Выкапывали трупы еврейские мужчины. Говорили, что, когда обмывали трупы, евреям велели пить эту воду, а кто не пил, того уводили и расстреливали².

1 Ibid., p. 78.

2 Ibid., p. 85–86.

ЭФРАИМ: Теперь снова моя очередь.

Несколько дней спустя после убийства литовцы нашли тела убитых узников. Епископ Стаугайтис и власти Литвы решили устроить похороны, которые стали бы символическим актом победы над Советами. Каждый день евреев приводили в Райняйский лес, на место казни узников, и заставляли откапывать тела, мыть их, лизать раны, ложиться рядом с трупами в гробы. Многие этого просто не могли сделать. Тех, кто отказывался, расстреливали на месте. Церемония погребения была устроена только 13 июля. Евреев поставили неподалеку от кладбища, и каждый участник процессии мог, проходя мимо, ударить еврея или плюнуть ему в лицо. 15 июля все 700 евреев были убиты в Райняйском лесу. Перед расстрелом раввин Блох повернулся к литовцам и сказал: “Ваша страна пролила нашу кровь. Но наша кровь призовет вашу кровь. Наша кровь польет деревья. Ваша кровь зальет улицы”.

РУТА: Вернемся к литовской трагедии в Райняе. Во время позднейших исследований этих убийств было установлено, что как в те времена, в начале войны, так и позже, райняйские события были и остаются политическим делом. Еврейский след усматривали в специфическом способе, которым пытали жертв, и в том, что в пытках участвовал Душанский, чьим излюбленным способом пытки якобы было калечить половые органы. Главный организатор райняйских убийств Пятрас Расланас бежал в Россию, не были осуждены ни участвовавший в убийствах Роцюс, ни Роцене. Душанский уехал в Израиль. Однако вся Литва еще и теперь убеждена, что райняйские убийцы — еврей-энкавэдэшники. По словам учителей, ученики, которым они рассказывают о Холокосте, говорят:

“Ну и хорошо, что евреев расстреливали, они ведь наших пытали в Райняе”. То же самое мне говорили и некоторые мои знакомые. Один Душанский превратился в множество душанских, потому что так у нас есть основания ненавидеть их, евреев.. Но ведь вы сами виноваты: Душанский бежал в Израиль и не был выдан Литве. Если вы, евреи, требуете, чтобы мы судили преступников Холокоста, почему тогда не выдали нам одного из главных виновников райняйских убийств?”

ЭФРАИМ: Я встречался с Душанским в 1991 году, когда он бежал из Литвы. Его обвиняли в двух преступлениях. Первое — он участвовал в убийствах политических заключенных в Райняе вблизи Тельшья. Второе преступление — в послевоенные годы он во время допросов пытал литовских партизан. Душанский уверял меня, что в райняйских убийствах не участвовал, потому что в тот день куда-то уезжал, кажется, в Алитус. Правительство Литвы попросило у Израиля юридической помощи в расследовании дела Душанского. Была собрана группа экспертов: Иосиф Меламед, представитель евреев Литвы в Израиле, Дов Левин, известный историк, и я. В Израиле существует закон: если просьба о юридической помощи продиктована антисемитизмом, мы эту юридическую помощь оказывать не обязаны. Так что Израиль решил: кроме Душанского в райняйской трагедии участвовали двадцать пять должностных лиц такого же или более высокого ранга, и дело не было возбуждено ни против одного из них. Это все, что я знаю о Душанском.

РУТА: Оставим его в покое. Или не в покое, если он действительно виновен. Душанского уже нет, как и многих других преступников. Ни вы, ни я не знаем его вины. Одна-

ко знаем, что райняйские события заметно разожгли литовский антисемитизм.

ЭФРАИМ: И знаем, видим, что память семидесяти двух жертв райняйских убийств — литовцев — почтили, поставив у дороги большую часовню, а по другую сторону дороги посажен дубовый парк. Для семисот жертв райняйских убийств — евреев — не сделали ничего. Нет указателя к месту их гибели. Рядом с развалившимся забором у заново построенной фабрики стоит старый маленький советский памятник.

РУТА: Значит, жизнь литовца оценивают в десять еврейских жизней, так? Она достойна часовни и дубов. Достойна десятка книг, написанных об этих убийствах. Ведь в Райняе погибли наши. Ваши погибли в двухстах двадцати семи местах Литвы, так что Райняй — совсем не уникальное место. И дубовой рощи нет, потому что дуб — неподходящее для евреев дерево. Под дубами мы их расстреливали.

Плунге / Плунгян

В конце XIX века в Плунге жили 2502 еврея (55,6% всего населения местечка).

ЭФРАИМ: Приезжаем в Плунге, там встречаемся с Евгением Бункой, сыном последнего еврея Плунге, художника Якова Бунки. Отец Евгения умер совсем недавно, так что в Плунге, одном из главных еврейских городов Литвы, не осталось ни одного еврея... Яков Бунка учился в Тельшайской иешиве — это называется мехина, школа для младших мальчиков, которые еще не могут быть приняты в иешиву. В советское время здание иешивы было превращено в сувенирную фабрику, и Яков на ней работал. Вот на стене бывшей иешивы — надпись: “Вниманию поступающих в иешиву. Когда в 1940 году Литва была оккупирована Советами, школа переехала в Кливленд”. Рядом с иешивой была и синагога, одна из множества действовавших здесь. В этом здании теперь магазин окон и дверей. Я сам был в Тельшяе всего один раз, в 1991 го-

ду. Тогда здесь, кроме Бунки, жили только три еврейки, все они были замужем за литовцами. Их теперь уже нет в живых.

Евгений повез нас в гости к поне Ванде, одной из свидетельниц событий в Плунгеском уезде. Поня Ванда угощает нас разведенным черносмородиновым соком и рассказывает без запинки:

Уничтожал кто? В Альседжяе — Бальтеюс, кузнец. Было там сто тридцать четыре еврея. До войны мы все ладили между собой. Когда пришли немцы, Бальтеюс сразу шкуру переменял. Немцы здесь не расстреливали. У них только штаб был. После войны этот Бальтеюс уехал, оставив здесь жену и троих детей. Его в Польше поймали, и когда сюда привезли, у него рука была скрючена. Видно, есть справедливость. Он застрелил двадцать девять женщин. Мы прятали трех евреек, и одна служанка нас выдала. Еврейки были из Альседжяя. Служанка работала по хозяйству и заметила, что мы варим кашу, и мама куда-то ее несет. Евреек было три — швея Сара Браудене, ее дочка Браудайте лет двадцати и Брикманайте, совсем чужая, лет сорока. Они сами к нам пришли голые-босые и жили три года, если считать переезды. Полтора года у нас прожили, меня растили, мне два годика было.

По воскресеньям мой отец возил служанку в костел, а в одно воскресенье ей вздумалось вернуться. Приходит она домой, а тут три еврейки в комнате, меня на руках держат, брата на руках. Сколько отец ни просил — ничего не вышло. Она с полицейским дружила, который евреев расстреливал, молодая, глупая. Отец сразу тех женщин увез. Обыск сделали, отца забрали и продержали три месяца. Потом эти еврейки снова к нам приехали. Мы все смотрели в окно, если

кто пойдет по дорожке — тут же прятаться в погреб. Приходят к отцу Бальтеюс и другие белоповязочники, отец на кухне их за стол усаживает, бутылку ставит, все пьют, а они со мной в погребе, рот мне рукой зажимают, чтобы не пикнула. Выпили, уехали, а мы только через несколько часов вылезли. Встретил Бальтеюс отца в местечке, говорит, знаю, ты, Карейва, евреев прячешь. Отец ему: пойдём, выпьем, поговорим. Пьют оба, Бальтеюс снова орет: ну, поймаю я тебя... Сосед рядом сидит, все слышит, вскочил на коня и жене сказал, чтобы мою маму предупредила. Всех евреев в Альседжяе расстреляли на Рождество. А те женщины, которых мы прятали, все живы остались. У моего отца, Пранаса Карейвы, есть эта медаль Праведника мира. Но спасали еще несколько людей, и ксендз спасал.

РУТА: Похоже, здесь, в Жемайтии, люди намного больше друг другу доверяют, чем в других местах Литвы. Жемайты отличаются от всех? Они более сплоченные, верно? Если два жемайта, живущие в Вильнюсе, встречаются тридцать лет спустя, так даже если они представители элиты, непременно станут между собой говорить на жемайтском наречии. К тому же люди здесь живут не в деревнях, а на хуторах, так что соседей должны были меньше бояться, а кроме того, сосед здесь человек полезный и необходимый — мало ли что...

ЭФРАИМ: Евгений, а знаете ли вы, сколько литовцев участвовало в убийствах евреев? По моим данным, от двадцати пяти до сорока тысяч.

РУТА: Вы, евреи, даже и здесь, особенно здесь, применяете, по меньшей мере, пятидесятипроцентный коэффициент...

ЕВГЕНИЙ: Я могу сказать только одно: в Плунгеском уезде таких было около семисот. Когда пришли немцы, эти люди подумали, что навсегда. Те, кто спасал евреев, тоже думали, что немцы пришли и останутся. Они знали, что, пряча евреев, берут на себя обязанность на всю жизнь. Они должны будут до самой смерти прятать этих людей у себя в подвалах. Они не только сами на себя взяли эту обязанность, но и взвалили ее на своих детей. Это не смелость. Это нечто большее.

ЭФРАИМ: Я ничего об этом не слышал. Никто мне такого не рассказывал. Но, с другой стороны, я ведь интересовался не праведниками Холокоста, а убийцами.

РУТА: Но вы должны слушать. Даже если вы враг и нас не любите, вы должны слушать и слышать все, что мы говорим.

ЭФРАИМ: Я слушаю, слушаю. Евгений, как вы думаете, что объединяло тех людей, которые спасали евреев? Были ли они землевладельцами? Верующими? Чем они отличались от своих соседей, которые или оставались равнодушными, или убивали? Воздал ли Израиль должное тем людям, которые спасали евреев? Если нет, мы должны об этом позаботиться.

ЕВГЕНИЙ: Для них это не имеет никакого значения. Они спасали евреев, потому что это были их соседи, их знакомые. Может быть, одни из них работали в еврейских домах, растили еврейских детей. Другие торговали с евреями, ели в еврейских корчмах, покупали у них, получали товары в долг. Рассказывают, что одну литовскую женщину сосед-еврей попросил сохранить его ценные вещи, среди прочего изделия из золота. Он планировал

уехать в Палестину, а когда он будет там, она ему прислала бы эти вещи. Женщина сказала: “Нет. Если у моих детей не будет еды, я продам твое золото, а потом уже не смогу тебе его вернуть”. Где теперь золото этого еврея? Думаю, убийцы его нашли и взяли себе.

РУТА: Кто были убийцы из Плунге? Необразованные? Неверующие? Примитивные? Безработные?

ЕВГЕНИЙ: Всякие были... Среди них учителя, врачи, служащие...

ЭФРАИМ: Я об этом говорю двадцать пять лет. Сотрудничество с нацистами охватило весь спектр литовского общества. А правительство Литвы все двадцать пять лет утверждает, что это была лишь горстка подонков...

ЕВГЕНИЙ: Для многих убийц важно было еврейское богатство. Еще одно — у них что-то не так было с мозгами. В самом городе было около тридцати убийц. Один убийца, когда его спросили на суде, почему он убивал евреев, ответил: “Потому что евреи — мошенники. Я им продавал гусей, так они всегда торговались”. Одного еврея из Ужвентиса, Цика, схватили и держали под стражей. Он попросился выйти, а стерег их его друг. Этот литовец-охранник говорит Цику: “Беги”. Цик побежал в усадьбу на горе, и хозяин его спрятал. Продержал у себя всю войну. Самое страшное было, когда мимо той усадьбы вели евреев расстреливать, и Цик видел это через щель в стене дома. Потом он женился на дочери этого человека.

Евгений везет нас в Каушенский лес, где на средства фонда его отца создан большой мемориал. На стене выбиты фа-

милии 1200 живших здесь евреев. В отдельной могиле лежат восемьдесят четыре девочки-гимназистки из Плунге, убитые отдельно. Евгению пришлось заплатить самоуправлению штраф за то, что на территории парка сделал лестницу, ведущую к мемориалу — месту убийств. Штраф был невелик. Но он был. Когда Евгений стал дальше приводить в порядок территорию, где происходили убийства, один сотрудник самоуправления тут же приобрел там участок. Надеялся выгодно продать. Деловой парень. Продал — участок купил Евгений. И продолжает приводить в порядок территорию мемориала.

Плателяй / Плотель

В конце XIX века в Плателяе жил 171 еврей (28% всего населения местечка).

Луг. Пригорок. Бокштакальнис совсем рядом с Плателяем. Лестница наверх, к памятнику. Здесь были расстреляны молодые сильные мужчины из Плателяя. Евреи. Рядом усадьба, старик с женой вяжут банные веники. Подходим. Они говорят на жемайтском диалекте, понять трудно, но я понимаю. Странные эти жемайты, немногословные, но каждое слово весомо. Может, оттого, что мало говорят, мало и выдавали?

Я спрашиваю: вы видели, кто расстреливал?

Я все видел. Мне было восемь лет. Я все помню. Нас было десять. Мы с горы смотрели. Приехала машина, вылезла такая красивая женщина, немка, и дала команду. Всех расстреляли, уехали, тогда один остался сторожить, пьяный. Спал, сидя неподалеку от дороги и от той ямы. Потом Норвилас пришел закапывать, Норвилас такой ловкий был че-

ловек, так он зубы вынимал. Я этого не видел, только отец рассказывал.

Ну, и один вылез из могилы, весь в крови, но не раненый. Дурачок, мог побежать в гору, побежать и добежать, так нет, он побежал к этому часовому. Так у этого гада еще один патрон оставался. И он выстрелил. Пьяный стрелял, а все равно. За ноги дотащил и бросил обратно...

А вы с еврейскими детьми до того дружили?

А как же, всех знали. Отец кузнецом был, так, бывало, колеса евреям оковывал.

Молодых мужчин расстреливали. По шесть или по пять ставили у ямы. Из винтовок стреляли. Ни один не кричал. Как обмершие были. Потом привезли хлорной извести и засыпали. Те, кто не стрелял, закапывали.

Вы сказали родителям, что видели?

Как не расскажешь. Не пускали идти смотреть. Говорили, куда вы лезете, еще застрелят. Жалел отец тех евреев, как не жалеть. Мы с ними ладили, уживались... Когда они еще живы были, я приходил в лавку, баранок домой приносил на пять центов, на руку накрутив. Пирог пекли, телят резали. И коптильня была, и бойня. Всех знали, но кто стрелял — не знаю, далеко было...

Две недели спустя расстреляли женщин из Плателяя.

В синагоге остались в заключении около ста человек. В конце августа Якис (начальник полиции безопасности¹ Кретинги)

¹ Полиция безопасности — пронацистское коллаборационистское полицейское формирование, действовавшее в Литве в период с 1941 по 1944 год. (Прим. пер.)

прислал приказ командиру повстанцев, учителю Баркаускасу, их ликвидировать. Было создано собрание, на котором наметили место, день и час и обсудили, как без шума собрать женщин, которые в то время служили у землевладельцев, и где взять достаточно повозок, чтобы везти детей и стариков. Среди собравшихся были Баркаускас, Жвинис, Зубавичюс, до войны работавший в городском управлении писарем. Когда все обговорили, пригласили двенадцать человек, полицейских и повстанцев. Среди них нашлись шесть добровольцев.

Когда евреев привезли к яме неподалеку от озера Плателяй и они ясно поняли, что их ждет, начались рвущие нервы крики и плач. Взрослых раздевали и аккуратно расстреливали по одному. По-другому поступали с детьми. Их расстреливали поодаль от ямы, а потом сбрасывали в нее. Всего детей в возрасте от одного до десяти лет было около двадцати. Всех их расстреляла жена Гришманаускаса Берта Гришманаускене. Расстрел продолжался всего около часа. Одежду участники поделили между собой. На следующий день Баркаускас послал отчет о выполненном задании¹.

Убийца Берта Гришманаускене была немкой. Словом, не наша.

Разговор с врагом

ПЛАТЕЛЯЙ — КЛАЙПЕДА

ЭФРАИМ: У меня во время этого путешествия вызывает беспокойство одна вещь. Рута отбрасывает все свидетельства, которые я читаю, пока она ведет машину. Свиде-

¹ Rūta Puišytė. *Masinės žudynės Lietuvos provincijoje*. Iš: *Žydų muziejus: almanachas*, 2001, p. 182–183.

тельствва о литовцах, которые очень жестоко поступали с евреями до прихода нацистов. Она не верит, что люди могли быть такими.

РУТА: Да, вы мне читали, что по Плунге ходили изголодавшиеся еврейские девочки, а литовцы из окон бросали им, как собакам, объедки и кости. Как же.

ЭФРАИМ: Да, это рассказ свидетелей. Не вижу никаких оснований ему не верить. Вот один из главных источников напряжения, возникающего между нами в этом нашем путешествии. Рута явно старается показать события в Плунге как пример, будто бы в Литве было немало таких людей, которые не убивали, а спасали евреев. Возможно. Возможно, жемайты другие, и они не боялись соседей и осмеливались прятать евреев.

РУТА: Почему я должна доверять свидетельствам, которыми пережившие Холокост поделились с израильскими издателями столько лет спустя? Люди по прошествии определенного времени чаще всего преувеличивают масштаб своих страданий. Пережитый ужас при рассказе вырастает вдвое или втрое, несколько литовцев, расстреливавших евреев, превращаются в весь литовский народ. Вся идея нашего путешествия была не в том, чтобы читать друг другу всякие свидетельства, а в том, чтобы ехать по Литве и обоим слушать, что рассказывают люди теперь — живые люди, те, кто видел, слышал сам или от своих родителей. Посмотреть этим людям в глаза, увидеть слезы в их глазах, услышать их интонации, их молчание...

ЭФРАИМ: Откуда мы можем знать, что люди говорят правду?

РУТА: Так откуда же правда, раз они литовцы? Но мы ведь в Плунге поговорили, кажется, с пятерыми, и все эти люди рассказывали, что многие из местных старались помочь евреям. Почему мы не должны им верить?

ЭФРАИМ: Хорошо. Остаемся каждый со своей верой и своими сомнениями. Едем дальше.

РУТА: Я бы хотела еще раз вернуться к разговору о мотивации убийц.

ЭФРАИМ: Может быть, на этот раз перестанем говорить о мотивации...

РУТА: Нет, я хочу об этом поговорить. Вернемся в Плателяй. Помните, что говорил тот старик, что вязал банные венки рядом с Бокштакальнисом, рядом с местом убийства? Я у него спросила, почему эти сыновья землевладельцев стали расстрельщиками евреев. Хотели прибрать к рукам еврейское имущество? Были жестокими или просто пьяными, а может, хотели угодить немцам? Тот человек сказал: они хотели быть могущественными. Это новая мысль. Ведь скорее всего эти молодые и примитивные деревенские парни получали удовольствие, унижая евреев, потому что так они чувствовали себя более сильными и могущественными. Они ведь не кидались сразу расстреливать. Они становились белоповязочниками и полицейскими, ничем не рискуя. Впервые в жизни они получили ружья, повязки, а вместе с ними — право распоряжаться другими, иными людьми, делать с ними что угодно. “Мы им покажем” — вот тот менталитет, который заставляет одних деревенских парней на танцах драться с другими деревенскими парнями. Сила группы.

Тупость группы. Жестокость группы. И еще: немцы для них означали силу, и, будучи заодно с немцами, они чувствовали себя сильнее.

ЭФРАИМ: Они стали частью структуры силы, так? Но евреи в литовском обществе всегда были теми “иными”. Антисемитизм был очень важным фактором. Эти люди наконец почувствовали себя сильнее евреев. Они всегда знали или чувствовали, что евреи в чем-то их превосходят. Евреи были образованными, успешными, они были по большей части промышленниками, они были лицами свободных профессий. В этом путешествии я понял одну важную вещь. Отчуждение между евреями и литовцами... Евреи, жившие в литовской провинции, несомненно, чувствовали свое превосходство над деревенскими людьми, и это вело ко все возрастающей враждебности. С литовской стороны.

РУТА: Никогда об этом не задумывалась. Как евреи “транслировали” это сообщение — мы вас превосходим?

ЭФРАИМ: Прежде всего, они держались изолированно. Это евреям исторически было просто необходимо для того, чтобы сохранить самобытность и не ассимилироваться. Евреи верят, что они — избранный народ. И тогда верили. Литовцы это, несомненно, чувствовали. Это возводило огромный барьер между евреями и более примитивной частью литовского общества, особенно в провинции.

РУТА: Исследования историка Римантаса Загрецкаса показывают, что половина литовцев, которых судили за то, что они расстреливали евреев, были неграмотными, четверть из них окончили несколько классов начальной школы.

Правда, он изучил лишь несколько сотен дел из тысяч, хранящихся в Особом архиве.

ЭФРАИМ: Я склоняю голову перед историком, который это выявил. Это очень важное исследование. Однако все исследования, которые были или будут опубликованы в Литве, проблемы не решат, поскольку о них не пишут средства массовой информации, о них не говорят политики, они не попадают в учебники, по которым учится молодое поколение. Они не воздействуют на сознание людей.

РУТА: Но вы согласны с тем, что такие исследования, которыми занимаются изучающие Холокост литовские историки, — шаг вперед?

ЭФРАИМ: Да, их исследования — это один шаг вперед.

РУТА: Все, что нам надо сделать, — популярно рассказать о том, о чем историки написали в своих научных исследованиях. Сделать эти факты, эти открытия доступными и понятными каждому литовцу.

ЭФРАИМ: Существует большой разрыв между тем, что написано в академических исследованиях литовских историков, и тем, что знает ваша широкая публика.

РУТА: Кто должен заполнить эту брешь?

ЭФРАИМ: Я думаю, что это должны сделать вы. Я надеюсь, что вы этой книгой пробьете стеклянный потолок и правда откроется. Я уже приводил вам классический пример с книгой “Соседи” польского историка Яна Гросса. Когда она вышла, поляки были шокированы: что, мы — убий-

цы? Да ведь мы — жертвы, мы всегда были жертвами. Эта книга в Литве может вызвать похожий эффект.

РУТА: Однако подобный эффект должны были вызвать все книги, которые написали историки, исследующие Холокост: Арунас Бубнис, Альфонсас Эйдинтас, Валентинас Брандишаускас, Альфредас Рукшенас, Людас Труска, Саулюс Сужеделис, Рута Пуйшите, Римантас Зизас, Римантас Загрецкас...

ЭФРАИМ: Нет. Те исследования не прозвучали так, как надо бы. Никто не хотел, чтобы это произошло. Тем историкам повезло, что почти никто в Литве не читал и не обсуждал то, что они написали. У них есть безопасная работа, они делают академическую карьеру, и все это могут разрушить люди во власти, все еще пытающиеся скрыть правду. Чем меньше людей в Литве читает исторические исследования, тем удобнее им продолжать делать то, что делается теперь.

РУТА: Те же самые историки признают, что, к сожалению, убийства евреев в литовской провинции почти не исследованы. Это белое пятно. Я бы сказала, что это, напротив, очень-очень черное пятно. И в истории Литвы, и в историографии. Самое наичернейшее. Руководительница Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы сказала журналистам, что исследования Холокоста неполные, потому что просто-напросто не хватает людей для того, чтобы их проводить. Но нет недостатка в людях для исчерпывающих исследований антисоветского сопротивления. Исследований, посвященных нашим, своим.

Таураге / Тавриг

В конце XIX века в Таураге жили 3634 еврея (54,6% всего населения местечка).

1941 ГОД

Я, Антанас Швегжда, изъявляю желание добровольно поступить в полицейскую охрану. Я поступаю в полицию с единственной целью — получить больше прав, благодаря которым моя жизнь будет постоянно улучшаться, поскольку я буду иметь больше возможностей получить все, что мне требуется¹.

Антанас Швегжда в 1939 году поступил в учительскую семинарию в Таураге. 15 июня 1941 года учащихся семинариипустили на летние каникулы. Антанасу было девятнадцать лет.

1 LYA, K-1, b. 43767/3, p. 5-6.

25 или 26 июня ко мне зашли два друга и предложили вступить в отряд добровольцев. Они сказали, что, если я вступлю в этот отряд, мне будет легче жить. [...] Будучи в полиции, я носил гражданскую одежду, был вооружен винтовкой, на левую руку надевал белую повязку из белой ткани, на которой своей рукой написал "Ordnungsdienst", что в переводе означает "Служба порядка".

В конце августа 1941 года я трижды принимал участие в расстреле евреев. Нас было 50 человек полицейских. Во время первой операции я лично застрелил 10 евреев. Из города в лес их конвоировали кадровые полицейские. Возили их рано утром, чтобы не видели жители местечка. Мы изымали у них деньги и ценности, а одежду складывали в кучу, а потом увозили на склад, а со склада раздавали людям, пострадавшим от войны, также и моей маме. Мама принесла мне со склада одно новое синее шерстяное пальто.

Кроме того, у евреев, привезенных на расстрел, я находил крупные суммы денег. Т.е. когда партию евреев привозили к яме, выкопанной для расстрела, я предлагал им отдать деньги мне, поскольку их все равно ждет смерть. Тогда они мне отдавали различные суммы денег, на которые я купил себе шляпу за 50 рублей, в Каунасе купил скрипку за 700 рублей, а другие деньги проел. За весь период я взял у убитых евреев около четырех тысяч рублей. За весь период своей деятельности я расстрелял примерно 50 евреев.

В охранном подразделении я прослужил приблизительно три месяца, т.е. с 26 июня до конца августа, а с 15 сентября снова начал учиться¹.

CA, 3337, ap. 55, b. 153.

Антанас Швегжда в послевоенные годы работал хористом в Шяуляйском городском театре. В 1948 году был арестован и приговорен к 25 годам заключения.

2015 ГОД

Краеведческий музей Таураге. Есть ли какие-нибудь сведения о жившей здесь еврейской общине, о четырех тысячах убитых евреев из Таураге?

Нас встречает дружелюбный сотрудник музея, ведет по музейной экспозиции. Нет, про четыре тысячи убитых евреев у нас ничего нет. Но зато мы очень гордимся другими разделами экспозиции. Осматриваем коллекцию одноцентовых монет Соединенных Штатов Америки. Юноша говорит, что многие посетители удивляются, увидев такую большую коллекцию монет в один цент. Другой стенд посвящен писателю Оноре де Бальзаку, который некогда проехал через Таураге и даже останавливался здесь.

Разговор с врагом

ТАУРАГЕ — ЮРБАРКАС

РУТА: Объехав так много мест массовых убийств, я уже знаю, в каком лесу их искать. Уже узнаю “пригодный” для убийства лес. Он должен быть большим, густым, недалеко от города и дороги. Должна быть поляна, на которой удобно копать ямы и есть достаточно места, чтобы поставить расстреливаемых людей и самых расстрельщиков. Вот, например, здесь лес подходящий. А вот и знак — евреев убили здесь.

ЭФРАИМ: Здесь убиты три тысячи человек.

РУТА: Литва такая красивая страна.. И вы это признаёте..

Мы можем думать о ней, как о чудесной молодой девушке, чье цветущее тело усеяно ранами, хорошо спрятанными от людских взглядов. Двести двадцать семь ран — двести двадцать семь мест убийства. Мы можем до хрипоты провозглашать, что девушка здорова и раны давно зажили, но от этих наших речей они не заживут. Мы должны что-то сделать с этими ранами. Историк Альфонсас Эйдинтас в 2001 году говорил в Сейме: “Надо открыть раны и дать им очиститься от гноя..” У Литвы нет никаких других запущенных, гнойных ран — только эта.. Старое еврейское кладбище, рядом с его оградой — место массовых убийств. Две тысячи евреев Юрбаркаса — вся еврейская община Юрбаркаса, расстрелянная 3 июля 1941 года.

Эти убийцы были милосердными — они убили людей рядом с могилами их предков, а не где-нибудь у болота или в кустарниках.. Давно умершие деды и отцы слышали вопли своих детей и внуков. Дети, перед тем как их убьют рядом с могилами их отцов или дедов, может быть, успели подумать, как подумала бы я, встречая смерть в тридцати метрах от могилы своего отца: “Папа, помоги мне...” О чем думали люди перед смертью? Какие молитвы читали, какие псалмы пели — или встречали выстрел молча?

ЭФРАИМ: Есть очень много историй о евреях, ожидающих смерти. Я слышал о четырех разных песнях, которые евреи чаще всего пели, перед тем как погибнуть от пули. В одной очень известной песне говорится о еврейской вере в приход Мессии. “Я буду ждать его прихода каждый

день, и даже если он опоздает, я все равно буду ждать”. Другая песня называется “Атиква”, раньше она была гимном сионистского движения, а теперь стала гимном Израиля. В этой песне высказано желание еврейского народа вернуться на родину и создать независимое государство. Третья песня — “Интернационал”, а четвертая — гимн Чехословакии. Многие евреи из Чехословакии были патриотами, и, когда их вели в газовые камеры Аушвица, они пели этот гимн.

РУТА: Когда я писала книгу о проблемах ухода за старыми людьми, много читала о смерти. Я видела многих людей на смертном одре — своих и чужих. Мне кажется, смерть довольно милосердна. Перед тем как забрать человека, она помрачает его сознание. Перед смертью ты уже больше не мыслишь, не видишь, почти не чувствуешь. Впадаешь в бессознательное или полусознательное состояние. Скорее всего, в это время действует определенный механизм самозащиты. Надеюсь, что все те евреи, которых вели на расстрел или ставили на край ямы, были в таком состоянии. Зная, что смерть уже совсем рядом, они были словно парализованы. Их разум был помрачен. Ведь многие убийцы в своих рассказах утверждают: евреи перед расстрелом были тихие, застывшие, словно парализованные, словно наполовину умерли...

ЭФРАИМ: Во многих случаях евреи не знали, что их ведут расстреливать. Убийцы говорили им, что их ведут на работы, на собрания, на митинги, и даже делать прививки. Наверное, евреи до самого конца верили, что есть возможность спастись, и потому, когда их вели, не пытались бежать и не сопротивлялись. Если бы они побежали, точно были бы застрелены. Я все думаю о том, почему

евреи почти не сопротивлялись, хотя иногда их стерегли и конвоировали совсем немного охранников. Может быть, их воля была сломлена унижениями и мучениями, испытанными во временных лагерях и гетто? Или здесь действовала еврейская традиция мученичества? Веками евреи чтили мучеников, которые предпочитали смерть отречению от своей веры. Во времена инквизиции многие евреи отказывались принять крещение и умирали “ал кдушшат ха-Шем” (прославляя имя Божие). Это могло быть одним из факторов. Другая важная вещь — евреи везде, где жили, были меньшинством, бессильным меньшинством. Когда складываешь все эти факторы в один, понимаешь, почему евреи так редко осмеливались сопротивляться.

РУТА: Это удивляет всех свидетелей. Всех убийц. Во время допросов они говорили, как поражались тому, что евреи были кроткими будто овечки. Евреев партиями по четыреста человек, одну за другой, несколько километров везли из Каунасского гетто в IX форт восемь бойцов Первого национального трудового охранного батальона. Ни один еврей даже не попытался бежать. Ни один из десяти тысяч. Правда, один ребенок одиннадцати лет потом сбежал из ямы — так сказал зубной техник, “любитель убивать людей” Пранас Матюкас. Мальчика звали Юдель. Детей тогда немцы расстреливали из автоматов.

Бутримонис / Бутриманц

В конце XIX века в Бутримонисе жил 171 еврей (28% всего населения местечка).

1941 ГОД

В Бутримонисе была одна из старейших в Литве еврейских общин. Местной еврейской общине принадлежали каменная синагога, школа, где учили иврит, благотворительные общества, 52 (из 54) лавки, пивные, пекарни, другие мелкие предприятия¹.

Начальник полицейского участка Бутримонской волости писал в донесении руководству полиции уезда, что “еврейский вопрос очень актуален, поскольку в местечке прожива-

1 Arūnas Bubnys. *Holokaustas Alytaus apskrityje 1941 m. Iš: Genocidas ir rezistencija*, 2012, №1 (32), p. 37.

ет более двух тысяч евреев, которых в ближайшее время надо бы убрать”¹.

Восьмого сентября по приказу начальника полиции Бутримониса Леонардаса Каспарюнаса-Касперскиса все еще оставшиеся в живых евреи ночью были собраны в местной начальной школе. На следующее утро было запланировано убийство евреев Бутримониса.

Видно, ждали, пока 3-я рота Национального трудового охранного батальона, которой командовал Бронюс Норкус, закончит работу в Алитусе и “освободится” для работы в Бутримонисе. Ведь 9 сентября совершилось самое крупное убийство в Алитусе. Как написано в рапорте К. Ягера, в тот день бойцы под командованием Б. Норкуса в Алитусе “убрали” 1279 евреев: мужчин — 287, женщин — 640, детей — 352. Парни отдохнуть не успели — сели в автобус. Ждала работа, а потом — заслуженный отдых совсем недалеко, в Бутримонисе.

9 сентября 1941 года из Алитуса приехал автобус примерно с 20 солдатами мобильного отряда. После обеда местные полицейские и белоповязочники стали выгонять евреев из школы и строить в колонны. Евреям в хорошей одежде было приказано раздеться до нижнего белья. Колонны евреев погнали в деревню Клиджёнис, находящуюся в 2 км от Бутримониса. [...] Расстрел закончился вечером. Тогда убийцы вернулись в Бутримонис и отпраздновали окончание “работы” в столовой местечка. 9 сентября 1941 года в Бутримонисе было убито 740 евреев (мужчин — 67, женщин — 370 и детей — 303)².

Когда славившегося своей жестокостью Л. Каспарюнаса-Касперскиса осенью перевели в Бирштонас начальником поли-

1 Ibid., p. 38.

2 Ibid., p. 39.

цейского участка, “уезжая из Бутримониса, награбленное имущество он вез на 14 или 15 больших возах. Видя это, местные жители говорили: «Едет еврейский король Касперскис»”¹.

2015 ГОД

Вечером, перед тем как ехать с Зуроффом в Бутримонис, навещаю художника Антанаса Кмеляускаса — единственного оставшегося в живых из четырех детей, своими глазами видевших убийства 1941 года, чьи рассказы приведены в начале книги.

Антанас Кмеляускас все помнит так, словно это произошло вчера. Рассказывает то, о чем не упоминал в разговоре с приезжими из США в 1998 году:

Когда закончили убивать, мы, дети, которые за всем наблюдали из-за дома, подошли к ямам. Пришли и другие бутримонские. Мы видели, что некоторые люди в яме еще живы. Одному раненому, видно, кровь залилась в нос, так он, пытаясь вдохнуть воздух, зашевелился. Убийцы не хотели тратить пули, так вокруг ямы искали камень, чтобы этого человека прикончить. Но ведь не литовцы все это придумали, а немцы. Литовцев только втянули в эти убийства.

А можете вы нарисовать то, что видели тогда, спрашиваю я у художника.

Антанас Кмеляускас рисует...

Бутримонис — маленький городок. Пустой. Ищем какого-нибудь старого человека — как и во всех местечках, в ко-

1 Ibid., p. 40.

торых побывали до сих пор. Вот в сторону магазина идет старый-престарый, совсем исхудавший и оборванный бутримонский старик, опирающийся на выломанную в лесу палку. Он соглашается за пачку сигарет показать нам массовые захоронения и в местечке, и в лесу у Клиджёниса.

Клиджёнис всего в нескольких километрах от Бутримониса. У самой дороги — то место, где художник Антанас Кмеляускас, которому тогда едва исполнилось девять лет, видел, как совершалось убийство. Здесь убивали старых мужчин, потому что молодых и сильных евреев из Бутримониса уже расстреляли в Алитусе.

А где второе место убийства, где, как говорит наш престарелый проводник, расстреляны двести детей? Идем через поля, через луга, без указателей, не понимая, куда нас ведут и сколько еще надо будет идти. Старик идет впереди, опираясь на палку, его легкие хрипят вовсю. Ужасный звук. Издалека слышно. У человека явно плохо с легкими. Наконец старик останавливается и говорит: “Не могу идти с вами дальше. Здоровья нет. Вы идите в ту сторону, найдете место, где убили детей”. Он остается ждать нас посреди поля. Жара тридцать пять градусов.

Мы идем полями дальше, но куда идти? В каком направлении? Налево от пасущегося здесь коня или направо? Ров. Эфраим останавливается. Я иду дальше. Я должна найти место захоронения детей.

И все равно не нахожу. Ну и хватит. Как-то очень жалко старика, который там на жаре стоит, опираясь на палку, и хрипло дышит. Возвращаемся. Старик извиняется за то, что не нашли место, жалуется — живет один, бедствует, потому что жена давно умерла, а сын убит в Италии. На прощание он еще показывает нам дом последней еврейки в Бутримонисе, Ривки, большое здание с заколоченными окнами в центре города.

Когда убили всех евреев Бутримониса, Ривка с сестрой спаслись и остались жить в своем доме. До самого 1977 года, потом обе перебрались в Вильнюс.

ЭФРАИМ: Ривка была из немногочисленных переживших Холокост евреев Бутримониса. Они с сестрой обе остались жить здесь, чтобы сохранить память о своих близких и о соседях. Это очень редкий случай, обычно евреи, пережившие Холокост, не оставались там, где родились и где были убиты их близкие. Двести двадцать еврейских общин в Литве были стерты с лица земли. Вся литовская провинция осталась без евреев. Евреи сосредоточились в нескольких городах — Вильнюсе, Каунасе, сколько-то осталось в Шяуляе и Паневежисе. Я встречался с Ривкой Богомольной в 1991 году. Она была первым человеком в Литве, который привлек внимание общества к неправомерной реабилитации преступников Холокоста в стране. Хотя в Литве был издан правильный закон — никто из принимавших участие в геноциде не должен быть реабилитирован, — закон этот просто практически не действовал.

РУТА: Кто были эти люди — убийцы евреев Бутримониса? Ведь расстреливали бойцы знаменитой 3-й роты Национального трудового охранного батальона под командованием Норкуса, которых позвали в летучий отряд Хаманна, в то утро расстрелявший и евреев Алитуса... Но, по словам Ривки, в убийствах участвовали и местные, ее соседи из Бутримониса.

ЭФРАИМ: Да. Это были Юозас Красинскас и Казис Гринявичюс. Ривка рассказывала мне об этом в 1991 году. Потом литовский профессор Шмуэль Куклянский дал мне

дела еще двенадцати реабилитированных в Литве преступников. “Нью-Йорк Таймс” опубликовала эту историю на первой полосе. По иронии судьбы как раз в этот день Литва стала членом Организации Объединенных Наций. Десятки тысяч людей, осужденных Советами, были реабилитированы, когда Литва вновь обрела независимость. Сколько из них участвовали в расстрелах евреев? То ли их дела не были расследованы должным образом, то ли преступления, совершенные во время войны, попросту игнорировали?

РУТА: Насколько мне известно, в Литве реабилитированы приблизительно 26 тысяч человек. Среди них и один член Особого отряда. Почему? Не знаю. Ведь, по словам старшины Йонаса Тумаса, командовавшего этим отрядом, убивали все “особые”... Я видела бланк заявки на реабилитацию. Если хочешь, чтобы твой отец или дед, которого осудили Советы, был реабилитирован, чтобы вам вернули имущество и выплатили денежную компенсацию, надо заполнить бланк заявки. Там немного вопросов: где этот человек родился, какой был приговор, где и сколько времени отбывал срок. Генеральная прокуратура, получив эту заявку, за три недели принимает решение и дает ответ. В комиссии, которая изучает заявку, работает всего несколько человек. Заявок были тысячи. В делах осужденных иногда один том, а иногда — пять, семь или двенадцать, и в каждом томе несколько сотен страниц. В самом ли деле эти дела были основательно изучены, может, всего лишь прочитан приговор в конце — и только? И еще. Если человек был реабилитирован в ходе большой кампании по реабилитации, в первые годы независимости, можно ли теперь, двадцать лет спустя, пересмотреть эту реабилитацию? Стоит ли? Че-

го мы этим добьемся? Человек умер, возвращенное имущество уже не отберешь. А Литва будет плохо выглядеть в собственных и чужих глазах — и убийц упустили, реабилитируя, и убийц этих окажется больше, чем мы хотим найти... И сколько таких упущений — даже в Тускуленском мемориале, где лежат останки семисот узников НКВД, больше половины этих узников были осуждены за убийства евреев. “Смерть всех уравнивает”, — сказала вице-министр культуры на открытии мемориала. Убийцу приравняли к жертве. Наконец. Как на обложке этой книги...

ЭФРАИМ: Но литовцы утверждают, что люди, которых допрашивали Советы, признавались под пытками...

РУТА: У литовских историков есть свое мнение. Прежде всего, Советы допрашивали не только обвиняемых, но и десятки их соучастников, свидетелей, и чаще всего показания совпадали даже в мелочах. Я сама читала эти свидетельства. Действительно совпадают, и из всех протоколов, которых в делах десятки и сотни, можно составить довольно точную картину преступления. Конечно, каждый из них уменьшает свою вину, число расстрелянных людей... Другая интересная вещь: когда речь идет о допросах, во время которых допрашиваемые Советами литовцы говорили о своей антисоветской борьбе, мы вовсе не думаем, что эти признания добыты под пытками. Мы им верим, на основании их создаем героев антисоветского сопротивления. А если человек говорит о том, что расстреливал евреев, у нас нет оснований ему верить: признался, скорее всего, под пытками. Человека прославляют за то, что он был антикоммунистом. Величайшим антикоммунистом в истории был Гитлер, верно?

Так что нам явно хочется выглядеть красивее, чем мы были в действительности... Иногда мы с друзьями в шутку говорим, что история Литвы в кратком пересказе выглядит так: с коня Витаутаса мы перескочили прямоком в НАТО, а было ли что в промежутке? Ну, ссылки и 13 января, героизм и страдания...

Паневежис / Понивеж

В конце XIX века в Паневежисе жили 6627 евреев (51,1% всего населения города).

ЭФРАИМ: В Паневежисе до войны жили десять тысяч евреев. После Вильнюса и Каунаса это была третья по значимости еврейская община Литвы. Паневежская иешива была одной из главных в Литве. Брат моего деда Эфраим Зар в ней учился. В 1940 году Советы ее закрыли. Тогда раввины уехали в Израиль и там открыли новую Паневежскую иешиву, одну из самых прославленных в современном еврейском мире.

РУТА: Почему Паневежская иешива была так важна?

ЭФРАИМ: По двум причинам. Первая — уровень преподавания. В иешиве преподавали лучшие раввины мира, и потому сюда приезжали учиться самые талантливые еврейские студенты. Приезжали отовсюду. Некоторые из них

позже сами стали раввинами, другие — просто образованными людьми. И многие, понятно, погибли во время Холокоста. Теперь вернемся в 1941 год. Хотите вы или не хотите, я прочитаю вам опубликованные в Израиле свидетельства выживших.

РУТА: Не хочу.

ЭФРАИМ: Читаю.

Когда евреев загнали в гетто в самом убогом квартале города, над ними постоянно издевались. Евреев каждый день таскали по городу и били. Собиралась большая толпа горожан посмотреть, как мучают несчастных. Многие еврейские интеллигенты были арестованы, их терзали особенно жестоко. Мужчин из гетто водили работать на цементный завод. Там были большие ямы с известью, и известь в них все еще кипела. Евреям было велено лить воду в ямы, чтобы известь лучше варилась. Тогда евреям было приказано прыгать в ямы и плавать в кипящей воде.

РУТА: Это уж точно слишком. Никто не может плавать в кипящей воде...

ЭФРАИМ: Как всегда думаете, что это свидетельство — выдумка? Читаю дальше.

Один еврей пытался держать голову над водой, и убийцы решили, что так он хочет спасти свою бороду... Они ударили этого несчастного по голове прикладом ружья, и он нырнул. Когда другие евреи его вытащили, у него глаза были обожженные, совсем белые. Потом всех евреев увезли расстреливать в лес Паюостес.

РУТА: Послушайте, всему есть предел. Как же, он плавал себе в кипящей воде и еще думал, как тут спасти бороду... А потом, поплавав, они вылезли на берег, и тогда их повезли расстреливать... Может, я могу предложить вам попробовать? Как вернемся, нагреем для вас котел воды. Как бы я ни уважала свидетелей Холокоста, всяким нелепостям есть предел.

ЭФРАИМ: Не было предела пыткам, которым здесь подвергались евреи. Просто не было.

1941 ГОД

Один из самых моих близких и чудеснейших людей — муж тети Гене, подполковник Антанас Стапулёнис, в конце июня 1941 года командовал повстанцами в Паневежисе¹. Когда пришли немцы, повстанцы сделали полицейскими или помощниками полиции, белоповязочниками. Антанас Стапулёнис, который был комендантом города и округа, стал начальником штаба местной охраны Паневежиса. Когда на службу вернулись все прежние служащие самоуправления, за исключением бургомистра, Стапулёнис назначил временного бургомистра, так и шла служба до самого окончания немецкой оккупации. Штаб местной охраны заботился о порядке в городе, издавал законы, запрещающие грабить оставленное чужое имущество. Насколько начальник штаба должен был оказывать содействие, когда евреев сгоняли в гетто, то есть содействовать выполнению приказа ортскоменданта? Начиная с 11 июля евреи были загнаны в один квартал, из которого выселили литовцев. Оставленные евреями дома разо-

¹ *Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m. Autorių kolektyvas. Panevėžys, 2003, p. 459.*

рило паневежское простонародье. Штаб охраны не мог это остановить... Из 4423 поселенных в квартале евреев только у 3207 была крыша над головой, остальные 1216 жили во дворах под открытым небом. Обсуждали, что, когда из занятых евреями домов вынесут шкафы, столы и диваны, можно будет вселить туда хотя бы половину этих оставшихся без крова евреев¹.

Была ли у друга моей мамы Лиле, десятилетнего Ицика, крыша над головой те полтора месяца, которые ему оставалось жить? Знала ли моя мама, где он и почему тем летом не приходил во двор играть?

23 августа — день самого большого убийства паневежских евреев в лесу Паюостес. В тот день и в Паневежис, и в Бутримонас наведалься летучий отряд Хаманна. В рапорте К. Ягера написано: “23. VIII.1941 «убрано» 1312 еврейских мужчин, 4602 еврейки, 1609 детей”. Детская могила отдельно. В ней, наверное, лежит и Ицик с разможенной головой.

Тяжелой работой занимались люди Хаманна... Из рапорта К. Ягера:

Прибывая на некоторые места акций и возвращаясь оттуда, нашим мужчинам приходилось проделывать путь в 160–200 километров. Лишь толково планируя время, удавалось совершать до 5 акций в неделю².

Антанас Стапуленис сохранял свою должность до конца августа 1941 года. Потом, кажется, был переведен на работу в структуры самоуправления. Городскому самоуправлению пришлось ликвидировать имущество убитых евреев. Наиболее ценную мебель и прочие ценные вещи забрали себе немцы, вещи похуже были переданы Паневежскому драматиче-

1 Ibid., p. 471.

2 LYA, K-1, ap. 58, 4774/6, t. 4, p. 160–161.

скому театру, женским гимназиям, приютам и больницам, другие были проданы жителям города. Не все удалось продать, так что жители города Паневежиса получили бесплатно: “2636 пар мужских штанов, 7644 простыни, 127 751 предмет белья, 8235 наволочек для подушек, 10 254 полотенца, 2536 детских пальтишек и 4827 других детских одежек и тысячи других предметов, от матрацев до тарелок и чашек”¹.

Раскрыв список предметов, отданных жителям, и взяв калькулятор, я подсчитала все, что осенью 1941 года паневежцы получили задаром: всего им раздали больше 80 000 предметов. По данным самоуправления, после того как расстреляли 4423 паневежских еврея, в городе в конце августа жили 25 540 человек. Так что при большой дележке имущества каждому жителю этого города бесплатно досталось по 3–4 предмета принадлежавшей евреям утвари или ношеной одежды. Взяла ли себе что-нибудь и моя бабушка? Носила ли что-то из той одежды моя четырнадцатилетняя мама?

2015 ГОД

Мы с врагом уже в Паневежисе. Ходим по городу, ищем иешиву. Сотрудница информационного туристического центра чуть ли не за руку привела нас и показала. На иешиве написано: “Торты и булочки. Принимаем заказы”. Теперь здесь цех и магазин кондитерской “Эгле”. Женщины, торгующие пирогами, не знают, что здесь было раньше.

Идем дальше. Бывшая Паневежская синагога — во дворе театра, от нее не осталось и следа. Другая еще стоит. Это собственность городского управления, теперь агентство *Remax* предлагает ее в аренду под офисы и магазины.

1 *Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m.*, p. 486.

Находим одно-единственное еврейское здание — бывшую женскую гимназию. Здание возвращено паневежской еврейской общине. В нем тоже размещаются предприятия поменьше и покрупнее, и даже штаб одной из партий. Евреи крутятся как могут... Один коридор заполнен шумными людьми. Что здесь происходит? В комнате, за уставленным яствами столом, сидят посол Израиля в Литве, несколько евреев и несколько паневежских политиков. Произносятся речи. При виде Зуроффа, охотника за нацистами, все остолбенели. Одни бросаются его обнимать, другие совсем не рады непрошеному гостю. Посол уперся взглядом в тарелку и ни слова не произносит. Может быть, израильская власть не любит Зуроффа, зачем он портит им отношения с литовской властью? Зурофф произносит речь. Все с ним фотографируются. Когда обед наконец заканчивается, политики садятся в черные машины с водителями и венками и отправляются в лес Паюостес почтить память жертв Холокоста. Следом едем и мы в “Шоамобиле” — так Зурофф называет мою машину.

Охранники посла зорко наблюдают за окрестностями места убийства. Посол произносит речь. Он удивляется (а может, совсем не удивляется) — почему власти Литвы, власти Паневежиса предоставили поддерживать порядок на месте массового захоронения добровольцам-школьникам?

Мэр Паневежиса тоже здесь. Он произносит несколько фраз о Холокосте: что очень жаль, что вечно будем помнить, и так далее. Возлагает букет цветов. Кортёж отбывает. Мы остаемся на месте убийства, остаемся втроем с одной паневежской учительницей, чьи ученики и приводят в порядок место гибели евреев Паневежиса.

УЧИТЕЛЬНИЦА: Одна знакомая, местная жительница, 23 августа 1941 года видела из окна школы, как в лес Паюостес везли детей. Когда грузовик остановился, одни де-

ти из него не вылезли, а другие выскочили и побежали к ямам. Палачи были пьяны в стельку. Все литовцы. Потом этих детей расстреляли и засыпали негашеной известью, чтобы не было запаха. Насыпали совсем немного. Эти дети все в крайней траншее. Мы с детьми эту общую могилу каждый год приводим в порядок, а несколько лет назад мои дети, сгребая листья, нашли золотой зуб. Были сильно потрясены.

Правда, один расстрельщик евреев похоронен в Паневежисе, и его могила по сей день без креста — близкие ставят, а кто-то его валит. Все знают, что он расстреливал евреев...

ЭФРАИМ: Это еще один из множества виденных нами старых, в советские времена установленных монументов. На нем ничего не написано по-литовски, и даже по-русски с ошибками. Однако здесь хотя бы трава скошена, и это, оказывается, сделали школьники. Но если нет никакой надписи на литовском, никто, если забредет сюда, не поймет, кому поставлен памятник и что здесь произошло. Никто не узнает, что большая насыпь на краю территории обозначает общую могилу паневежских детей.

РУТА: Не поймет, разве что тоже найдет золотой зуб... Поскольку школьники приводят в порядок место массового захоронения, властям незачем вмешиваться. Они могут приезжать с цветами, как сегодня, когда сопровождали израильского посла. И если бы мы спросили прибывшего вице-мэра или мэра, почему город ничего не делает, чтобы почтить память погибших здесь семи тысяч человек, ответ был бы один: мычание или молчание. И одно, и другое означало бы то, что мы и так знаем: "Они ведь не наши, они нам не свои... На то есть

евреи, пусть они и ухаживают за еврейскими могилами”. Или школьники, если хотят. Ведь это гражданское воспитание, правда?

Учительница провожает нас до краеведческого музея в центре города. Прощаясь, напоминает, чтобы мы нигде не называли ее имени и фамилии. Конечно, не назовем. Еще прицепится кто-нибудь.. Музей совсем рядом с другим музеем — специальным, посвященным истории “Саудиса”, устроившимся в доме убитого еврея. В краеведческом музее нет никакой экспозиции, связанной с паневежскими евреями или с массовыми убийствами. Нет, и всё. Ближе к концу нашего путешествия у Эфраима, кажется, остается все меньше терпения, и он ни с того ни с сего припирает к стенке молодого дежурного музейного сотрудника.

ЭФРАИМ: Паневежис был один из главных центров еврейской жизни и культуры в довоенной Литве. Вы это знаете?

СОТРУДНИК МУЗЕЯ: Все может быть. Но, я думаю, обо всем этом вам надо разговаривать с нашей еврейской общиной.

ЭФРАИМ: Конечно, я уже был у них. Но, я думаю, если вы работаете с городской историей, а немалую часть местного населения составляли евреи, которые способствовали развитию города и культуры, которые прославили Паневежис во всем мире... Знаете вы это? И знаете, почему название Паневежиса известно во всем мире? Потому что здесь была иешива. Ее теперешний адрес — улица Саванорю, 11. И по сей день в Израиле есть иешива, которая так называется. Это важно? Неважно? Или вы хотите мне сказать, что история еврейской общины —

это не история Паневежиса? Это были “не свои”, а другие, чужие вам люди?

СОТРУДНИК МУЗЕЯ: Думаю, вы могли бы подать жалобу в правительство. Вернее сказать, напишите местным властям. Они — наши учредители, и они решают, что показывать и чего не показывать в этом музее.

ЭФРАИМ: Но я хочу спросить у вас, дала ли что-нибудь городу эта община?

СОТРУДНИК МУЗЕЯ: А я — у вас. Сколько людей в мире знает Паневежис из-за того, о чем вы говорите?

ЭФРАИМ: Четыре миллиона.

СОТРУДНИК МУЗЕЯ: Вы так думаете?

ЭФРАИМ: Я это знаю. Паневежис был уникальным.

СОТРУДНИК МУЗЕЯ: Хорошо, я об этом подумаю. Я рад, что услышал это, потому что теперь смогу рассказать об этом и посетителям музея. Всего хорошего.

Социальный портрет осужденных, участников Холокоста, в Паневежском округе (исследование Римантаса Загрецкаса):

Профессии:

Из 47 человек 22 — землевладельцы, профессии остальных: 5 — учителя, 3 — сторожа, 2 — портные, 2 — сельскохозяйственные рабочие, а также страховой агент, почтальон, счетовод, кузнец и торфокоп.

Образование:

из 47 человек 24 неграмотных или закончивших не больше трех классов начальной школы.

Разговор с врагом

ВИЛЬНЮС — КАУНАС

ЭФРАИМ: Мы еще не говорили об антисемитизме в Литве...

РУТА: Хорошо, давайте поговорим. Не могу утаить, что некоторые мои приятели и знакомые — изрядные антисемиты. Только поколение моих детей — уже нет. Я этих своих знакомых понимаю. Мы почти все родом из деревень. В Вильнюсе до войны литовцев было, может, всего несколько процентов. И в других городах, за исключением Каунаса, не больше. Наши деды и прадеды были не очень образованными, так что они, естественно, переняли все истины, которые насаждала Церковь, а вместе с ними — и предрассудки. Когда наши родители перебрались жить в города, там уже не было евреев. Я имею в виду литовских евреев, литваков — образованных, людей высокой культуры. Книжных людей. Мое поколение не знает литваков, может, мы даже ни одного из них не встречали. Они были убиты или в советское время уехали из Литвы за границу. На место литваков после войны явились другие, не похожие на них евреи — с территории СССР, русскоязычные, часто просоветские, не очень образованные. Они получили квартиры и работу, поскольку официальным государственным языком в то время был русский, перед ними открывались все двери. Мы с этими евреями, само собой разумеется, не общались. Мы их не уважали, думаю, и они нас тоже, поскольку они не интересовались нашей культурой, не учили наш язык. Эти советские евреи окончательно убили наше желание интересоваться еврейской культурой и еще больше укрепили застаревший в наших голо-

вах стереотип жида-коммуниста. Так можно ли обвинять нас в том, что мы — антисемиты? Наш унаследованный от прадедов антисемитизм усилило послевоенное наше-ствие советских евреев.

ЭФРАИМ: Но вы учились в университетах и должны были встречать преподавателей-евреев, которые открыли вам глаза на более широкий мир истории, философии...

РУТА: Что вы говорите? Мы ведь выпускники советских университетов, где большинство преподавателей открывали нам глаза на мир марксизма-ленинизма. Только единицы, которых не выловила советская госбезопасность, были другими. Может, среди них и был какой-нибудь еврей, но мне о таком слышать не доводилось. Я сама училась в Москве и встречала много необыкновенно интересных евреев, потому что Москва была центром еврейских интеллектуалов, ученых, художников. Однако в Литве этого не было. Мы, литовцы, так и не познакомились с культурой своих евреев. И чем меньше мы знаем, тем больше места для предрассудков, тем крепче наш старый добрый антисемитизм.

ЭФРАИМ: Это очень интересный аргумент. Он многое объясняет, например, почему немало ваших родственников или знакомых, с которыми вы говорили об этой книге, смотрят на нее отрицательно. Это, наверное, умные и образованные люди, однако все, что связано с еврейской тематикой, для них неприемлемо. Как если бы в их сознании была одна наглухо закрытая дверь.

РУТА: Я не вышибу эту дверь, чтобы прорваться в сознание таких людей. Никто не вышибет. Дверь откроется тогда, ко-

гда откроется, когда придет время для этого. В этом смысле мы, скорее всего, потерянное поколение. И уже не изменимся.

ЭФРАИМ: Скорее всего, вы правы. Потерянное поколение. Люди, с которыми я говорил в Литве все эти двадцать пять лет, и были представителями этого поколения.

РУТА: Они смотрели на вас и думали: ясно, этот еврей тоже просоветский, кроме того, он делает деньги на Холокосте. Это его бизнес.

ЭФРАИМ: Что мне надо было сделать, чтобы мнение ваших обо мне изменилось?

РУТА: Дайте нам денег. Поделитесь.

ЭФРАИМ: Нет. Вы слишком коррумпированы... А что, по вашему мнению, отношение людей этого поколения к евреям говорит о сегодняшнем литовском обществе?

РУТА: Вы сами знаете, что оно говорит. Говорит, что мы должны обвинять Советы в куда большем количестве вещей, чем думали до сих пор. В нашем антисемитизме виноваты тоже они.

ЭФРАИМ: Но литовцы были антисемитами еще до прихода Советов. После этого положение только ухудшилось.

РУТА: Да. Советы ухудшили положение. И теперь мы очень плохие.

Каунас / Ковне

В конце XIX века в Каунасе жили 25 548 евреев (35,9% всего населения города).

2015 ГОД

Двор гаража “Летукис”. Здесь 27 июня 1941 года произошло одно из первых и самых жестоких убийств евреев в Литве. На глазах у толпы любопытных металлическими штангами были насмерть забиты, кажется, пятьдесят два каунасских еврея. Убивали, как рассказывают, выпущенные из тюрьмы, где их пытало НКВД, узники-литовцы. Один из них позже сказал, что сделал это, ослепленный злобой, и потом очень раскаивался.

Впервые нас сопровождает не литовец, а еврей, известный старый знаток еврейского Каунаса Хаим Баргман. Его имя, слава богу, не надо скрывать, как имена других сопровождавших нас людей... Он не боится.

ЭФРАИМ: Мы стоим напротив памятника жертвам убийства в гараже “Летукуса”. Надпись на памятнике свидетельствует о том, что здесь были убиты несколько десятков евреев. Но кто их убил? Вулкан, цунами, землетрясение?

РУТА: Я читала свидетельство одного из участников убийства. Это был унтер-офицер литовской армии, отбывавший заключение в каунасской каторжной тюрьме. Он заговорил лишь несколько десятилетий спустя. Цитирую: “Я из тех, кто совершал экзекуции. Выйдя из тюрьмы, я был охвачен жадной мести, и, когда эти евреи стали нам сопротивляться, у меня нервы не выдержали”¹.

ХАИМ: Я опираюсь на рассказ свидетеля Вацловаса Водзинскаса. На одном из семинаров, организованных университетом Витаутаса Великого, Водзинскас рассказал, что он — тогда шестнадцатилетний юноша — ехал на велосипеде мимо гаража “Летукуса” и увидел группу арестованных еврейских мужчин, которых вели из Желтой тюрьмы. “Желтой” называли каунасскую каторжную тюрьму, потому что ее здание было выкрашено в желтый цвет. В VII форт, где был устроен концентрационный лагерь, евреев сопровождали всего четыре или пять охранников.

Во дворе гаража “Летукуса” до прихода немцев держали красноармейских коней. Нацисты велели сторожу вычистить двор гаража, потому что он был завален конским навозом. Этот сторож увидел, как мимо ведут колонну евреев, подбежал к охранникам и сказал, что евреи — друзья русских, так пусть они и убирают навоз русских

¹ Henrikas Žemelis. *Juodasis Lietuvos istorijos lapas*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 598–599.

коней. Охранники привели евреев во двор гаража. Вот почему все то, что произошло, произошло здесь.

Водзинкас прислонил велосипед к дереву, влез на дерево и смотрел, как евреи убирают территорию гаража. Они собирали навоз руками. Другие дети тоже залезли на деревья и за всем наблюдали. Тем временем во двор въехал грузовик с четырьмя немецкими солдатами. Грузовик тоже был грязный, и потому кто-то притащил моечный шланг и пустил воду, чтобы евреи могли сполоснуть руки и вымыть грузовик.

ЭФРАИМ: Что там делала толпа людей?

ХАИМ: Евреев убивали очень жестоко. Люди на улице слышали крики и пришли посмотреть, что происходит.

ЭФРАИМ: Правда ли, что евреев убивали двумя способами — одни из них были насмерть забиты металлическими штангами, другие погибли еще более страшно: жертву заставляли открыть рот и из моечного шланга лили внутрь воду до тех пор, пока внутренности не разрывались...

ХАИМ: Это все неправда. Водяные шланги притащили для того, чтобы евреи могли вымыть испачканные в навозе руки. Один еврей, когда ему было приказано голыми руками убирать конский навоз, ударил литовских охранников и убежал на еврейское кладбище по ту сторону забора. Он бежал быстро, но пуля летела еще быстрее. С этого все и началось. Охранники стали избивать евреев металлическими штангами. Забили всех до одного. Собравшиеся у гаража наблюдали за этим до самого конца. Водзинкас тоже. Позже он сказал, что бойня его ни-

сколько не потрясла, потому что “евреи еще не таких бед натворили”.

РУТА: Эфраим, но ведь вы тридцать лет всему миру рассказываете, что в гараже “Летукиса” литовцы убивали евреев, закачивая воду им во внутренности. Это неправда. Вы тридцать лет лжете.

ЭФРАИМ: Я читал свидетельство фотографа немецкой армии. Он рассказывает о том, что видел. У этого человека не было никаких оснований лгать. Это свидетельство беспристрастного наблюдателя.

РУТА: Удивительная новость: охотник за нацистами больше всего верит свидетельствам нацистов! Хорошо, сжалюсь над вами. Я слышала рассказ одной литовской женщины-врача: она была здесь, когда происходили убийства, и видела то, о чем рассказывает нацист, которого вы цитируете. Вода, которую льют в рот, и все прочее.

ЭФРАИМ: Правда ли, что, когда бойня закончилась, толпа запела гимн Литвы? Так сказал тот немецкий фотограф.

ХАИМ: Ничего подобного. Когда все евреи были убиты и лежали на земле, со стороны железнодорожного вокзала подошли двое бездомных. У одного из них была гармошка. Кто-то из охранников попросил: “Сыграй им марш евреев Слободки”. Старые каунасцы очень хорошо знают этот марш, хотя бы его мелодию.

РУТА: Тот немецкий фотограф не знал, что это за песня, спросил у стоящих рядом людей, они и подшутили над ним.

ХАИМ: Да, по миру странствует легенда о том, что после убийства толпа запела гимн Литвы. Евреи и распространили эту легенду — они не знали марша евреев Слободки, это была антисемитская песенка, полюбившаяся каунасскому простонародью.

РУТА: Эфраим, вы еще и эту ложь тридцать лет распространяете по всему миру — про литовцев, поющих гимн после бойни “Летукиса”. И это вам доказала не я, литовка, а еврей, из ваших... Спасибо вам, Хаим, от имени всего литовского народа за то, что развеяли ложь.

VII ФОРТ КАУНАСА

Каунасский VII форт не пустует. Здесь действует детский летний дневной лагерь. Юноша, один из вожатых этого лагеря, ведет нас к месту массовых убийств на территории форта, у самой ограды, за которой жилые дома. Яма, заросшая высокой травой. Торчит мемориальный столбик, которым отмечено место убийства. Когда, кто, сколько погибших?

Спрашиваем юношу, что сейчас устроено в форте. Здесь работает Музей холодной войны. А в других зданиях — химические лаборатории. Занимаются дети.

Здесь, в Каунасском VII форте, Временное правительство в июне 1941 года решило устроить первый в Литве концентрационный лагерь и выделило деньги батальону, охранявшему согнанных сюда каунасских евреев. Здесь, в VII форте, 1-я и 3-я роты Национального трудового охранного батальона 6 июля убивали людей. Убивали, экономя время: с вечера расстреливали, поделив на группы, на следующий день всех оставшихся загнали в одну яму, уложили в ряд и расстрели-

вали полтора часа. Стреляли до тех пор, пока все в яме не перестали шевелиться. Сколько людей были всего лишь ранены, мучились, пока — может, только через полтора часа — пуля какого-нибудь зубного техника Матюкаса или другого бойца батальона их прикончила?

В советское время форт был военным объектом, так что ни посещать его было нельзя, ни проводить расследование, ни почтить память жертв. За двадцать лет независимости Литвы здесь ничего не расследовали и память жертв ни разу не почтили. В 2009 году Каунасский VII форт был приватизирован. Со всеми пятью тысячами похороненных здесь евреев, убитых бойцами Национального трудового охранного батальона. Собственник начал приводить в порядок территорию в семь гектаров, и, пока он этим занимался, в 2012 году произошла вот такая неожиданность. Рассказывает Владимир Орлов:

Разгребая свалку со стороны улицы Гервечю, мы вывезли не один грузовик мусора. В яме под ним оказался слой извести, из которой высывались словно бы какие-то палки. Это были кости убитых людей.

Выкачав заполнявшую яму воду, я сунул в нее руку и нащупал огромное количество костей, слой мог быть толщиной в несколько метров¹.

О находке были информированы полиция, департамент культурного наследия и еврейская община. Никто никаких действий не предпринял, и владелец форта сложил кости в три мусорных мешка и так и оставил.

Когда средства массовой информации обнародовали этот факт, Каунасское городское самоуправление создало комиссию с замысловатым названием “О перенесении остан-

¹ Nerijus Povilaitis. *Nesutariama, kaip laidoti nužudytų žydų kaulus*. Iš: *Lrytas.lt*, 3 октября 2014 г.

ков участников сопротивления и других лиц, убитых в период оккупационного режима в Литве, и увековечении мест погребения”. Комиссией руководил устроитель фестиваля *Kaunas Jazz*, бывший министр культуры Йонас Ючас. За два года обсуждений комиссия собиралась два раза.

Только в 2014 году кости вернулись обратно в свою могильную яму — из трех мешков были перенесены туда, где и были найдены.

На сайте в интернете Каунасский VII форт представлен как “природный и исторический оазис”. В оазисе устраивают празднование Йонинес — Иванова дня, детские дни рождения и корпоративные вечеринки. Каунасцы или гости города (не иначе евреи), разозленные шумными сборищами, обратились к каунасским хранителям культурного наследия, а те, в свою очередь, обратились к собственникам форта с просьбой не устраивать в форте праздников, игр и подобных развлекательных мероприятий. Собственники ответили, что все устраиваемые здесь мероприятия носят просветительский характер.

Сейчас сайт Каунасского VII форта предлагает проводить там детские дни рождения и приглашает на разные образовательные мероприятия, среди которых есть и мероприятие под названием “Поиск клада”. Оно охватывает все семь гектаров территории.

Семьдесят пять лет назад в одной большой яме, полной убитых, “клад” искал убийца, любитель золотых предметов Пранас Матюкас, который позже, после войны, работал зубным техником в Йонишкелисе. Сколько золота, выданного из ртов убитых, было перелито и вставлено в рты жителей Йонишкелиса? А может, один-два золотых зуба все же остались в Каунасе, в яме форта, и стоит заплатить три евро за образовательный “поиск клада”?

Вильнюс / Вильне

В конце XIX века в Вильнюсе жили 63 996 евреев (41,4% всего населения города).

Последний день путешествия. Остался только Вильнюс. Мой город. И их город, город евреев — литовский Иерусалим.

Чеслав Милош пишет:

Сегодня с изумлением размышляю о навсегда исчезнувшем еврейском Вильнюсе. Это был город огромной сосредоточенной энергии, издательств, выпускавших книги на иврите и идише, столица, местопребывание литературы и театров. С этой точки зрения с Вильнюсом мог конкурировать только Нью-Йорк¹.

Начнем с окрестностей Вильнюса, которые буквально усеяны еврейскими захоронениями. Особый отряд и здесь по-

1 *Garažas: aukos, budeliai, stebėtojai*, p. 112.

работал, не только в Панеряе... Совсем рядом с Вильнюсом, в окрестностях Новой Вильни, есть Лысая Гора, около которой Особый отряд 22 сентября 1941 года расстрелял 1159 евреев. До того как расстрелять, евреев несколько дней держали взаперти под охраной в Велючёнисе, в колонии.

Где этот Велючёнис? Какая еще колония? Какая Лысая Гора? Пятьдесят лет живу в Вильнюсе, ничего про эти места не слышала.

Немало поплутав по дороге, видим указатель к Велючёнису, а рядом — надпись: “Еврейское кладбище — 2 км”.

Колония в Велючёнисе — старое усадебное здание, не видевшее ремонта, наверное, с царских времен. Спрашиваем у одной встретившейся нам деревенской женщины, у другой, у третьей, где это еврейское кладбище и только ли это кладбище или место гибели евреев. Ни одна из этих женщин не понимает по-литовски. У всех почему-то беззубые или наполовину беззубые рты. “Не знаем, спросите у охраны колонии”, — говорят они по-русски.

Колония учреждена еще в 1900 году, теперь она называется Детским центром социализации. Здесь находятся те дети, с которыми не справляются в приютах. В царское время сюда привозили мальчиков от десяти до шестнадцати лет из Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний, написано на страничке центра в интернете. После Первой мировой войны здесь действовала земледельческо-ремесленная колония для еврейских мальчиков. Во время Второй мировой войны здесь был устроен еврейский детский лагерь. “Куда их увозили, деревенские старожилы не знают...” — так написано.

А увозили недалеко. Точнее говоря, за один день увезли всех, поскольку Особый отряд и с бóльшим количеством управлялся всего за день. Деревенские старожилы не знают, но, скорее всего, их отцы слышали, что еврейские мальчики и еще тысячи других были расстреляны в километре или

нескольких километрах отсюда. Этого места расстрела и вам не найти. Мы попусту бродили по тропинкам, которые заканчивались кустами, и наконец в усадьбе рядом с железной дорогой увидели человека. Упросили его сесть в машину и показать нам место гибели евреев, которое почему-то названо кладбищем. Этот человек — заядлый грибник, вот когда-то, ища грибы среди кустов, он и нашел это место с маленьким памятником. Потом он туда, может, лет пять не забредал. Видно, место не грибное.

Дороги нет. Нет и тропинки. Пробираемся через крапиву выше человеческого роста, но путь нам преграждает канава. Приходится вернуться, пытаемся зайти с другой стороны. Там тоже крапива, да еще огромная куча мусора. Согласно европейской директиве, по всей Литве такие мусорные свалки ликвидированы, закрыта и эта, но наш грибник говорит, что местным по барабану, они все равно мусор сюда везут, как привыкли. “Это символический памятник погибшим евреям”, — говорит Эфраим, показывая на смердящую кучу отбросов.. Что ж, враг есть враг.

Грибник упрям. Упрямы и мы с врагом. Примерно через час наконец находим, что искали. В зарослях у откоса — маленький советский памятник, установленный в 1951 году. 1159 погибших.

Один из убийц, от чьей руки в этом захолустье погибли и еврейские дети, в 1978 году писал в тюрьме своим детям об ожидающей его смерти:

Не ждите не дождетесь
 Отец не вернется
 Потому что желтый могильный песок
 Засыплет мне глаза¹.

1 Перевод В. Лавкиной.

Боялся смерти человек. Очень детей любил.

Грибник берет плату за труд, пять евро. Вздыхает, что колония слишком близко, все страдают, потому что воспитанников стерегут и не могут устеречь пожилые женщины, так те всё сбегают, магазин грабят, а недавно несколько из них одного своего друга убили. Закопали живьем в карьере совсем рядом с могилой евреев.

Мы в пятнадцати километрах от Вильнюса. Возвращаемся молча. Надо купить какую-нибудь мазь для рук, обстрекались, когда лезли через крапиву. Возвращаемся из зарослей в цивилизованный мир, туда, где мы еще не были, но куда непременно должны добраться. На последние полдня мы оставили дом погибшего тезки Зуроффа — Эфраима Зара — на улице Шопена, рядом с железнодорожным вокзалом. Дом № 3, квартира 19.

Эфраим Зар руководил иешивой в Восточной Польше, когда ее в 1939 году оккупировали Советы. Вильнюс тогда перешел к Литве. Евреи — раввины и учащиеся двадцати трех иешив, которые были в Польше, — поняли, что Советы закроют все учебные заведения, и тогда стали массово перебираться в Вильнюс. В 1939 году здесь поселились 2660 студентов и 171 раввин из Восточной Польши. Эфраим Зар был одним из них. Его очень любили студенты, его лекции собирали полные аудитории и в Польше, и в Литве. В 1959 году Вильнюс стал городом, где были лучшие в мире иешивы.

В июле 1941 года, 13 или 14 числа, раввин Эфраим Зар вышел из своей квартиры на улице Шопена и свернул на улицу Пилимо. В тот день белоповязочники искали раввинов, которых узнавали по бородам, и забирали их. Забрали и Эфраима. Увезли. Говорят, что в Лукишки, однако мы искали его фамилию в тюремной книге Лукишкской тюрьмы, которая хранится в Центральном государственном архиве, и не встретили ее. Скорее всего, Эфраима Зара с улицы Пилимо увезли прямо

в Панеряй и там расстреляли вместе с первыми обреченными на смерть вильнюсскими евреями. В дневнике Казимежа Саковича записано, что расстрелы в Панеряе начались 11 июля. Следом за Эфраимом несколько дней или недель спустя в Панеряй, только, может быть, уже в другую яму, прибыла и его семья: жена Бейла и два их сына — Гирш и Элиягу.

2015 ГОД

Во дворе дома №3 по улице Шопена застаем парочку. Дом ремонтируется, здесь трудятся молодой мужчина и женщина, от обоих пахивает. На руках у женщины — девочка нескольких месяцев от роду. Они устроят, чтобы нас пустили в подъезд. Кому-то звонят, договариваются. Наконец через окно лестничной клетки высовывает голову какой-то дядька. Злобно смотрит на Зуроффа. “Чего ему здесь надо?” Говорим — человек приехал из Израиля, хочет посмотреть, где жил брат его деда, убитый в Панеряе. “Врет, — говорит мужчина. — Не того ему надо. Я его знаю, видел по телевизору”. Некоторое время поупиравшись, он все-таки впускает нас в подъезд, где на четвертом этаже находится квартира №19. Мужчина стоит рядом с нами, злобно бубнит: “Пусть не рассказывает, не было здесь никакого деда и никакого брата. Чего он тут ищет?”

Выйдя из подъезда, хотим отблагодарить парочку с малышкой. “Может быть, купить что-нибудь вашей дочурке?” — “Я не знаю, что она ест, — говорит мать. — Мы ее только забрали из детского дома, не знаем, что и давать. Ее у нас отняли, когда дом сгорел, и теперь дали только на выходные. Может, памперсов купите?”

Последний объект путешествия — Панеряй. Здесь семью раввина Эфраима Зара ждала пуля Особого отряда в голову и полная трупов яма.

Панеряйский музей — всего один домик, всего одна большая комната. На стенах комнаты несколько еврейских фамилий, почему-то всего несколько из семидесяти тысяч убитых здесь. Несколько десятков фотографий, на одних — евреи, на других — поляки, и еще советские военнопленные и погибшие здесь литовцы. Почему-то на экране крутят фильм про японского дипломата Сугихару. Плата за вход в домик — три евро.

Никак не обозначена и дорога, по которой приводили и привозили обреченных на смерть. Спрашиваем людей у магазина, может, кто знает. Нет, никто не знает. Никто не говорит по-литовски. Идите, говорят, там есть мама Риал, там и спрашивайте. В каком доме живет эта мама Риал? Нет, не мама Риал, а мамариал. А, мемориал... Наконец у гига мемориала все и выясняем. Дорога смертников, оказывается, совсем не та, по которой теперь приезжают в Панеряй. Она идет сбоку от железной дороги. А на каком месте стояла будка железнодорожника Янковского? Где был дом Саковича, из которого он, спрятавшись, видел совершавшиеся совсем рядом убийства? Где был двор Сенюца, из которого страшная сука Мышка вечерами прибежала к яме и ела тела убитых, а однажды утром, вернувшись, притащила кишки?

Домов здесь всего четыре. Идем от одного к другому. Некоторые — нежилые развалюхи, другие уже отремонтированы. Людей нигде нет. Лают собаки. У самых ворот бывшей “базы” стоит разрушенный сарай. Из него выходит большой черный пес. Не лает. Медленно идет к нам, за ним волочится цепь. Пес останавливается. Смотрит на нас, смотрит очень странно, словно сквозь нас, не видя. Глаза голубые, без зрачков. Пес слепой. Черный пес панеряйского ада. Мы оба подумали об одном и том же.

Наше путешествие закончено.

Белоруссия / Райсн

Могу ли я закончить книгу главой про Панеряй? И да, и нет. Не дают покоя приведенные в этой книге свидетельства двух бойцов батальона Антанаса Импулявичюса. Свидетельства тех, кого в 1941 году послали из Литвы в Белоруссию. Откомандировали убивать. Уезжая, они, как и остальные 475 бойцов батальона Импулявичюса, не знали, что до весны 1942 года они в пятнадцати местах убьют больше пятнадцати тысяч человек.

Мы должны туда съездить. Враг, который никогда не был в Белоруссии, тоже поедет.

Отправляемся по следам рассказа Юозаса Алексиноса. В городок Дукора.

Бойцы Импулявичюса, которых 6 октября торжественно провожали в Каунасе (“Везде и всегда показывайте себя достойными благородного имени литовского воина, ибо вы представляете весь литовский народ”), 8 октября уже были в Дукоре, маленьком городке в сорока километрах от Минска. Там всего две улицы.

Бойцы 2 (12)-го батальона полиции под командованием ротного командира лейтенанта Зенонаса Кемзуры прибыли на грузовиках. Вместе с ними на легковом автомобиле приехали четверо или пятеро немецких офицеров. Прибыв на место, бойцы батальона окружили городок Дукура и пригнали евреев на рыночную площадь. От площади смертников, построенных в колонны, под конвоем вели по Речной улице и мосту через речку Свислочь на луг за городом¹.

Идем по Дукоре в сторону реки. Мостовая старая, ей лет сто — тоже та самая, по которой только что прибывшие с родины молодые литовские мужчины вели четыреста городских евреев. Бойцов ждало первое в поездке убийство. Это была 1-я рота батальона, уже имеющая опыт убийства людей в VII форте. Испытанные убийцы, хотя в Дукоре их ожидало нечто новое: стрельба разрывными пулями. Как сказал солдат из этого батальона Юозас Алексинас: “Там были разрывные пули, они очень быстро разносят человеку затылок”. Первый раз это был только для командира роты Зенона Кемзуры. Как рассказал Ю. Алексинас, одежда и тела убитых горели, на горящих влезали другие смертники, на них снова другие, и так пока яма не заполнилась.

Мост через речку Свислочь тоже тот самый, очень старый. Луг тот самый, очень большой. Он заканчивается у кустарника. Когда разрывные пули разнесли 394 человеческих затылка, литовцы отправились искать тех, кто спрятался в лесу, нашли семерых и вместе с немцами тоже расстреляли. Не уезжали, пока не закончили работу.

В октябре 2015 года мы стоим на лугу рядом с кустами, рядом с советским памятником. Убитые люди, скорее всего,

¹ Alfredas Rukšėnas. *Kauno 2-asis pagalbinės policijos batalionas ir gyventojų žudynės Baltarusijoje 1941–1943 m. Iš: Genocidas ir rezistencija*, 2007, № 2 (22), p. 30.

полегли в тех же самых кустах — там небольшое возвышение, там, видно, пригнанные литовцами жители Дукоры и закопали тела своих соседей. Соседей, с которыми, возможно, только вчера здоровались на улице или хлеб у них покупали. Две старушки из Дукоры, у которых мы спросили про убийства, сказали, что тогда на том месте земля целых несколько дней шевелилась и что никто не знает, кто убивал. Немцы, наверное. Откуда людям знать?

Из Дукоры едем туда, где в 1941 году свой первый и единственный выстрел сделал другой боец батальона Импулявичыуса — Леонас Стонкус, его рассказ есть в этой книге. Руденск, городок рядом с железной дорогой. Сюда литовцы из второй роты под командованием лейтенанта Юозаса Крикштапониса прибыли в товарных вагонах 10 октября 1941 года, через несколько дней после первых расстрелов в Дукоре. Для роты это было первое такое задание. Прежде бойцы батальона в Каунасе охраняли здания и аэродром. Командир этой роты Ю. Крикштапонис до прибытия в Руденск еще никогда не отдавал приказа стрелять в людей: “Готовься! Целься! Огонь!”

Часть литовских воинов, выполняя приказы офицеров, окружила городок и охраняла его. Другие вместе с немецкой жандармерией обходили дома, где жили евреи, забирали оттуда мужчин, женщин и детей и гнали их на площадь рядом с почтой. Оттуда смертников погнали на место убийства у железной дороги, в гравийный или песчаный карьер (там были выкопаны ямы). Бойцы 2-й роты под командованием офицера расстреляли смертников. Примерно пятнадцать бойцов этой роты расстреливать отказались, им командир роты лейтенант Юозас Крикштапонис велел отойти в сторону¹.

1 Ibid., p. 32.

Леонас Стонкус, видимо, был одним из тех пятнадцати отказавшихся. Он тогда выстрелил и ранил мужчину средних лет, а тот “видишь ли, не упал, он так клонился, клонился, клонился. Рядом унтер-офицер стоял, пульнул, так сразу упал”.

После этого выстрела Леонас отошел в сторону. Так ему велел командир роты Крикштапонис, после убийств в Руденске руководивший многими операциями в маленьких белорусских городах. Юозас Крикштапонис, племянник Антанаса Сметоны, позже партизанил в Литве. Так что теперь он уже герой Литвы, которому мы в Укмерге поставили памятник и чьим именем назвали площадь в центре города.

2015 год. Мы в Руденске, рядом с почтой, там, где тогда собрали городских евреев. Местный любитель выпить, ошивавшийся у магазина, садится с нами в машину и показывает карьер вблизи железной дороги, в самом городке. Идеальное место: крутой обрыв и глубокая яма. На обрыве стоит забор, за ним — огород местного жителя. На этом крутом обрыве тогда стояли литовцы, наши, Леонас и другие. В яме стояли, а потом упали в нее руденские евреи. Памятник есть, рядом с ним лежит венок из искусственных цветов, на котором написано: “Героям Великой Отечественной войны — от коллектива Руденского совхоза”. Кто убил руденских евреев? Любитель выпить говорит, что этого никто в городке не знает. Получив плату, 13 тысяч белорусских рублей — меньше евро, — любитель выпить пытается от нее отказаться, потому что он показывал нам место убийства не из-за денег, а потому что вообще никто это место не посещает.

Едем дальше. Туда, где 14 октября батальон Импулявичюса расстреливал людей, — в Свиловичи. Поскольку в Свиловичах убивали посреди города, в яме рядом с главной улицей, бойцы 3-й роты, по рассказам свидетелей, “смертников расстреливали неохотно и потому от расстрела были от-

странены”¹. Третья рота до тех пор никогда еще не убивала. Ее командир Юозас Усялис — тоже нет. Несмотря на то, что все они были новичками в этом деле, несмотря на то, что расстреливали неохотно, от рук литовцев в Свиловичах, в самом центре городка, 14 октября 1941 года в яму упали от 1000 до 1600 местных жителей.

Одно место для нас особенно важно. Сегодня 28 октября, годовщина убийства евреев в Слуцке. Здесь расстреливал уже весь батальон Импулявичюса — работы было много. Как раз после Слуцка и писал своему начальству ошеломленный жестокостью литовцев гебитскомиссар Карл: “Умоляю исполнить одну мою просьбу — в будущем прошу держать этот батальон как можно дальше от меня”.

Место слуцкого убийства, как и другие белорусские массовые захоронения, найти невозможно — никаких указателей на дорогах нет. Темнеет. На местном рыночке уговариваем торгующую яблоками пенсионерку сесть с нами в машину и поехать на поиски того места в двенадцати километрах от городка, в деревню Селище рядом с березовой рощицей. Едем. Пенсионерка Женя пятьдесят лет назад работала в селищевской библиотеке и каждый год в День победы должна была организовано вести пионеров с венками к памятнику. Она не была там с 1965 года. Но место убийства и памятник Женя находит. За пятьдесят лет здесь мало что изменилось. На единственном возложенном к памятнику пластиковом венке — выцветшая надпись: “Героям-освободителям Великой Отечественной войны”. 27–28 октября 1941 года здесь были убиты 8712 будущих “героев-освободителей”. Не менее 2250 их, по словам историка Альфредаса Рукшенаса, за два дня “убрали” бойцы батальона Антанаса Импулявичюса. Некоторые евреи все же были похоронены заживо, и, как писал гебитскомиссар Карл, они

1 Ibid., p.33.

могли выползти из засыпанных могил. Похоже, не выползли. Три тысячи евреев, на венках названных “освободителями”, были сожжены в находящейся рядом силосной яме.

На следующий день после слуцкого убийства бойцы отправились в Клецк, где их ждало еще больше евреев, около пяти тысяч. В Клецке евреев собрали якобы на митинг. Потом загнали в яму, где, согласно более поздним свидетельствам убийц из батальона Импулявичюса, они лежали ничком, один рядом с другим, на телах уже расстрелянных.

Едем в Клецк, там сотрудница краеведческого музея Ольга соглашается показать нам яму. Она сожалеет о том, что в музее нет ничего ни о евреях Клецка, ни об их гибели. Клецкая могила — посреди городка. Кто убивал? Скорее всего, фашисты, говорит Ольга. На пригорке, за оградой — большое, нарядное православное и католическое кладбище. По эту сторону ограды — только глубокая яма с останками пяти тысяч погибших. Две тысячи из них, по словам историков, 30 октября убили прибывшие из Минска литовцы. Наши. По свидетельствам, убивали добровольцы, а если достаточно добровольцев не находилось, военнотружущих назначали расстреливать.

Неужели, думаю, я — первый человек из Литвы, который в Руденск, Свиловичи, Слуцк и к этой яме в Клецке приехал, действительно зная, куда приехал и зачем? Неужели и последний? Ведь, насколько мне известно, даже литовские историки, пишущие о Холокосте, по этим дорогам не проехали. Нет на это средств у нашего государства.

В Минске нас ждет торжественно открытый Александром Лукашенко мемориал Малы Трасцянец. Здесь убиты 206 тысяч евреев — почти втрое больше, чем в Панеряе. Территория мемориала огромна. Много надписей. Нигде не упомянуто, кто погиб. Погибли просто *люди*. Мимо идет галдящая группа двенадцатилетних школьников. Не могу

утерпеть и спрашиваю, что здесь было, что знают они. Мальчики один за другим отвечают: “Здесь фашисты убивали партизан и подпольщиков”. — “Евреев?” — спрашиваю я. “Нет, наших, белорусов”. — “А почему убивали?” — “Были сражения, потом взяли в плен и здесь держали”. — “А убивали только мужчин?” — “Нет, и детей держали. Кормили их свеклой и брали кровь. Учительница сказала”. — “А для чего эта кровь?” — “Для экспериментов”, — уверенно отвечают дети. Потом один поинтересовался, откуда мы, и прямо-таки прося, услышав, что мы приехали из Литвы. “Круто там у вас?”

В Минском национальном архиве пытаемся найти больше материалов об убийствах, совершенных батальоном Антанаса Импулявичюса. Увы... Архивы КГБ с протоколами допросов в Белоруссии недоступны. В других государственных и региональных архивах — только общие сведения о фашистских палачах и их пособниках, которые убивали ни в чем не повинных советских граждан. Это официальная, старая и неопровержимая версия... Ни дети, ни взрослые в этой стране не знают, что на их земле погибли не мирные граждане вообще, не солдаты-освободители, а сотни тысяч простых евреев. Пятнадцать тысяч из них убили простые молодые литовские парни. Которых ввели в заблуждение. Втянули. Погубили. Когда я читала протоколы допросов этих парней, самым страшным было то, что многие из них даже не знали названий городков и местечек, где убивали, только вспоминали, когда их допрашивали, что был какой-то городок “на холме” или “рядом с железной дорогой”. В белорусских местечках, куда литовцев привозили на несколько часов, евреи жили столетиями, а погибли за несколько секунд. Последнее слово, которое все они слышали, перед тем как умереть, было литовское “*Ugnis!*” — “Огонь!”

ПРОЩАНИЕ С ВРАГОМ

Дорога в аэропорт

РУТА: В Белоруссии меня больше всего удивило то, что продолжает жить советская легенда: евреев, убитых во время Холокоста, по-прежнему называют либо “мирными жителями”, либо “героями Великой Отечественной войны” и даже “освободителями”. Значит, смерть сотен тысяч погибших все еще используется для пропаганды. В Литве мы бы назвали это “šokių ant kapo” — “пляской на могиле”.

ЭФРАИМ: Вся поездка в Белоруссию, особенно в Малы Трасцянец, стала для меня очень болезненным опытом. Огромный мемориал — и нигде ни слова про евреев. Встретить детей и услышать, что здесь были расстреляны двести тысяч советских партизан — словно очутиться в Диснейленде, страшном Диснейленде Холокоста, где создана искусственная реальность. Теперь я действительно узнал, что историю Холокоста искажают двумя различными способами. Националистическим образом в Литве и коммунистическим, я бы даже сказал, сталинистским в Белоруссии. Ни литовцы, ни белорусы не отрицают, что сотни тысяч людей были убиты. В Литве признают,

что убитые были евреями, но скрывают, кто были убийцы, а в Белоруссии скрывают и кто были убийцы, и кто — жертвы. Есть только жертвы и фашисты.

РУТА: Так вы согласны с тем, что в Белоруссии ситуация еще хуже, чем в Литве?

ЭФРАИМ: Знаете что? Это не какой-нибудь международный конкурс — какая из стран больше или меньше исказила историю. И еще: это книга о Литве. Нас интересует вот этот факт: литовцы ездили убивать евреев, которые не имели к ним никакого отношения, которые жили в другой стране. Вы можете сколько угодно утверждать, что литовцы убивали евреев своего края, потому что думали так послужить Литве. Это можно было бы понять, хотя это неприятная теория. Однако командировка в Белоруссию не имеет ничего общего с независимостью Литвы. Единственным мотивом такой поездки могло быть то, что литовцы хотели помочь нацистам справиться со взятой ими на себя “священной” миссией: смести евреев с лица Земли.

РУТА: Но есть одна важная вещь, о которой говорят наши историки. Бойцы батальона Антанаса Импулявичюса ехали в Белоруссию не убивать евреев, а помочь немцам воевать с советскими партизанами. Так им было сказано перед отправкой. А потом, через несколько дней после прибытия, их везли в Дукору, Руденск или Свиловичи, заставляли арестовывать евреев у них дома и расстреливать мужчин, женщин, стариков и детей. Для многих солдат и для всех трех ротных командиров это было полной неожиданностью. Вот почему так много было бойцов, которые в Свиловичах расстреливали неохотно,

а в Руденске пятнадцать человек вообще расстреливать отказались.

ЭФРАИМ: Я согласен, сказанное вами сейчас показывает, что ситуация была намного сложнее. Но пусть и “неохотно”, они все же расстреливали. Литовские войны расстреляли ни в чем не повинных белорусских евреев.

РУТА: Я только хотела подчеркнуть, что все это не было только белым или только черным.

ЭФРАИМ: Все не было белым и черным до самой последней минуты. До убийства. Белое и черное — таким был окончательный результат.

РУТА: Вы не совсем правы. Окончательный результат был черным и черным. И все еще остается таким.

ЭФРАИМ: Все это путешествие в “Шоамобиле” по тридцати или сорока местам массовых убийств было черным.

РУТА: Путешествуя и по Литве, и по Белоруссии, мы нашли одного общего врага — безразличие. Безразличие и к случившейся трагедии, и к памяти об убитых людях.

ЭФРАИМ: Два общих врага. Безразличие и незнание. Книга прежде всего будет предназначена для борьбы со вторым врагом. Я сам много чего не знал, много нового открыл для себя в этом путешествии. Я понял, какая маленькая ваша страна. Вы просто-напросто не в силах сделать то, чего я требовал от вас с самого начала. Ведь Франция признала свою вину за прогитлеровскую деятельность правительства Виши только через пятьдесят лет после войны.

А ведь Франция — очень сильное государство. Литва — маленькая, слабая и очень травмированная страна. У нее нет величественной традиции прав человека и правосудия. Вам потребуется много времени, чтобы эта традиция сформировалась. Про Белоруссию я даже и не говорю.

РУТА: Вы приехали в Литву в 1991 году, надеясь, что наша страна за ночь стала сильной и демократической?

ЭФРАИМ: Да, и эта надежда была беспочвенной. Наивно было надеяться, что вы сразу будете готовы к очной ставке со своим прошлым. Но, даже и признавая это, я не мог не потребовать, чтобы Литва взялась судить хотя бы тех нескольких преступников, которых Америка депортировала, и вы получили их на блюдечке. Суд в Литве над такими преступниками, как Лилейкис, Дайлиде или Гимжаускас, был бы очень прогрессивным делом. Устроив публичный суд над одним или несколькими военными преступниками, ваша страна продвинулась бы по пути демократии хотя бы на 20–30 лет вперед. Однако вы не осудили ни одного из этих пятнадцати убийц.

РУТА: Слишком поздно сожалеть о том, что мы этого не сделали. Никого из наших военных преступников уже нет в живых. Может быть, поэтому людям так легко все забыть: убийцы умерли, а те, кого они убили во время Холокоста теперь, к 2015 году, все равно бы уже умерли. Так что оставим умерших в покое. Предоставим Богу их судить. Может быть, Бог все-таки существует?

ЭФРАИМ: Я думаю о своей миссии в Литве. В один из дней мы с вами провели час в Национальной библиотеке Мартинаса Мажвидаса. Для меня это был очень неприятный

опыт. Я окончательно понял, что никакой иностранец не может убедить Литву встать лицом к лицу со своим прошлым. Я был удивлен тем, как много сделали литовские историки, исследуя Холокост. Историки, о которых я даже не знал. Почувствовал себя так, словно пребывал в заблуждении, словно был лишен всяких возможностей. Я не знал, как много в Литве было сделано, чтобы открыть правду. Я должен был постараться, чтобы то, что написано в Литве, было переведено и я смог бы прочитать исследования историков и опираться на них в своей работе. Я обязательно это сделаю.

РУТА: Я с вами не согласна, поскольку вы в первую очередь воюете с позицией официальной Литвы. Что бы ни писали историки, как бы вы ни опирались на их исследования, это ничего сильно не изменит. Не изменит позиции власти, не изменит общественного мнения. Только время это изменит. А если бы вы вмешались, историков, возможно, заставили бы замолчать, и белое пятно, которое мы называли черным, становилось бы все чернее...

ЭФРАИМ: Да, вы мне говорили, что в Литве о Холокосте почти все написано и почти ничто не прочитано. Вот почему эта книга так важна. Она делает открытую историками правду понятной многим людям, потому что это будет книга для обычных людей. Про обычных людей. Волнующая книга.

РУТА: Потому что это была волнующая дорога. Сначала только моя дорога — месяцы, проведенные в архивах за чтением дел убийц. Потом — путешествие с врагом по Литве, по пятнадцати городам, по тридцати местам массовых убийств. По Белоруссии и по ее местам

убийств. И перед этим путешествием, и после него в мою голову все равно не вмещается число жертв: десять тысяч в Укмерге? семьдесят тысяч в Панеряе? двести шесть тысяч в Минске? Помню, один еврей, кажется, писатель, сказал, что во время Холокоста убиты не мистические шесть миллионов евреев. Нет. Произошло шесть миллионов человекоубийств, и каждый раз погибал один конкретный человек. Все, что я могу себе представить, — это одного гибнущего человека. Это мужчина. Я вижу его стоящим спиной к убийцам, смотрящим в яму, в которую скоро упадет его тело. Упадет и навеки останется там, на телах других убитых, заваленное новыми убитыми. Я вижу, как пуля, выпущенная обычным молодым, может, выпившим литовским парнем, вонзается в затылок этого еврея. Входное отверстие будет 0,8 см, выходное — 8 см. В десять раз больше. Пуля просто разнесла изнутри мозг этого человека. Мозг еврея, который с малых лет учился, изучал Тору, много читал. Потом думаю про другого мужчину, про еврея из Руденска, о котором говорил боец Импулявичюса Леонас Стонкус. Когда Леонас выстрелил в свою единственную жертву, еврея средних лет, тот “клонился, клонился, клонился”, и тогда стоящий рядом унтер-офицер его прикончил. У Леонаса это был первый выстрел, после которого он больше не мог расстреливать. Я его понимаю. Он ведь свой. Вы никогда не поймете этого моего чувства.

ЭФРАИМ: Нет, и в самом деле никогда не пойму.

РУТА: Может быть, перед тем как проститься, еще раз послушаем псалом, наш дорожный гимн?

ЭФРАИМ: Хорошо.

Мы приближаемся к аэропорту. Враг отворачивается к окну. Слышу, как он снова рыдает, еще сильнее, чем в тот раз, у Шедувы.

РУТА: С вами все хорошо?

ЭФРАИМ: ...

РУТА: Не хотите разговаривать?

ЭФРАИМ: Нет. Хотя, может, и так. Меня вдруг охватило страшное чувство вины из-за того, что, уезжая из Литвы, я становлюсь предателем по отношению к жертвам. Как, думаю, я могу оставить их, засыпанных землей в ямах, которые так далеко от людских глаз, от людской памяти и понимания...

РУТА: Вы много для них сделали. Помните это. И помните, что я остаюсь.

ЭФРАИМ: Вы правы. Я их не предал. Однако кто-нибудь другой, кто живет в Литве, должен их помнить. Хоть кто-нибудь... Единственный способ для Литвы встать лицом к лицу со своим прошлым — если литовцы понесут знание дальше. Понесут другим литовцам. И знаете что? В этом случае произойдет нечто очень интересное. Убитые, мои люди, станут своими для вас. Но ваши никогда не станут своими для меня. Никогда.

РУТА: Я вас понимаю.

P.S. Когда путешествие закончилось и в Литве начался учебный год, я наконец получила от учительницы из школы в Сау-

летекисе слова псалма на иврите и послала текст в Иерусалим, попросив Эфраима перевести. Зурофф ответил:

Когда я слушал эту песню в пути, одна вещь меня расстраивала — я не понимал ее слов. Дети пели будто бы и на иврите, но я только два слова и мог разобрать: “*Yerushalayim*” (Иерусалим) и “*Hashem*” (Бог). Однако песня все равно была очень волнующей.

Когда вы переслали мне текст песни, я остолбенел. Особенно меня потрясла вторая строка:

“Ерушалаим харим савив ла Вашем савив лиамо”.

(“Иерусалим окружают (хранят) горы, и Бог покрывает (хранит) свой народ”).

Эти слова — страшный контраст с тем, что случилось в Литве, и с тем, что мы видели во время путешествия. Я столько раз, приезжая на тридцать мест убийств, произносил молитвы — кадиш, “Эль мале рахамим)¹, иногда добавляя и тексты из наших псалмов, и спрашивал себя: где был Бог Израиля?

Почему эти ужасные преступления, которые совершились во время Холокоста в Литве и в других местах мира, могли совершиться?

Жертвы были бессильны, так надо было, чтобы Бог был с ними. Но его не было.

Шабат шалом, Эфраим.

1 Боже милосердный (ивр.).

Послесловие
Где был Бог?

Разговор с Томасом Шярнасом

**РАЗГОВОР С ТОМАСОМ ШЯРНАСОМ, ЕДИНСТВЕННЫМ
ОСТАВШИМСЯ В ЖИВЫХ СВИДЕТЕЛЕМ УБИЙСТВ В МЯ-
ДИНИНКАЕ, ПАСТРОМ ЕВАНГЕЛИСТОВ-РЕФОРМАТОВ**

Евреи жили в Литве со времен Великого Княжества Литовского — значит, им здесь было хорошо. В 1941 году все хорошее закончилось, и за короткое время в Литве были истреблены почти все жившие здесь евреи. Однако не следует все упрощать: евреи говорят, что литовцы были убийцами евреев, наши деды, возможно, говорили, что евреи предали Литву и “пили христианскую кровь”. Реальность намного сложнее. Почему того, что случилось в Литве, не было в Дании? Литва с конца XVII века испытывала непрерывные потрясения: крепостное право, запрет письменности, утрата государственности, два неудачных восстания, уничтоживших литовскоязычную и польскоязычную элиту, несколько войн, несколько оккупаций — все это не прошло без последствий. Если бы Данию первыми оккупировали не немцы, а советские, и целый год рас-

поряжались бы в ней так, как распоряжались в Литве, может, и там все складывалось бы сходным образом.

Так что произошло?

Не забывайте, что, когда началась война, Литва была захвачена практически за одни сутки. Людей только что отправляли в ссылки, и некоторым действительно хотелось отомстить. Еще мы должны помнить, что Литва была очень молодой страной, в то время она только пыталась себя осознать. А осознать себя легче всего, отграничивая себя от других. Мы — не поляки и не русские, мы — честные литовцы. Среди интеллигентов стали поговаривать, что, может, и мы — арийцы. Начали раздавать брошюры, по радио и в прессе началась пропаганда, направленная против евреев, их называли слугами большевиков, паразитами и так далее. На простых людей обрушили мощную антисемитскую пропаганду. Сложилось во всех отношениях неблагоприятное для евреев положение. Меня интересует и огорчает человеческая ситуация: человек почувствовал себя загнанным в угол, ему грустно, ему страшно, его близкие высланы, сам он в растерянности. И вот человек получает большую дозу пропаганды, объясняющей, кто виноват во всем плохом и что делать. И человек берет в руки винтовку. Это сделали немногие из литовцев — но сделали.

Из всех моих знакомых вы — первый человек, который признал, что кто-то из его родных участвовал в Холокосте. Кто это был?

В моей родне никто об этом внятно не говорил. Были другие времена. Однако из рассказов стариков знаю, что Йонас, брат моего деда Йокубаса Шярнаса, вро-

де бы участвовал. Когда биржайских евреев загнали в костел, он сильно испугался и сбежал оттуда, уехал к моему деду в Вильнюс. Может, он конвоировал евреев, может, расстреливал — не знаю, но в семье были уверены, что он, с его характером, убивать не мог. Позже гестапо по ошибке увезло его вместо моего деда в Штуттофский концлагерь. Балис Сруога описал его в книге “Лес богов”¹ — это “кальвинист из Биржая”. Он спас от смерти Балиса Сруогу, спас и часть его сочинений. Позже близкие удивлялись, что, оказавшись в США, Йонас стал параноидально подозрительным. Эту перемену в его характере близкие связывали с тем, что ему довелось пережить в концлагере. Сейчас я думаю, что причин могло быть больше.

Почему нам, литовцам, так трудно взглянуть на прошлое и своей родни, и своей страны?

Может быть, отчасти в этом виновата слабая урбанизация нашего края? Я немного посмеиваюсь, но доля истины, думаю, здесь есть. Там, где люди давно живут в больших и маленьких городах, они привыкают больше доверять социуму, поднимать общественные вопросы, говорить правду. Литва была и все еще остается деревенской страной, где каждый за себя, родня за себя, а другим не доверяют. А в том, что мы не говорим про эти болячки, ничего удивительного нет. Литва еще мусор не научилась сортировать, так где уж там говорить о своих провинностях. Но когда-нибудь начать придется.

1 Балис Сруога (1896–1947) — литовский прозаик, публицист, эссеист, философ. В 1943–1945 годах был узником гитлеровского концлагеря Штуттоф, о чем и рассказал в книге “Лес богов” (“*Dievų miškas*”), написанной в 1945-м и изданной в 1957 году; в том же 1957 году появился и русский перевод Г. Кановича и Ф. Шуравина. (Прим. пер.)

ся. Не ради других, а только ради самих себя. Осознать себя, свое прошлое, и не говорить, будто не было того, что было. Люди боятся очной ставки с собой. Ведь труднее всего сказать правду себе. Но не надо бояться, что Литва закончится, если мы скажем эту правду, назовем все своими именами.

Что бы вы ответили тем, кто говорит: это давние времена, что было — то было, оставим мертвых в покое?

Видите ли, так не бывает, что прошлое прошло, и больше его нет. Сегодня есть настоящее, а завтра придет будущее. Это будущее зависит от того, как мы понимаем настоящее, а настоящее зависит от того, как мы понимаем прошлое. Еврейская мудрость гласит: мы можем изменить прошлое, если меняем настоящее. Ведь если мы сами не вспомним, не назовем вслух то, что было, всегда найдется тот, кто напомнит: Путин, Зурофф или кто-нибудь еще. И тогда мы или дети наши не будут знать, что ответить. Так лучше пусть знают, и пусть это будет правда, а не какие-нибудь выдумки.

Почему Бог допустил такие ужасы? Об этом спрашивали сами убийцы.

Не думаю, чтобы эти убийцы были верующими. Формально — да. Но в душе — нет. Может, они были уверены в том, что “жиды Христа распяли” или еще в чем-то подобном. Другие вообще не думали. Некогда было думать. Все были растеряны. Ничего не соображали. Создали эту Литву, верили они, и вдруг — одна оккупация, другая... И хорошие люди съезжились. А те, кто похуже и поглупее, подумали: да сколько здесь можно тер-

петь? И взяли винтовки. Этих людей отчасти можно понять. Не только можно, но и надо. Однако оправдывать их нельзя. Ведь человек — не скотина. Кем-то сказано, что человек — существо с бескрайним горизонтом. Это означает, что человек может быть и беспредельно глупым, и беспредельно добрым, и беспредельно страшным.

Вы помните ту историю, когда Витаутас Шустаускас¹ сказал: “Если бы не немцы, мы бы сейчас евреям ботинки чистили”? Вы ответили так: “Я бы сам согласился всю свою оставшуюся жизнь чистить ботинки Шускаускасу и ненавидимым мной нацистам, если бы тем самым мог спасти хотя бы одного еврейского ребенка”.

Да, я тогда увидел по телевизору это интервью Шустаускаса. Долго взвешивал, потом написал, что думаю. Я в тот раз получил титул Толерантного человека года, хотя написал от возмущения, от злости, и никакой толерантности с моей стороны не было. Был довольно агрессивный ответ.

Только хорошо ли это? Сколькие из нас ранят другого человека своей злобой, плохими словами, издевками или безразличием? Это ведь не прямое убийство, это словно бы намек. Заявление, что “я тебя не люблю”. И потому я не сомневаюсь, что это историческое зло когда-нибудь повторится снова — в той или иной форме, поскольку человек склонен убивать. И так много есть способов внушить ему ту или иную мысль. Ведь сколько есть в Литве людей, которые поддерживают Путина и его действия на Украине.

¹ Витаутас Шустаускас (род. в 1945 г.) — литовский политик и общественный деятель, бывший мэр Каунаса, известный своими антисемитскими высказываниями. (Прим. пер.)

Так есть ли смысл говорить об убийствах, которые были, если такие вещи неизбежно будут повторяться?

Чем больше говорят правды, тем меньше возможностей манипулировать. Зло неизбежно существует все время. Всегда будут люди, которые захотят эксплуатировать других. Наше оружие — правда и смелость. Если мы будем бояться себя, людей своего народа, мы с такой психологией далеко не уйдем. Есть простая поговорка: “Дают — бери, бьют — беги”. Мудрость батрака.

Так где был Бог?

Бог дал обещание Аврааму, Исааку и его сыну Израилю. Он сдержал свое обещание. Народ Израиля не уничтожен, мало того — он вернулся в Землю Обетованную, и это — чудо. Евреи живут у себя на родине, становятся все сильнее, и это — тоже чудо. И еще. Папа Иоанн Павел II высказал такую мысль. Советский режим виновен в гибели миллионов людей, но Бог позволил ему продержаться больше семидесяти лет. Сколько продержался нацистский режим после прихода Гитлера к власти в 1933 году? До 1945 года. Как только всерьез был затронут избранный Богом народ, нацистам пришел конец. Ответил я вам, где был Бог? Нет? А кто сказал, что Бог — кто-то вроде Бэтмена или Капитана Америки, который прыгает с небоскреба, чтобы немедленно остановить глупца или злодея? Нигде в Священном Писании такого не сказано. Бог и намного страшнее, и ближе, и сложнее, чем мы можем увидеть. Бог — это безграничный дух, и в самую страшную пору Он был с обреченными на смерть, принимал свое невидимое решение, чтобы то, что было хуже всего, стало намного луч-

ше. Он продолжает принимать такие решения. А вопрос, где был Бог, когда уничтожали немощных людей, — вопрос батрака. Тора и христианская Библия спрашивают об одном и том же: что такое человеческая свобода и ответственность? Ты знаешь Божьи заповеди, так что ты обязан сам принимать решения. Но батрак всегда чувствует себя невиновным, всегда ощущает себя жертвой. Батрак не сомневается, что за все отвечает кто-то другой: пан, или власть, или даже Бог. Только не он. Много времени должно пройти, пока мы избавимся от батрацкого мышления и станем другими. Сам я спокоен: время идет, и мы неизбежно приближаемся к истине.

Разговор с ксендзом Ричардасом Довейкой

Тема Холокоста, речь о людях, поднявших руку на другого человека — это кровоточащая рана. Эта книга — тоже кровоточащая. На ране может образоваться струп, но шрам, напоминающий о том, что произошло, останется навсегда. Да, это произошло. И в том, что произошло, участвовали все люди нашего народа, все члены общества: наши прадеды, деды, соседи, дядья. Это правда. Набраться смелости и посмотреть этой правде в глаза — очень большой шаг к исцелению, примирению, надежде на будущее. Эта книга должна побудить нас, оценивая прошлое, констатируя факты, идти вперед. Мы, поколения наследников, должны выговориться, выплакаться, выплеснуть жалобы и идти вперед.

Холокост — не что иное как последствие злоупотребления свободой воли. Злоупотребление предоставленной нам Богом свободой воли — причина всех страданий, которые мы испытали: разногласий, войн, гибели цивилизаций и огромной язвы Холокоста тоже.

Те люди, которых посылали расстреливать других людей, — ведь чаще всего они это делали не по своей воле, они оказались вовлеченными в эту ситуацию и просто повиновались приказам?

Источник появления зла — злоупотребление свободной волей. Человек, преследуя свои цели, берет на себя роль Бога, человек манипулирует другими людьми и делает их своими жертвами. Хочу еще раз напомнить, что Бог не отнимал у человека свободы. Но, когда человек отверг Бога, когда сделал выбор: я сам буду управляться, как Бог, — Бог дал ему время управиться без своего руководства.

Убежденные в том, что держат в руках возможность решать, палачи втянули в свои игры ни в чем не повинных людей. Они нашли жертв и сделали их палачами, чтобы уничтожить других ни в чем не повинных людей и даже детей. Люди были поставлены перед простым фактом: мировоззрение, идеология, которым они повиновались, заканчиваются нажатием на спусковой крючок. Тот, кто должен нажать на спусковой крючок, сам не понимает, как это случилось. Один стоит безоружный в яме, другой стоит с оружием на краю ямы. А за ним стоят с оружием еще несколько. И тогда остается единственный вопрос: или я тебя, или тот, что стоит у меня за спиной, — нас обоих?

Но ведь можно было отказаться расстреливать, уйти со службы. Трудно, но возможно. А может быть, расстреливавшим было легче нажимать на спусковой крючок оттого, что они были верующими людьми: как говорили они сами, если Бог позволяет такие ужасы, так что я могу?

Каждый из нас обладает естественным знанием: не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе. Нет большей любви, чем отдать жизнь за другого. Великий нравственный вопрос: хватит ли у меня смелости принести себя в жертву, чтобы жил другой? И это был эк-

замен, который держал каждый человек. Одни этот экзамен выдержали, другие думали: я всего-навсего винтик, и от того, сделаю я это или не сделаю, ничего не изменится. Не выстрелю я — выстрелит другой, стоящий рядом. Третьи все отдали в Божьи руки. Но мы забываем вот о чем: не Бог виноват, когда человек что-то делает не так. И все же тогда люди были поставлены в такие рамки, такие обстоятельства, что решали уже не люди, а свойственный и людям животный инстинкт выживания.

Были такие, кто прятал евреев в подвалах, рискуя собственной жизнью и жизнью родных. Прятали, боясь соседа, который мог на них донести, чтобы уладить какие-то свои дела, угодить власти или что-то от нее получить. Они понимали, что не смогут жить под бременем вины, и предпочитали рисковать, спасая других людей, чтобы дети и внуки когда-нибудь пришли к их могилам и сказали: это могила праведного человека. А те, что предпочли сохранить себя, убив другого, потом жили кошмарной жизнью. Их ждали угрызения совести, утрата смысла жизни, самоубийства, болезни, ранняя смерть, а также долгие годы лишения свободы или смертная казнь.

Думаете ли вы, что Бог наказал этих палачей?

Я думаю, что Бог очень страдал из-за этих палачей, поскольку и жертва, и палач — его дети. Оба они — жертвы зла. Что делается с сердцем Бога, когда одно его дитя стреляет в другого? Что делается с отцом или матерью, когда они видят, что один их ребенок поднимает руку на другого, брат на брата?

Так где был Бог во время Холокоста?

Знаете, где был Бог? У меня есть ответ. Жертвы Холокоста его точно знали. Бог был рядом с ними. Он был в достоинстве этих людей. Бог страдал так же сильно, как и они.

Это очень неожиданный ответ. Вы ведь, наверное, не знаете, что свидетели убийств и сами убийцы удивлялись, почему евреи, которых вели на расстрел, не сопротивлялись, шли тихо, будто парализованные, кроткие словно овечки. Послушно спускались в яму, обнимали своих детей и укладывались поверх трупов. Из каунасского гетто в IX форт четыреста или пятьсот евреев несколько километров шли в сопровождении восьми бойцов литовского батальона. Они могли напасть на этих охранников, могли бежать, спастись... Ни одна из десяти тысяч жертв этого не сделала. Что это было — предсмертное достоинство Божьего агнца?

Говоря о евреях как о личности, мы не можем не касаться религиозного аспекта. И еще вспомним, какие это были времена — религия была очень важной частью повседневной жизни этих людей. Мы не узнаем, что переживает человек, когда его ведут расстреливать, когда он ложится в яму и ждет выстрела, зная, что прав и ни в чем не виновен. Я уверен, что смирение евреев, их покорность на самом деле были очень ясным свидетельством потусторонней действительности. Это было экзистенциальное, непосредственное переживание близости Бога.

Мы, христиане, знаем: есть данное Богом обещание все исправить, когда причинен вред. Он исправит и тот вред, который причинен Холокостом, позаботившись о том, чтобы пережившие Холокост избавились от мучительных воспоминаний.

Смогли бы вы служить капелланом в батальоне убийц? Четыреста пятьдесят молодых мужчин из батальона Антанаса Импулявичюса почти каждый день убивали белорусских евреев, а по воскресеньям ходили на молебны и исповеди, получали отпущение грехов...

Я бы не смог, разве что мне промыли бы мозги и я бы служил какой-нибудь идеологии. Разве что стал бы жертвой этой идеологии, и мне надо было бы вербовать других жертв. Да, и в католической Церкви были ксендзы, пленившиеся этой идеологией, но было много таких, которые прятали евреев в доме настоятеля и рисковали собственной жизнью.

Все это актуально не только тогда, когда мы говорим о Холокосте: и теперь есть убийственные идеологии. Вот мы приходим в негодование, когда кто-нибудь выбрасывает в окно щенка или котенка, однако если прерывается зачатая жизнь — это уже не жестокость, а наше право распоряжаться своим телом. Таким образом, мы снова становимся жертвами убийственной идеологии. А что же происходит сейчас, когда в исламских государствах под ружье становятся пятнадцатилетние? Разве сейчас идеология не эксплуатирует амбиции молодого человека, его желание кем-то стать, что-то иметь, одновременно превращая его в жертву?

Мы должны жить, постоянно спрашивая себя: почему это случилось? Почему люди из нашего народа это сделали? Если у меня хватит смелости посмотреть правде в глаза, как я буду жить дальше? Скорее всего, я буду жить по-другому. Я больше не смогу никого осуждать, потому что, возможно, и среди моих родственников были люди, которые участвовали в Холокосте. У меня больше не останется этого очень хорошего варианта — завернуться в плащ

жертвы. Плащ исчезнет, растает. А так приятно закутаться в этот плащ! И еще у меня перед носом будут накрепко захлопнутые двери, не просто прикрытые, а накрепко захлопнутые. И все равно я хочу поинтересоваться своими родственниками, может, среди них были такие, которые прятали людей или обрекали их на смерть... Я хочу знать, потому что правда меня освободит.

Мы должны сказать себе: это прошлое нашего народа. Посмотрев правде в глаза, мы достигнем зрелости и станем дальше строить будущее. Это касается не только Холокоста, но и нашего советского прошлого. В школе меня ставили у доски и публично стыдили за то, что ходил в церковь. Тот учитель или та учительница, которые меня тогда унижали на глазах у всего класса, потом, когда Литва стала независимой, а я сделался ксендзом, потеряли отца или маму. Звонит мне такой человек и просит отслужить заупокойную мессу. Как мне надо было поступить? Припомнить пережитое тогда унижение и сказать: пусть вашего отца или маму хоронит кто-нибудь другой?

Как вы поступили?

Я спросил, в котором часу прощание и когда похороны. Это был мой ответ. Учитель был жертвой той идеологии. Из-за работы ли, ради денег или чтобы оставили в покое — знает он один.

Как вам кажется, может ли повториться то, что произошло в Литве 75 лет назад?

В Литве и теперь есть движения с националистическими взглядами. Они уже готовятся к “встрече” прибывающих

в Литву эмигрантов. Если в Литве когда-нибудь будет построена мечеть для прибывших мусульман, в ней, возможно, разобьют окна... Я все спрашиваю себя, что у нас в этой стране — гражданское общество или национальное государство? Созреем ли мы настолько, чтобы отказаться от амбиций быть национальным государством и заговорить о гражданском обществе, живущем в стране, где испокон веку жили люди, принадлежащие к разным национальностям, культурам, расам. Что случилось, почему мы стали жертвами новой идеологии, идеологии национального государства? Мы должны быть осторожнее, прославляя себя и осуждая других — хотя бы и русский народ, не умея отделить людей России от идеологии Кремля.

Когда вы говорили о захлопнувшейся двери, подумала: я это уже испытала. Мои родственники и некоторые друзья, узнав, о чем будет эта книга, сказали: ты — предательница своей родни, своего народа. Что бы вы им ответили?

А что для вас важнее — осуждение родных или вздох облегчения пребывающих в вечности людей: кто-то осмелился их защитить, сказав правду о том, что они тоже были жертвами? Мы должны сказать вслух, что наши убивали евреев, потом в лесах стреляли друг в друга, доносили друг на друга и ссылали в Сибирь... Что мы делаем теперь, в этом XXI веке — проверяем свою совесть или нет? Усваиваем наконец этот урок или снова ждем, чтобы колесо истории повернулось и опять повторились подобные события? Чтобы нас снова ткнули носом в ту же самую лужу? Позволит ли мне проверка моей совести сделать шаг вперед, к пониманию, к примирению, подать руку тому человеку, чьих близ-

ких, возможно, кто-то из моей родни обрек на смерть? Но сегодня я протягиваю руку его потомку со словами: мне больно, и тебе больно, мне грустно, и тебе грустно, я не понимаю, и ты не понимаешь. Может быть, мы сумеем наконец избавиться от всех этих идеологий и сознательно взять на себя ответственность? Ведь от меня зависит, придет ли убийственная идеология или не придет. От меня — сегодня. Неважно, кто я — простой человек или политик, образованный или нет. Палачу необходимы все жертвы. Чем тупее жертва, тем агрессивнее он нападает. Отупевший человек всегда только винтик. Сколько есть систем, которым нравятся такие винтики! Так могу ли я спокойно спать, если вижу, что вокруг меня начинают формироваться такие винтики и находятся люди, которые принимаются собирать их в одном месте?

Так какой самый важный урок мы должны выучить?

Мы — наследники и должны принять наследство. Наши прадеды, другие родственники или их соседи участвовали в Холокосте. Кто-то составлял списки, кто-то стрелял, кто-то спасал, кто-то присваивал вещи убитых. Мы гордимся тем, что унаследовали от дедов громкое имя, землю или титулы. Принимаем это наследство. Однако если кто-то из моих родственников обрек другого на смертные муки — я наследник этой правды. Я могу эту правду отвергнуть, скрывать ее, избегать очной ставки с ней, но правды это не изменит. Как все же хорошо, что правда нам не подвластна и не зависит от нашей воли. Мы только или принимаем ее, или нет. Кто выигрывает больше: тот, кто принимает правду и делает выводы, кается, проверяет совесть и пытается снова навести мосты дружбы и отношений, или тот, кто отвергает правду и вязнет

в трясине самообмана, с каждым днем все глубже в нее погружаясь, утаскивая за собой будущее многих поколений? Скорее всего, он станет обвинять человека, принявшего правду: зачем ты в этом роешься, смотри, как мы хорошо устроились в этой иллюзии, так что и дальше останемся жертвами и не станем доскребаться до правды. Да, наш народ мучили другие. Запрещали язык, веру, не позволяли путешествовать по свету. Но если среди нашего народа были и палачи, почему мы должны бояться этой правды? Разрушит ли она наши судьбы? Может быть, у нас саднить будет, когда мы подумаем о своих предках, о которых кое-что узнали, не так приятно станет смотреть на унаследованные антикварные предметы, которые неизвестно как оказались в доме. Пусть саднит. Но мы будем знать, что мы чувствуем это, потому что просим прощения и раскаиваемся. Знать, что у тех, кто станет жить после нас, не будет саднить из-за нашей жизни и наших решений. Мы ни одного человека не воскресим, не поднимем из могилы, не примирим палача и жертву, но, может быть, усвоим урок, чтобы то, что случилось, больше не повторилось.

ЭПИЛОГ

Книга, которую вы держите в руках, была написана осенью 2015 года и вышла в Литве в январе 2016-го. Мы планировали выпустить ее 26 января, накануне Международного дня Холокоста. 27 января официальные лица Литвы, как и каждый год, поедут в Панеряй, возложат такой же, как всегда, венок к памятнику убитым в Литве евреям. Скрипач-еврей сыграет что-нибудь еврейское. Официальную Литву будут представлять какой-нибудь вице-министр и вице-канцлер. Другие 226 мест убийства не посетит никто.

Наш день Холокоста будет другим. Так где же должна стартовать книга о подлинной истории Холокоста, о которой все умалчивают? Стартовать так, чтобы вся Литва прислушалась?

ВАРИАНТ 1. ЛУКИШКСКАЯ ТЮРЬМА. Никогда еще презентация ни одной книги в Литве не происходила в тюрьме. Да, это та самая тюрьма, откуда бойцы Особого отряда увозили людей в Панеряй. Где томилась одна из упомянутых в книге людей, Шейна, которую совсем незадолго до того, как ее расстреляли в Панеряе, окрестил ксендз, дав ей имя Марите. Где

летом 1941 года, скорее всего, сидел брат деда Эфраима Зуроффа, тоже Эфраим, до того как его расстреляли в Панеряе. Где в 1945 году дед Руты, Йонас Ванагас, арестованный Советами в Каварскасе, сидел до отправки в лагерь в Казахстане. Ведь Рута знакома с директором тюрьмы. Звонок за звонком, письмо за письмом. Нет, не получится. Директор тюрьмы после долгого обсуждения отказался дать разрешение представить книгу в Лукишках. Из-за повысившихся требований к безопасности ни нас, ни журналистов в тюрьму никто не пустит.

ВАРИАНТ 2. ПЕРВЫЙ ШТАБ ОСОБОГО ОТРЯДА, в самом сердце Вильнюса, где теперь разместилось министерство внутренних дел независимой Литвы. Рута знакома с министром. Советник министра — Рутин одноклассник. Звоним и спрашиваем у советника. Советник спрашивает у министра. Министр спрашивает у советника: а ты эту книгу читал? Не повредит ли нам ее презентация? Он имеет в виду — на политическом уровне, то есть поймет ли власть Литвы, почему министр открыл двери своего дворца перед “книгой, клеветущей на Литву”. Прошу прощения у одноклассника. Понимаю, что книга повредит.

Остается еще один вариант: пиццерия, то есть еще один штаб Особого отряда, в центре города. Над пиццерией, где базировались убийцы, — помещения полиции, теперь уже пустые, но все равно для того, чтобы мы смогли туда попасть, требуется согласие начальника полиции. Полицейскому начальству мы не говорим правды, не говорим, что книга будет об участии литовцев в убийствах евреев. Просим пустить нас на часовую историко-образовательную экскурсию. Ни слова о Холокосте... Мы никому не хотим повредить... Но еще больше мы не хотим потерять последнее важное символическое место для презентации книги.

Все удастся как нельзя лучше. Помещение мы получаем. Презентация книги “Свои”¹ состоялась холодным январским днем в пиццерии, при участии не только обоих “врагов” — авторов книги, но и двух известнейших литовских ксендзов, которые тоже говорили о вине Литвы. В крохотной, битком набитой пиццерии — все литовское телевидение, все интернет-порталы... Шестнадцатилетний мальчик читает собравшимся рассказ другого шестнадцатилетнего мальчика — бывшего панеряйского убийцы — о том, как он убивал. Тридцать приглашенных нами детей поют псалом на иврите в память жертв. Эфраим Зурофф рыдает. Рыдают и некоторые из собравшихся.

Тираж в 2 тысячи экземпляров смели за два дня. 28 января книги уже нет в книжных магазинах. Спешно печатается новый тираж, 4 тысячи, и тут же еще один, еще 5 тысяч экземпляров. В Литве бестселлером считается книга, тираж которой достиг 5 тысяч экземпляров. Тираж “Своих” за первые несколько месяцев — 19 тысяч. Книга *has taken Lithuania by storm*².

Интернет гудит, комментариев тысячи. После “Своих” Литва словно бы раскололась на две части — одни говорят: “наконец мы узнаем правду”, другие: “евреи нас выслали, так что они получили по заслугам”. Дискуссии переносятся за обеденный стол, о книге спорят даже на поминках... Мужья ссорятся с женами, родители — с детьми. В кафе рядом с домом Руты прокуроры обсуждают: может, Рута — агент КГБ? Хозяин кафе, армянин, подходит к гостям и буквально берет их за грудки: “Вы знаете Руту? Как вы смеете?” Механики в автосервисе в перерыве измазанными руками листают “Своих”. Рута ложится в больницу на операцию, и в послеоперационной палате к ней выстраивается очередь: молоденькие медсестрички ждут автографов...

1 По-литовски книга называется “*Mūsų šikiai*” — “Наши”. (Прим. ред.)

2 Взяла Литву приступом (англ.).

Начинаются бесконечные телефонные звонки. Люди открываются, рассказывают Руте то, что они видели. Никто до сих пор их не расспрашивал, а теперь наконец есть человек, которому они могут рассказать. Люди шлют свои воспоминания.

Российские СМИ не дают авторам покоя. Авторы молчат, потому что не хотят, чтобы книга была использована для пропаганды. Приезжают представители западных СМИ. Их сопровождают местные операторы, переводчики, координаторы — литовские мужчины среднего возраста, которые до тех пор никогда не посещали мест массовых убийств евреев. Один образованный человек, поработавший и на телевидении, и в команде литовского премьера, стоит у общей могилы в Вильнюсе, в Науянеряе. Здесь свалены кости 1769 человек. “Слушай, Рута, — говорит он. — Я как-то не понимаю. Что, они здесь как были убиты, так и лежат? Свалены как попало и засыпаны землей?” Я вижу, что он потрясен, он никогда не думал о том, КАК они лежат. Сколько СЛОЕВ трупов, костей, рук, голов, сколько из них расстреляны, а сколько малышей убиты ударом о дерево... Он никогда даже не пытался это себе представить, а теперь словно увидел своими глазами, и это его потрясло.

Февраль — в Литве книжная ярмарка. В интернете — столько ненависти к авторам, столько антисемитизма, столько угроз, что издательство нанимает охрану, которая стоит около Руты все четыре дня ярмарки. Старые патриоты, которые хотели треснуть Руту по голове ее книгой, теперь не осмеливаются это сделать. Боятся охранников.

На книжной ярмарке около стенда со “Своими” — очередь. Молодые люди покупают книгу для своих стариков, которые до сих пор молчали и не рассказывали о том, что видели в своем местечке в 1941 году или рассказывали только намеками. Теперь, услышав про книгу, они понимают, что

их опыт не был исключительным, что это делалось везде, по всей Литве. Теперь, говорят покупатели книги, они хотят рассказать своим детям и внукам. Наконец они уже решатся.

К Руте подходит пожилая женщина из Варены, знакомая панеряйского убийцы, почтальона Винцаса Саусайтиса. “Он был очень приятным человеком, — говорит она. — Очень предупредительный, всем он нравился. Никто не знал, что он служил в Особом отряде и несколько лет убивал людей. Но когда у него родилась дочка, Саусайтис не мог взять на руки этого своего ребенка. Взяв девочку, он весь начинал дрожать, прямо трястись, и ему приходилось класть ее обратно в коляску. Потом, когда приехали его арестовать и судили, мы поняли почему. Видно, он много детей убил...”

Подходит другая женщина, тихо говорит: “Я — родственница одного из героев вашей книги”. “Которого?” — спрашиваю я. “Я из Дарбеная”, — говорит она. “Понимаю. Ваш родственник — Леонас Стонкус? Тот, который застрелил только одного еврея?” “Нет, — говорит она, — должно быть, не одного”. “Откуда вы знаете?” — “Видите ли, когда бывали семейные праздники, Леонас напивался, пьяный приходил в бешенство и принимался из воображаемого автомата расстреливать всех собравшихся. Потом, когда его приехали забирать, он, увидев милиционеров, сказал: «Я тридцать лет вас ждал». Очень красивый мужчина был Леонас. И сын у него тоже очень красивый. И страшно несчастный. Он потом покончил с собой”.

История за историей — и выясняется то, чего мы не ожидали, когда писали книгу: судьбы многих расстрельщиков евреев были страшными, но не только их судьбы. Судьбы их детей тоже чаще всего были трагическими. Человек из Жемайтии, подойдя, рассказал, что лица у детей местных убийц евреев были не такие, как у всех, были отмечены чем-то ужасным. Они страшно пили, как и их расстреливав-

шие евреев отцы. Они были не вполне нормальными: кто глухим родился, кто в молодости заболел и умер, кто покончил жизнь самоубийством.

Вот типичная история, которую прислала старушка из Мажейкяя. Эта женщина, в прошлом судья, была парализована, однако еще владела правой рукой. Записанные ее рукой свидетельства — тридцать пять страниц, присланных Руте. Свидетельства начинаются с истории ее двоюродного брата, портного Игнаса Галминаса из Мажейкяя, расстрельщика евреев. Эта женщина в 1941 году сама видела, как он вез евреев на грузовике к месту расстрела. Его судили, даже два раза. “Вернулся после второго суда, жил в своем мажейкяйском доме, дожил до восьмидесяти лет и умер от рака. Его сын Рамутис Галминас летом, кажется, 1962 года, когда учился в вильнюсском строительном техникуме, проходил производственную практику в какой-то строительной организации. Во время практики он бесследно исчез. Год спустя в Паневежисе, в каком-то канале, был найден его разложившийся труп. Отец опознал его останки только по им самим сшитой одежде. Останки перевезли в Мажейкяй и похоронили на местном кладбище, где позже были похоронены и родители мальчика. До сих пор его гибель так и остается непонятной. Он был приличным, спокойным, работающим мальчиком, а не каким-нибудь легкомысленным шалопаем. Так что никто не понимает, как он мог там оказаться. Пошли разговоры, что это небо послало возмездие за недостойные дела отца”.

Родственники и друзья Руты, которые осуждали ее за книгу о Холокосте, эту книгу так и не прочли, Руте так ее и не простили. Однако не все. Два двоюродных брата похвалили ее за смелость и рассказали слышанные ими страшные истории про убийства евреев. Одна двоюродная сестра отказалась общаться не только с Рутой, но и с двоюродными

братьями, которые ее поддерживали, другая, сестра той, ровесница Руты, все же заставила себя прочитать книгу. “Знаешь, читала словно по необходимости, словно к экзамену готовилась. Да, это потрясающая книга, но разве она может изменить мое отношение к евреям? Разве могут евреи стать своими для человека, которому, как мне в детстве мама рассказывала, будто евреи утыкивали бочку гвоздями, закрывали в ней ребенка и скатывали бочку с горы, чтобы детская кровь лучше «центрифугировалась» и маца получалась вкуснее”.

И под конец — реакция политической элиты Литвы.

Литовские профессионалы по части Холокоста из Центра геноцида и комиссии по расследованию нацистских и советских преступлений вступили в борьбу с книгой — и даже не с книгой, а с тем фактом, что в проекте участвовал Зурофф. Участвовал человек, которого они лично всеми силами старались в Литве принизить, отделаться от его постоянных нападок. Представители политической элиты Литвы — евреи — отказались участвовать в телепередачах, где речь шла о “Своих”, и даже пытались уговорить других людей игнорировать и передачи, и книгу. Литовская политическая элита книгу по мере своих сил игнорировала. Однако временами не выдерживала: бывший президент Литвы Витаутас Ландсбергис, сын министра Временного правительства, написал текст о книге и ее сомнительности, а главное — о том, что он даже и трудиться не станет читать “Своих”: и так все ясно. Литовская политическая элита уверена в том, что эта книга — не просто книга, а проект, который координируется “не отсюда”. Доказательство: одновременно с ней вышла книга о Холокосте в Польше. В телепередачах политики называли книгу опасной, особенно для молодежи. Государственный департамент безопасности объявил по телевизору, что книга дискредитирует все партизанское движение Литвы и, скорее всего, должна быть объявлена угрозой для

национальной безопасности. “Выродки нам не свои”, — пишут и пишут оскорбленные литовские патриоты. Еще больше оскорбляет литовских патриотов тот факт, что книга написана эмоционально, популярно, не академично, и ее буквально расхватывают, тогда как их труды пылятся на полках. В интернете патриоты начали кампанию с таким лозунгом: “Литовцы, объединимся! Не будем покупать и читать «Своих», как бы ни было интересно!”

Однако лед в Литве не мог не тронуться.

Через несколько месяцев после выхода книги литовский Сейм собрался для того, чтобы рассмотреть тему Холокоста. Во время заседания историки Литвы сообщили членам Сейма, что евреев в Литве расстреливала не горстка выродков. Евреев расстреливали тысячи рядовых литовцев — может, четыре тысячи, а может, и все шесть. Что преступниками надо считать не только тех, кто расстреливал, но и тех, кто составлял списки, охранял, конвоировал, копал ямы и делил имущество.

После выхода книги еврейская община Литвы обратилась в Генеральную прокуратуру Литвы с просьбой изучить список из 2055 имен и начать действовать. Генеральная прокуратура список изучила и установила... что все 2055 лиц уже умерли, и потому не могут быть судимы. Круг замкнулся. Правительство отказалось обнародовать 2055 имен убийц евреев. Круг замкнулся еще прочнее. Центр геноцида информирует, что проверить этот список нет возможности, поскольку нет живых свидетелей. Нет? Однако авторы “Своих” находили живых свидетелей на каждом месте убийства, которое посетили... Ведь свидетелям, которые видели убийства и помнят, было в 1941 году лет, может, восемь или десять, так что теперь им около восьмидесяти и они, наверное, живы...

“Свои” сильно воздействовали на Литву. Воздействовали на литовский язык. За одну ночь название книги —

“*Mūsiškiai*” — в Литве стало словом, которое уже почти невозможно использовать в других случаях, в случаях, когда речь идет не о Холокосте. Его уже не получается использовать, когда говорится о победе баскетболистов или еще о чем-то позитивном. “Свои” приравнены к “расстрельщикам евреев”. Но евреи своими не стали. Цель авторов, Руты и Эфраима, показать, что своими были и те, кто расстреливал, и те, кого расстреливали, в Литве осталась непонятой. Евреи были и остались чужими для обычного литовца. Когда Рута едет куда-то с друзьями и пытается свернуть с дороги, чтоб показать им еще одну могилу убитых, друзья говорят: “Перестань, хватит, сколько можно про эти убийства, про этих евреев”. Неужели Рута осталась одной-единственной литовкой в Литве, которая не может спокойно проехать мимо места массового убийства, не остановившись, не положив камешка своим, теперь уже и ее евреям? А может, не одна — ведь многие литовцы, а особенно литовские женщины, читают “Своих”, и все они рыдают. Так они говорят Руте. Каждый из 19 тысяч экземпляров книги, напечатанных в Литве, прочитал не один, а три, четыре, пять человек. По всей Литве в библиотеках за книгой выстраиваются очереди. Люди ждут книгу по несколько месяцев. Ничего страшного: ведь правды о Холокосте Литва ждала 75 лет. Наконец дождалась. Наконец Литва заплакала.

Эфраим Зурофф

Литва и Холокост¹

Один из самых болезненных вопросов, на которые приходится отвечать молодым демократическим государствам Восточной Европы, возникшим на обломках Советского Союза, — как осмыслить историю Холокоста на собственных территориях. Сам по себе мучительный и трудноразрешимый, применительно к восточноевропейским землям он осложняется двумя отягчающими обстоятельствами. Одно из них — небывалый по масштабам и жестокости коллаборационизм. Если на других оккупированных территориях местные жители сотрудничали с нацистами только на первых стадиях “решения еврейского вопроса” (выявление евреев, дискриминация их как неарийцев, сбор в гетто и депортация), но не убивали еврейских соседей собственными руками, во многих странах Восточной Европы пособники оккупантов активно участвовали в массовом уничтожении евреев, прежде всего “своих”, но, бывало, и привезенных из других мест. Стоит ли говорить, что эта немаловажная “особенность” крайне затрудняет разговор о Холокосте в постсоветских странах.

¹ Редакция издательства *Corpus* считает необходимым сообщить, что не согласна с рядом утверждений Эфраима Зуроффа, содержащихся в этом тексте.

Другое препятствие состоит в том, что четыре с лишним десятилетия советской власти повлияли на отношение к трагедии европейского еврейства и надолго определили трактовку участия местных жителей в преступлениях против соседей. На это есть три причины. Во-первых, в высшей степени политизированный нарратив Второй мировой войны и Холокоста, который навязывали жителям Советского Союза и стран социалистического лагеря. Ирония состоит в том, что представления о коллаборационизме во многих случаях были близки к истине, поскольку об этом неизменно говорилось на суконном языке советской риторики, дескать, “буржуазные гитлеровские фашисты” убивали “мирных советских людей”, а сама тема использовалась в идеологических целях, ее нередко воспринимали скорее как пропагандистский ход, а не как историческую правду.

Вторая причина (она связана с первой) состоит в том, что все годы своего существования Советский Союз последовательно отказывался признать небывалую трагедию европейских евреев и очевидность того, что евреи были единственным народом, который нацисты обрекли на полное уничтожение. Подобное допущение перечеркивало бы общепринятый нарратив “Великой Отечественной войны”, в котором Вторая мировая война изображалась как эпическая битва между двумя идеологическими титанами — нацизмом и коммунизмом. Если западный мир в большинстве своем признал Холокост невиданным по масштабам преступлением, направленным исключительно против евреев, многие жители постсоветской Восточной Европы долгое время вообще не знали этого понятия. Кроме того, советская историография целенаправленно отрицала националистический характер коллаборационизма. При том что многие местные жители, участвовавшие в массовых убийствах евреев, несомненно, были движимы националистически окрашенным

патриотизмом, ангажированные историки, идеологически приверженные мифу о “братстве народов”, подчеркивали классовое происхождение убийц и намеренно “не замечали” их национальность; это также ставит под вопрос достоверность советского нарратива.

Третья причина связана с многочисленными послевоенными судами над местными коллаборационистами. С одной стороны, в Советском Союзе удалось найти и привлечь к ответственности достаточно много людей, так или иначе причастных к Холокосту, однако далеко не всегда их судили за то, что они убивали евреев. Чаще всего, обвинение шло по политической линии и было заведомо несправедливым в глазах местных жителей. С другой — за счет многочисленных процессов над “гитлеровскими пособниками” создавалось ложное впечатление, будто Советам удалось наказать всех коллаборационистов, конечно, кроме тех, кто скрывался за границей. Как следствие, новые демократические страны, часто не без обиды, отторгали саму мысль о необходимости разыскать и покарать нацистских военных преступников, и местные власти упорно не понимали, зачем это нужно делать.

Вскоре после того, как многие страны Восточной Европы обрели независимость, тема Холокоста приобрела для них особую остроту в связи с тем, что отношения с Израилем и евреями всего мира в целом рассматривались как один из важнейших критериев вхождения в Европейский Союз и НАТО, куда стремились молодые европейские государства. Поэтому с первых лет независимости они вынуждены были отвечать на шесть относящихся к Холокосту практических вопросов, считаться с шестью основными требованиями, какие Израиль и евреи всего мира считали необходимыми условиями долгожданного примирения. В общем виде они формулировались следующим образом:

1. Открытое признание вины и публичное покаяние за участие в Холокосте.
2. Поминование жертв.
3. Привлечение к ответственности остающихся безнаказанными местных коллаборационистов.
4. Документирование (создание точных и достоверных исторических нарративов).
5. Просвещение (в том числе преподавание истории Холокоста в средней школе, переработка и дополнение учебных пособий).
6. Реституции и компенсация ущерба.
7. Решимость совершить эти шаги стала наилучшим показателем того, насколько та или иная страна готова честно и ответственно признать Холокост частью собственного прошлого.

Разумеется, подобные требования вполне оправданны и закономерны. Естественно ожидать, что страны, жители которых активно участвовали в массовом уничтожении евреев, признают свою вину и публично покаются. Столь же естественно предположить, что в странах, отказавшихся от исторических концепций, навязанных предшествующим режимом, появятся новые работы по истории, а также школьные учебники с непредвзятым рассказом об истории Второй мировой войны и Холокосте. Конечно, с реституциями и с наказанием бывших коллаборационистов дело обстоит гораздо сложнее, но оба этих требования, и в особенности последнее, — необходимые условия примирения. С самого начала было очевидно, что полностью восстановить справедливость и возместить потери мы не сможем никогда, но если удастся найти и должным образом покарать хотя бы наиболее злостных пособников нацистов, это, несомненно, пойдет на пользу всему обществу. Не менее ценно искреннее стремление вернуть еврейскую довоенную собственность, особенно если этому со-

путствуют усилия честно и ответственно ответить на другие вопросы, которые ставит перед человечеством Холокост.

Тем не менее, как показали события последних двадцати пяти лет, в постсоветской Восточной Европе разговоры о Холокосте зачастую сводятся к высоким, но пустым словам. Один из наглядных примеров тому — Литва, в течение долгого времени уходящая от попыток честно осмыслить причастность собственного народа к уничтожению соседей, а попутно и от признания Холокоста небывалым по масштабу геноцидом. Этот процесс, известный как искажение или замалчивание Холокоста, не стоит путать с куда более частым огульным отрицанием трагедии. Именно он все громче заявляет о себе в последние годы (особенно с тех пор, как страны Балтии стали полноправными членами Евросоюза и НАТО), посягает на память о Холокосте, мешает распространению неискаженных знаний о нем, и это обстоятельство объясняет, почему книга Руты Ванагайте исключительно важна не только для литовцев.

Чтобы полнее понять литовскую ситуацию, понадобится исторический экскурс. До войны в Литве проживало около двухсот двадцати тысяч евреев. Уцелело не более 4%, то есть около восьми тысяч человек, меньше, чем в какой-либо из крупных еврейских общин, если не считать Эстонии, где было около четырех с половиной тысяч евреев, из них трем с половиной тысячам удалось бежать на соседние территории, а оставшуюся к приходу нацистов тысячу уничтожили почти полностью. Почти все литовские евреи были расстреляны неподалеку от своих домов или в местах массовых расстрелов, например в Понарах (пригород Вильнюса). В большинстве случаев “акцию” проводили сотрудничавшие с нацистами литовцы.

В конце войны оставшихся тридцать тысяч евреев депортировали из Литвы. Пять тысяч из них, главным образом,

старикови детей, вывезли в Польшу, в лагеря смерти Аушвиц и Собибор, примерно пятнадцать тысяч человек отправили в созданные на территории Латвии и Эстонии трудовые лагеря, где большинство их них были убиты, и еще десять тысяч выслали из каунасского и шауляйского гетто на верную смерть в Германию.

Помимо огромного множества жертв, есть еще несколько весомых причин, объясняющих многолетнее нежелание Литвы открыто и честно размышлять о Холокосте как о странице собственной недавней истории. Прежде всего, это беспрецедентный по масштабам коллаборационизм местных жителей, активно участвовавших в массовых убийствах и с особым рвением способствовавших “окончательному решению еврейского вопроса”. Точного числа литовских коллаборантов не знает никто, однако по данным наших исследований, в той или иной форме — от подстрекательства до расстрелов — к уничтожению евреев причастны по меньшей мере двадцать тысяч литовцев.

Во-вторых, не стоит забывать, что после того, как в июне 1940 года Литва была оккупирована Советским Союзом, часть литовских государственных деятелей создала Фронт литовских активистов (ФЛА), многие члены которого горячо поддерживали Третий рейх и призывали местное население убивать евреев. Однако, несмотря на весьма сомнительное прошлое, в демократической Литве они были объявлены народными героями. Аналогичная проблема возникает и в связи с героизацией некоторых наиболее выдающихся участников послевоенного антисоветского сопротивления, в годы Второй мировой войны участвовавших в преследованиях и массовых расстрелах евреев. Разумеется, подобные преступления автоматически “отменяют” все прочие заслуги, однако в Литве, равно как и в других странах постсоветской Восточной Европы, на это нередко смотрят иначе.

Третья, не менее веская, причина кроется в том, что во многих местах, главным образом в провинции, большинство карателей были добровольцами, а кое-где немцы или австрийцы вообще никого не расстреливали; “решение еврейского вопроса” полностью брали на себя литовские “белоповязочники”. Так было, к примеру, в Лаздияе, Тельшяе, в Йонишкисе, в Дубингае, в Бабтае, в Варене и в Вандзёгале, а в Онушкисе, Вилькавишкисе и Вирбалисе нацисты оказывались на местах расстрелов только для того, чтобы сфотографировать “акцию”.

Четвертое обстоятельство, которое также следует иметь в виду, — преобладание антиеврейских настроений в довоенной литовской среде. Во многих городах, местечках и деревнях литовцы, зачастую с подачи ФЛА, устраивали еврейские погромы еще до появления войск вермахта, и это еще раз подтверждает, что нередко они убивали своих еврейских соседей по собственной недоброй воле.

Пятая причина связана с тем, что к преступлениям оказались причастны все слои литовского общества, в том числе духовенство, интеллигенция, люди умственного труда. Конечно, среди тех, кто непосредственно участвовал в карательных акциях, было много недоучек или вообще безграмотных, но литовская элита — политическая, религиозная, культурная, интеллектуальная — тоже сыграла немаловажную роль в уничтожении евреев.

Шестым фактором можно назвать географический масштаб трагедии, которая не обошла стороной ни одну из двухсот двадцати литвацких общин, разбросанных по всей стране. До войны евреи составляли около десяти процентов населения оккупированной Литвы, общины существовали до последнего дня, и все они были стерты с лица земли при активном содействии местных коллаборантов.

Седьмая причина состоит в том, что литовцы убивали евреев не только в собственной стране. Несколько тысяч

мужчин, служивших во вспомогательных полицейских частях, помогали проводить расстрельные “акции” в Белоруссии и Польше.

Наконец, восьмая причина — это участие литовцев в уничтожении евреев, депортированных в Литву из Германии, Австрии, Франции, а также из Протектората Богемии и Моравии. Если уточнить, что расстрелам нередко предшествовали унижения, изоциренно-жестокое издевательство над раввинами и уважаемыми членами общин, а также помнить, что большинство коллаборантов были убежденными радикальными националистами, становится понятно, почему Литве так трудно дается прямой разговор о Холокосте.

Гораздо легче, по крайней мере, на первый взгляд, поминать жертв, однако и тут немедленно обнаружилось множество “подводных камней”. Каждый год в Литве проходит множество мероприятий, призванных напомнить о трагедии европейского и литовского еврейства, но если внимательно вслушаться в речи, которые на них звучат, или вчитать в их программы, обнаруживается, что нередко историческая правда искажается умолчаниями о роли литовцев в уничтожении собственных соседей. Об этом либо не вспоминают вообще, либо явно приуменьшают вину или пытаются убедить, мол, евреев убивали только закоренелые преступники или “отбросы”, тогда как обычные литовцы ничего подобного не делали. Стоит ли говорить, что об ответственности национальных лидеров, о невероятной жестокости и националистическом патриотизме убийц, равно как и о том, что в десятках городов и местечек Литвы издеваться над евреями начали еще до того, как пришли нацисты, речь зачастую не идет вообще.

В этой связи очень показателен выбор даты для национального дня памяти жертв Холокоста в Литве. Обычно поминовение совершается либо в Международный день памя-

ти жертв Холокоста, то есть 27 января, в день освобождения Аушвица-Биркенау, либо приходится на дату, значимую для истории Холокоста в той или иной стране. Литовское правительство назначило мемориальной датой 23 сентября, день, когда в 1943 году было ликвидировано вильнюсское гетто; примечательно, что главная роль в этом скорбном событии принадлежала нацистам, а не литовским коллаборантам. На мой взгляд, куда более подходящей датой было бы 28 октября, когда в Девятом форте литовцы расстреляли более десяти тысяч евреев из каунасского гетто. Разумеется, эта дата заставила бы задуматься об ответственности местных жителей, но именно такое напоминание представлялось тогда крайне нежелательным. (По схожим принципам день поминовения назначали в Эстонии. В конце концов, предпочли 27 января, несмотря на то что среди узников Освенцима не было ни одного эстонского еврея. Не исключено, что такой выбор был формой скрытого протеста против требования ввести в календарь дату, напоминающую о трагедии, которая не столь важна для эстонской истории.)

Еще одной попыткой создать альтернативный нарратив Второй мировой войны и Холокоста можно считать стремление уравнивать злодеяния нацистов и коммунистов. Очевидно, что при таком подходе — его нередко называют “теорией двойного геноцида” — стирается признанная всем миром уникальность Холокоста как беспрецедентного зла, а внимание и сочувствие переносится на сравнительно недавние страдания литовцев под советским игом. Отчасти стремление закрепить определение “геноцид” за действиями коммунистического режима может объясняться тем, что евреи (среди них было немало коммунистов) в этой логике тоже предстают виновными. Тем самым создается ложная симметрия злодеяний, которая обесценивает или, по меньшей мере, ослабляет позицию тех, кто призывает критически осмыс-

лить литовский коллаборационизм. К сожалению, попытки пересмотреть изначальный смысл понятия “геноцид” отразились в литовском законодательстве: так, например, Сейм принял резолюцию, объявляющую геноцидом преступления советского режима и предписывающую уголовную ответственность за соучастие в них.

Подобные настроения во всеуслышание заявили о себе в 2003–2004 годах, сразу после того, как Литва вошла в Евросоюз и НАТО. Они во многом объясняют, почему литовский Сейм принял подписанную 3 июня 2008 года Пражскую декларацию о европейской совести и коммунизме, которая, на мой взгляд, во многом способствует искажению правды о Холокосте. Подписанная тридцатью тремя политиками, историками и общественными деятелями, главным образом из Центральной и Восточной Европы, она, по сути, предлагает не видеть различий между злодеяниями нацистов и коммунистов: “Европа не сможет объединиться, пока она не упразднит разрывы в собственной истории, не признает коммунизм и нацизм единым наследием и не инициирует полную и многостороннюю дискуссию о преступлениях всех тоталитарных режимов”. Одним из практических шагов к преодолению исторических разрывов должен был стать “тщательный пересмотр и согласование учебников по истории Европы, чтобы дети могли узнать о коммунизме и осудить его совершенно так же, как сейчас они учатся справедливо оценивать нацистские преступления”. Кроме того, авторы декларации предложили создать Институт общеевропейской памяти и совести, который исследовал бы тоталитаризм во всех его проявлениях, поддерживал региональные академические структуры, занимающиеся (преимущественно в рамках “теории двойного геноцида”) изучением тоталитарных злодеяний и одновременно служил бы музеем и мемориалом всех жертв тоталитарных режимов.

Оба замысла до сих пор остаются в проектах и вряд ли осуществятся в ближайшем будущем. Идея, которая, на мой взгляд, посягает на память о Холокосте и усилия непредвзято рассказывать о нем, оказалась более привлекательной. Речь шла о том, чтобы “23 августа, в день подписания договора между Гитлером и Сталиным, вошедшего в историю как “пакт Молотова — Риббентропа”, назначить днем памяти жертв нацистского и коммунистического тоталитарных режимов подобно тому, как 27 января Европа вспоминает жертв Холокоста”. Это предложение поддержали вышедшие примерно через год после появления Пражской декларации три общеевропейских документа — две резолюции Европарламента (одна из них была принята большинством голосов: 533 против 44 при 33 воздержавшихся) и резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ. Не получится ли так, что, учрежденный при столь влиятельной поддержке, этот день со временем вытеснит из календаря и памяти даты, в которые мы вот уже много лет вспоминаем трагедию европейского еврейства?

Впрочем, если на уровне общеевропейской политики столь упорно и последовательно, не жалея аргументов и средств, пытаются исказить историю Холокоста, стоит ли удивляться, что Литве с момента обретения независимости так трудно выполнить шесть упомянутых выше необходимых условий примирения. Нельзя сказать, чтобы литовские власти бездействовали, однако создается впечатление, будто необходимые шаги часто совершаются, чтобы избежать международного давления, а не из честного осознания своей исторической ответственности. Взять хотя бы публичное покаяние. Многие литовские политические лидеры во время визитов в Израиль приносили извинения за причастность литовцев к трагедии Холокоста, но дальше слов дело зачастую не шло. 1 марта 1995 года Альгирдас Бразаускас произнес в Кнессете прочувствованную речь, в которой не только

попросил прощения за участие литовцев в уничтожении евреев, но пообещал, что литовских пособников нацизма найдут и преступления их будут расследовать “последовательно, осознанно и открыто”.

К сожалению, если это и происходит, то крайне медленно и во многом хаотично. Как минимум десяток литовских военных преступников, многие годы скрывавшихся в США, после того как их разоблачили и выслали из страны, вернулись в Литву, однако никто так и не стал расследовать их злодеяния. Бывший шеф полиции Вильнюсского округа Александрас Лилейкис и руководивший двумя подразделениями литовской тайной полиции Казис Гимзаускас, в конце концов, под давлением США, Израиля и международных еврейских организаций, были привлечены к ответственности и предстали перед судом, но к началу расследования они были уже настолько стары и больны, что понести наказание попросту не могли. Сотрудничавший с тем же литовским гестапо Альгимантас Дайлиде был приговорен к пяти годам тюрьмы, однако судьи позволили ему не отбывать срок, поскольку он должен был ухаживать за тяжелобольной женой. Одновременно литовский парламент принял закон, позволяющий привлекать к уголовной ответственности подозреваемых в геноциде независимо от состояния их здоровья (в крайних случаях им разрешалось давать показания по видеосвязи), однако, как уже говорилось, иногда кажется, будто государственные власти скорее стремятся произвести благоприятное внешнее впечатление, а не заслуженно покарать нацистских пособников.

На этом фоне обескураживающе несправедливой представляется развернувшаяся в 2006 году кампания против нескольких “еврейских советских партизан”, которым инкриминировали военные преступления против мирных литовских граждан. Она сопровождалась травлей в национа-

листических масс-медиа, где Ицика Арада, Фаню Бранцовскую, Рахиль Марголис и Сарру Гиноите, которым удалось уцелеть только потому, что они бежали в партизанские отряды, безнаказанно клеймили “убийцами”. Ирония состояла в том, что один из обвиняемых, Ицик Арад, известный израильский историк Холокоста, возглавлявший мемориальный и исследовательский центр Яд ва-Шем, в те годы состоял в международной межгосударственной исторической комиссии, расследующей преступления нацистских оккупантов. В конце концов, обвинения не подтвердились, дело заглохло, но обнаруженные в тех же националистически ориентированных СМИ просьбы о разоблачительных свидетельствах вынуждают опасаться, что его могут возобновить в любой момент. Показательно также, что ни одной из оклеветанных женщин по сей день не принесены официальные извинения.

Подобные странности можно наблюдать также в подходе к реабилитации жертв советского режима, предполагающей, кроме прочего, денежные выплаты репрессированным. По закону, принятому 2 мая 1990 года, те, кто “участвовал в геноциде”, реабилитации не подлежат, но, в действительности, десятки человек, причастных к уничтожению евреев, были признаны невинно пострадавшими и получили соответствующую моральную и материальную компенсацию. Для расследования подобных случаев правительство Литвы, по нашему настоянию, создало совместную израильско-литовскую комиссию, мы договорились о принципах ее деятельности, но, к сожалению, сработаться нам не удалось: местные власти зачастую не выполняли своих обязательств и мешали усилиям комиссии. В конце концов, они сочли за лучшее разбирать подобные дела без вмешательства извне, так что возможности понять, насколько тщательно и беспристрастно расследуется каждый случай, у нас практически нет.

Есть немало вопросов и к деятельности литовского государственного Центра исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы. Он был создан для изучения, прежде всего, преступлений коммунистического режима, а также антисоветского сопротивления, но в нем также ведется серьезная исследовательская работа по истории Холокоста. В частности, сотрудники Центра анализируют свидетельства о спасении евреев и обладают правом представлять к учрежденной правительством Литвы награде “Крест за спасение жизни”. (Заметим, что, по нашему мнению, литовские критерии определения праведников во многом отличаются от разработанных мемориалом Яд ва-шем, который первым начал присваивать это высокое звание.) Кроме того, Центр помогает разыскивать и привлекать к ответственности литовских коллаборационистов. Несколько лет назад ему было поручено, в ответ на обнародованные Иосифом Меламедом, главой Ассоциации литваков в Израиле, имена двадцати трех тысяч литовцев, участвовавших в уничтожении евреев, составить собственный список. Он оказался гораздо короче — всего две тысячи пятьдесят пять имен. Вскоре после появления на сайте Центра его удалили раз и навсегда. Более того, насколько известно, никаких действий по отношению к людям, упомянутым в этом списке, государство не предпринимало: никто не потрудился узнать, живы ли они, достаточно ли крепки, чтобы предстать перед следствием. На наш взгляд, это позволяет предположить, что во многих случаях государство предпочитает умалчивать об исследованиях и документах, проливающих свет на историю Холокоста в Литве. Наконец, в деятельности Центра можно усмотреть попытки обелить тех национальных литовских героев, о которых доподлинно известно, что они участвовали в уничтожении своих еврейских соседей.

Подобные вопросы возникают и в связи с Музеем геноцида, расположенным на главной улице Вильнюса, в здании, которое в 1942–1944 годах занимали печально известный расстрельный отряд особого назначения, гестапо и литовская тайная полиция, а в советское время — КГБ. Сейчас это одна из самых известных вильнюсских достопримечательностей. После обретения Литвой независимости в этом здании проходил суд над Лилейкисом, Гимзаускасом и Дайлиде, именно здесь в настоящее время находятся архивы КГБ, в которых, кроме прочего, хранятся материалы о послевоенных судах над коллаборантами. С другой стороны, среди выгравированных на фасаде имен литовских героев антисоветского сопротивления — например, Йонас Нореика, запятнавший себя кровью литваков. Да и сама концепция музея свидетельствует о том, что геноцид евреев интересует его создателей гораздо меньше, нежели преступления, совершенные Советами, в том числе еврейскими коммунистами. Сами по себе ужасающие, эти злодеяния, на наш взгляд, все же не могут расцениваться как геноцид — или мы должны принять крайне расширительную трактовку этого понятия, аналогичную предложенной литовским парламентом.

Наконец, стоит упомянуть о Международной комиссии по оценке преступлений нацистской и советской оккупации в Литве, которая, как видно из ее названия, последовательно отстаивает полное тождество нацистского и советского режимов. Одна из главных задач комиссии — образовательная; в частности, она курирует учебные программы по истории Холокоста и отбирает литовских учителей для участия в семинарах Яд ва-шем. В свое время именно она обратилась к литовскому правительству с просьбой поддержать Пражскую декларацию и последовательно распространяет ее идеи, а кроме того, проводит разнообразные мероприятия, на ко-

торых трагическое прошлое Литвы осмысливается, главным образом, в русле теории “двойного геноцида”.

Однако едва ли не главным препятствием, мешающим Литве до конца признать правду о собственной истории, нам видится упорное многолетнее сопротивление литовского правительства. Какие бы партии ни входили в правящую коалицию, почти все они разделяют идею “двойного геноцида” и отказываются признавать масштабы ответственности литовцев за уничтожение евреев. Эта позиция настолько влиятельна, что сторонники иной точки зрения, те, кто поддерживает нашу работу, нередко вынуждены скрывать в общественных полемиках свои взгляды и переходить на противоположную сторону. На них “давят”, пытаются подкупить престижными и выгодными должностями в государственных структурах, и лишь очень немногим удается устоять перед искушением, что, конечно, сказывается, на весьма печальном положении дел, связанных с осмыслением Холокоста.

Одним из тех, кому удалось в этой ситуации сохранить честность и отвагу, я бы назвал профессора Довида Каца, который, вот уже без малого десять лет почти все свое время и силы отдает обоснованию исторической правды о Холокосте в Литве. Уроженец Бруклина, один из лучших знатоков идиш, профессор Кац приехал в Литву по приглашению Вильнюсского университета, где совместно с Менди Каханом создал Вильнюсский институт идиша. В течение восьми лет он занимался исключительно преподаванием и научной работой, однако после того, как узнал, что уцелевших в Холокосте еврейских партизан обвиняют в военных преступлениях, не только выступил в их защиту, но и начал публично критиковать попытки утаить преступления Холокоста и снять с литовцев вину за уничтожение соседей. Его действия, равно как и созданный им замечательный сайт defendinghistory.com тут же привлекли внимание властей. Вскоре профессора Каца

несправедливо лишили должности в университете, из-за чего он вынужден значительную часть года жить вне Литвы и во многом ограничить свою деятельность.

Если бы последовательные попытки “переписать” историю Второй мировой войны и Холокоста предпринимались только в Литве, они не вызывали бы такой обеспокоенности. Литва, как представляется, последовательней, чем другие страны, отождествляет преступления нацизма и коммунизма, а также скрывает или, по крайней мере, приуменьшает роль местных коллаборационистов в “окончательном решении еврейского вопроса”. Рискнем сказать, что в течение многих лет она была своего рода лабораторией умолчаний о собственной истории. Однако подобное сопротивление правде можно наблюдать в других странах Балтии, а также в Украине, в Венгрии, Румынии и Хорватии. Поэтому книга “Свои” очень нужна не только постсоветской Восточной Европе, но всему современному миру.

То, что происходит сейчас в Литве, во многом обнадеживает, но пока историческая правда о Холокосте и собственной причастности к ней не будет услышана всеми, вряд ли стоит ждать значительных перемен. Надеемся, что эта книга радикально изменит отношение Литвы к собственному прошлому. Кто знает, быть может, совместный труд еврейского “охотника за нацистами”, названного в память о жертвах Холокоста в Литве, и популярного публициста, близкие родственники которого преследовали евреев, поможет найти путь к общему будущему.

Перевод с английского С. Панич

Источники и литература

- LCVA — Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Литовский центральный государственный архив).
- LYA — Lietuvos ypatingasis archyvas (Литовский особый архив). Вашингтонский музей Холокоста, коллекция Джеффа и Тоби Хэпп.
- Žemėlapis “Lietuvos žydų gyvenami miestai ir miesteliai XIX a. pabaigoje”. Parengė Tarptautinė komisija nacių ir sovietinio okupacinių režimų nusikaltimams Lietuvoje įvertinti, 2003. (Карта “Города и местечки, где жили литовские евреи в конце XIX века”. Подготовлена Международной комиссией по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов, 2003.)
- BALTRAMONAITIS JUOZAS. *Dienoraštis (1942-1944)*. Vilniaus sunikijų darbų kalėjimo kronika. Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 22. Vilnius, 2003.
- BUBNYS ARŪNAS. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941-1944)*. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras (LGGRTC), 1998.
- EIDINTAS ALFONSAS. *Žydai, lietuviai ir holokaustas*. Vilnius, 2002.
- FROMM ERICH. *The Anatomy of Human Destructiveness*. London: Penguin books, 1977.

- Garažas: aukos, budeliai, stebėtojai.* Sudarė Saliamonas Vaintraubas. Vilnius: Lietuvos žydų bendruomenė, 2002.
- Genocidas ir rezistencija.* Vilnius: LGGRTC, 2006, № 2 (20); 2007, № 2 (22); 2011, № 2 (30); 2012, № 1 (32), № 2 (32).
- Gyvybę ir duoną nešančios rankos.* 4 knyga. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2009.
- Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.* Straipsnių rinkinys, Sudarė Arūnas Bubnys. Vilnius: LGGRTC, 2001.
- Laikas.* Istorijos vadovėlis 10 klasei. Vilnius: Briedis, 2007.
- Lietuvos laikinosios vyriausybės posėdžių protokolai.* Parengė Arvydas Anušauskas. Vilnius: LGGRTC, 2001.
- Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys.* Sudarė Alfonsas Eidintas. Vilnius: Vaga, 2001.
- Masinės žudynės Lietuvoje, 1941–1944.* Dokumentų rinkinys. I dalis. Vilnius: Mintis, 1965.
- Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m.* Autorių kolektyvas. Panevėžys: Nevežio spaustuvė, 2003.
- POVILAITIS NERIJUS. Nesutariama, kaip laidoti nužudytų kaulus. *Lrytas.lt*, 3.10.2014.
- Rainių tragedija, 1941 m. birželio 24–25 d.* Parengė Arvydas Anušauskas ir Birutė Burauskaitė. Vilnius: LGGRTC, 2000.
- Rezistencijos pradžia: 1941–ųjų Birželis: dokumentai apie šešių savaitinių laikinąją Lietuvos vyriausybę.* Sudarė Vytautas Landsbergis. Vilnius: Jungtinės spaudos paslaugos, 2012.
- SAKOWICZ KAZIMIERZ. *Panerių dienoraštis. 1941–1943 m.* Vilnius. Iš lenkų k. vertė UAB “Magistrai”. Vilnius: LGGRTC, 2012.
- SAKOWICZ KAZIMIERZ. *Ponary Diary, 1941–1943.* A Bystanders Account of a Mass Murder, edited by Itzhak Arad. Yale University press, 2005.
- Savaitės pokalbis. Alfredas Rukšėnas: “Jie pakluso įsakymui, o ne sąžinei”. *Bernardinai.lt*, 17.01.2012.
- ŠEPETYS NERIJUS. “«Būti žydu» Lietuvoje: Šoa atminimo stiprinimas, pilietimo sąmoningumo ugdymas, o gal.. naudingų idiotų šou?” *15 min. lt*, 30.05.2015.

- ŠKIRPA KAZYS. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*. Vašingtonas, 1973.
- Šoa (Holokaustas) Lietuvoje. Skaitiniai. II dalis. Sudarė Josifas Levinsonas. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2004.
- Švenčionių kraštų žydai. Pratybų sąsiuvinis. Švenčionys, 2004.
- TRUSKA LIUDAS, ANUŠAUSKAS ARVYDAS, PETRAVIČIUTE INGA. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais*. Vilnius: LGGRTC, 1999.
- TRUSKA LIUDAS. *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio: antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius: Vilniaus pedagoginis institutas, 2005.
- VAITIEKŪNAS VYTAUTAS. *Vidurnakčio dokumentai* (3 knyga). Vilnius: Katalikų pasaulis, 1996.
- VALIUŠAITIS VIDMANTAS. *Kalbėjime patys, girdėjime kitus*. Vilnius: UAB “Petro opfsetas”, 2013.
- VAN VOREN ROBERT. *Neįsisavinta praeitis: Holokaustas Lietuvoje*. Iš anglų k. vertė Linas Venclauskas. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2012.
- Žydų muziejus: *almanachas*. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2001.

הרשות לקליטה עליה בחיפה
רח'י.ל. פרץ 20, חיפה
סיפרייה
11982 _____ מס' 1

CORPUS 475

Серия ПАМЯТИ XX ВЕКА

Литературно-художественное издание

РУТА ВАНАГАЙТЕ

ЭФРАИМ ЗУРОФФ

СВОИ

ПУТЕШЕСТВИЕ

С ВРАГОМ

16+

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редактор ВЕРА ПРОРОКОВА

Ответственный за выпуск ОЛЬГА ЭНРАЙТ

Технический редактор НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМОВА

Корректор ЛЮБОВЬ ПЕТРОВА

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 10.04.18. Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0
Тираж 5000 экз. Заказ № 3233/18.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru

OCR Давид Титиевский, август 2019 г. Хайфа

ООО "Издательство АСТ"

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
www.ast.ru

"Баспа Аста" деген ООО

129085 Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзар, 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі "РДЦ-Алматы" ЖШС

050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 "а", литер Б, офис 1
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2, БЦ "Империya", а/я №5
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или
любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые
попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

9 785171 071776

Эта книга поможет нам более объективно и зрело взглянуть на свою историю, обрести истинное национальное самосознание и самоуважение.

ТОМАС ВЕНЦЛОВА

Вы будете плакать над этой книгой — плачьте, но плакать мало, надо думать. Думать о том, как быстро расчеловечивается человек, человека в человеке немного, тонкий слой культуры легко смахнуть.

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ

9 785171 071776

Книга Руты Ванагайте и Эфраима Зуроффа – это горький и правдивый рассказ о Холокосте в Литве. Во время Второй мировой войны погибло 200 тысяч человек, то есть около 97 процентов еврейского населения страны. И в уничтожении евреев активное участие принимали литовцы. В Литве книга вызвала огромный скандал, стала бестселлером, а власти отнеслись к ней крайне отрицательно. Издательство разорвало с Ванагайте контракт, все написанные ею книги были изъяты из продажи на территории Литвы.

144